

5890

3316

Р. е. к. к. к. к. к.

Wm

101
1863

32

1863

65

1 ф. и

Фербертъ епископъ
личность и государ-
ство.

№ 11714

Каталог

ни въ какомъ случаѣ не сопротивлялся королю оружіемъ; эти же принципы въсѣдствіе выразились въ биллѣ, имѣвшемъ цѣлью оградить подданныхъ отъ враждебныхъ дѣйствій монархической власти. Всѣ эти акты имѣли по существу одинаковое значеніе: они ослабляли принципъ обязательной коопераціи въ общественной жизни и укрѣпляли принципъ добровольной коопераціи. Замѣчаніе Грина по поводу періода, въ теченіе котораго виги находились у власти, послѣ смерти Анны, показываетъ, что политика этой партіи имѣла то же общее направленіе, какъ и въ предшествующую эпоху.

«Прежде чѣмъ протекло пятидесятилѣтіе ихъ власти, англичане уже забыли, что возможно было преслѣдовать людеи за релігіозныя убѣжденія, отмѣнить свободу печати, вмѣшиваться въ примѣненіе правосудія или управлять безъ парламента».

А теперь, оставивъ въ сторонѣ періодъ войны въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., въ теченіе котораго личная свобода потеряла большую долю завоеванной области, и когда ретроградное движеніе къ соціальному типу милитаризма проявилось въ различнаго рода принудительныхъ мѣрахъ, начиная съ тѣхъ, которые насильственно овладѣвали людьми и собственностью гражданъ для военныхъ цѣлей и кончая тѣми, которые отмѣняли собранія и пытались обуздать печать, — припомнимъ общій характеръ всѣхъ измѣненій, произведенныхъ вигами или либералами, когда возстаповленіе мира дало возможность воскресить промышленный режимъ съ свойственнымъ ему строемъ. Подъ возрастающимъ вліяніемъ виговъ законы, запрещавшіе ассоціаціи рабочихъ, были отмѣнены такъ же, какъ и законы, ограничивавшіе свободу ихъ перехода съ мѣста на мѣсто. Упомянемъ также и законъ, по которому диссиденты могли вѣровать, во что хотѣли, не подвергаясь гражданскимъ наказаніямъ, и законъ, позволившій католикамъ исповѣдывать свою вѣру, не теряя извѣстной доли своей свободы. Область свободы расширилась, благодаря актамъ, запрещавшимъ покупать негровъ и держать ихъ въ рабствѣ. Монополія Остъ-Индской Компаніи была уничтожена, а торговля съ Востокомъ объявлена свободной для всѣхъ. Благодаря *Биллю Реформы* и *Биллю Муниципальной Реформы*, число гражданъ, не имѣющихъ представителей было уменьшено, такъ что, какъ съ общей, такъ и съ мѣстной точки зрѣнія, масса менѣе страдала отъ господства привилегированныхъ классовъ. Диссиденты, освобожденные отъ подчиненія церковной формѣ брака, получили возможность жениться по чисто гражданскому церемоніалу. Позднѣе явилось уменьшеніе и отмѣна ограниченій при покушкѣ иностранныхъ товаровъ и при пользованіи иностранными судами и моряками, а еще позднѣе отмѣна стѣснительныхъ для прессы постановленій, изданныхъ прежде для того, чтобы помѣшать распространенію мѣстной. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти измѣненія, были-ли они сдѣланы либералами или нѣтъ, совершены были сообразно съ провозглашаемыми ими принципами.

Но зачѣмъ перечислять давно извѣстныя всѣмъ факты? Единственно за тѣмъ, что, какъ мы уже сказали, необходимо напомнить читателю, чѣмъ былъ либерализмъ въ былыя времена, дабы онъ видѣлъ, насколько онъ различенъ отъ, такъ называемаго, либерализма нашего времени. Мы считали бы излишнимъ перечислять одну за другой всѣ эти различныя мѣропріятія для того, чтобы показать ихъ общій характеръ, если бы онъ въ наше время уже не былъ забытъ. Мы забыли, что такъ или иначе всѣ эти истинно *либеральныя* перемѣны уменьшили обязательную кооперацію въ соціальной жизни и увеличили добровольную. Мы забыли, что въ томъ или другомъ смыслѣ онъ уменьшили область правительственной

и увеличили поле дѣйствія, гдѣ каждый гражданинъ можетъ свободно распоряжаться. Мы потеряли изъ виду ту истину, что либерализмъ обещиваетъ свободу личности противъ принудительнаго дѣйствія государства.

И теперь мы должны спросить себя: какимъ образомъ либералы потеряли изъ вида эту истину? Какъ могло случиться, что либеральная партія, пріобрѣтая все большую и большую долю власти, дѣлалась все болѣе и болѣе принудительной въ своихъ законодательныхъ мѣрахъ? Какъ случилось, что опираясь на свое собственное большинство или же косвенно путемъ содѣйствія, оказываемаго ею въ нѣкоторыхъ случаяхъ большинству партій своихъ противниковъ, либеральная партія въ широкихъ размѣрахъ присвоила себѣ право руководить дѣйствіями гражданъ и, слѣдовательно, уменьшать область, въ которой эти дѣйствія были свободны? Какимъ образомъ объяснить это смѣшеніе понятій, которое заставило партію въ стремленіи къ тому, что кажется общественнымъ благомъ, отбросить методъ, который въ былыя времена помогалъ ей служить этому общественному благу.

Хотя на первый взглядъ и кажется, будто невозможно объяснить себѣ эту бессознательную политическую перемѣну, мы найдемъ однако, что она произошла совершенно естественно. Принимая во вниманіе конкретную мысль, которая обыкновенно преобладаетъ въ политическихъ вопросахъ, и настоящія условія, нельзя было и ожидать ничего другого. Чтобы доказать справедливость этого мнѣнія, необходимо войти въ нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Начиная съ низшихъ животныхъ до самыхъ высшихъ, умственные способности прогрессируютъ путемъ дифференціаціи, и такимъ же образомъ прогрессируютъ онѣ и у человѣка, начиная отъ круглыхъ невѣждъ до ученыхъ. Точно классифицировать, помѣстить въ одну группу существовавшія однородныя вещи, а въ другія группы вещи существенно различныя—вотъ основное условіе для правильнаго управленія дѣйствіями. Начиная съ общаго зрительнаго впечатлѣнія, предупреждающаго насъ о прохожденіи вблизи большого темнаго тѣла (точно такъ же, какъ мы закрытыми глазами, обратясь къ окну, видимъ тѣнь руки передъ нами и слѣдовательно узнаемъ, что какое-то тѣло движется между окномъ и нами), мы мало-по-малу достигаемъ такого развитія зрѣнія, которое, путемъ тонкой оцѣнки соединенія формъ, цвѣтовъ и движеній даетъ возможность узнавать въ появляющихся вдали предметахъ добычу или опасность и приспособлять нашъ образъ дѣйствій къ тому, чтобы завоевать себѣ пищу или избѣгнуть смерти. Это прогрессивное пониманіе различій и получающіяся въ результатѣ того болѣе точныя распредѣленія по отдѣламъ и составляютъ развитіе ума въ главныхъ его проявленіяхъ и наблюдаются также и тогда, когда отъ восприниманія простымъ физическимъ зрѣніемъ мы переходимъ къ сравнительно болѣе сложному восприниманію умственнымъ зрѣніемъ, позволяющему намъ группировать болѣе вѣрнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ ихъ строенію и ихъ природѣ образомъ предметы, которые мы раньше группировали по нѣкоторымъ вѣшнимъ чертамъ сходства и по чисто вѣшнымъ условіямъ. Незрѣлое умственное зрѣніе различаетъ такъ же плохо и ошибается въ своей группировкѣ такъ же, какъ и «незрѣлое» физическое зрѣніе. Приведемъ въ примѣръ прежнюю классификацію растений на деревья, кустарники и травы, гдѣ самая выдающаяся ихъ черта—величина—составляетъ основу различія, и группы формируются такимъ образомъ, что соединяютъ въ себѣ много растений совершенно разнородныхъ и разъединяютъ другія, принадлежащія къ одному семейству. Или возьмемъ еще лучший примѣръ: а именно народную классификацію, соединяющую подъ однимъ общимъ названіемъ рыбъ и раковины (fish and shell fish) и

причисляющую къ раковинамъ черепокожихъ и моллюсковъ; она идетъ даже еще дальше, причисляя къ рыбамъ китообразныхъ животныхъ. Такимъ образомъ, вельдствие ли сходства въ образѣ жизни, какъ обитателей воды, вельдствие ли чего-либо общаго во вкусѣ ихъ мяса, народъ соединилъ въ одинъ отдѣлъ и одинъ подъ-отдѣлъ существа менѣе сходныя по своей природѣ, чѣмъ рыба и птица.

Подтверждаемая этими примѣрами общая истина проявляется также и въ высшихъ сферахъ умственного зрѣнія относительно предметовъ, недоступныхъ чувствамъ, каковы политическія учрежденія и мѣропріятія; ибо и въ этихъ вопросахъ продукты несовершенной умственной способности или несовершеннаго умственного развитія, или того и другого вмѣстѣ, представляютъ собой ошибочную группировку, ведущую къ ошибочнымъ выводамъ. И даже въ этой области шансы заблужденія гораздо болѣе многочисленны, такъ какъ предметы, принадлежащіе къ интеллектуальной области не могутъ быть разсматриваемы такъ же легко. Вы не можете ни осознать, ни видѣть политическое учрежденіе; вы можете познать его только усиліемъ своего творческаго воображенія. Точно также вы не можете уловить физическимъ чувствомъ политическую мѣру: она также требуетъ умственной работы, соединяющей составныя части въ одну идею и приводящей насъ къ пониманію сущности этого соединенія. Значить здѣсь, еще болѣе чѣмъ въ вышеупомянутыхъ случаяхъ, несовершенство умственного зрѣнія проявляется въ группировкѣ явленій по высшимъ чертамъ и внѣшнимъ условіямъ. Доказательство того, что эта причина производитъ ошибки въ классификаціи учрежденій, мы видимъ въ общераспространенномъ мнѣніи, что римская республика была демократической формой правленія. Разсмотрите поближе идею прежнихъ французскихъ революціонеровъ и вы увидите, что они брали себѣ въ примѣръ политическіе акты и формы римлянъ, и можно было бы даже назвать имя того историка, который ставилъ въ примѣръ испорченность римскихъ нравовъ, чтобы показать, къ чему приводитъ демократическое правленіе. А между тѣмъ между римскими и истинно свободными учрежденіями существуетъ не менѣе разницы, чѣмъ между акулой и морской свиньей, такъ какъ эти учрежденія, несмотря на одинаковую внѣшнюю форму, представляютъ совершенно различный внутренней строй. Общество, въ которомъ относительно небольшое число людей, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ политическую власть и пользовавшихся извѣстной свободой, были всею силою маленькими деспотами, которые держали не только своихъ рабовъ и подчиненныхъ, но даже своихъ дѣтей въ такомъ же полномъ рабствѣ, какъ и свой скотъ, такое общество можетъ считаться скорѣе подвластнымъ обыкновенному деспотизму, чѣмъ собраніемъ гражданъ, обладающихъ равными политическими правами.

Если мы перейдемъ теперь къ нашему спеціальному вопросу, то мы въ состояніи будемъ замѣтить то смѣшеніе понятій, въ которомъ запутался либерализмъ и выяснитъ источникъ тѣхъ ошибочныхъ группировокъ политическихъ мѣръ, приведшихъ къ его ошибкамъ. — группировокъ, сдѣланныхъ, какъ мы увидимъ ниже, сообразно съ выступающими внѣшними признаками, а не внутренними свойствами явленій. Какова была въ глазахъ народа и въ глазахъ либераловъ, произведшихъ реформы въ былыя времена, цѣль этихъ реформъ? Эти реформы должны были устранять причины неудовольствія народа или лишь части народа: таковы были общій ихъ характеръ, запечатлѣвшійся въ умѣ людей. Онѣ должны были смягчить зло, отъ котораго прямо или косвенно страдали цѣлые классы населения, уменьшить причины нищеты и разрушить преграды къ счастью. И такъ какъ въ умѣ большинства людей устраненное зло равняется совершенному благу, на эти мѣры стали смотрѣть, какъ на положительныя бла-

годъяны, а либеральные государственные люди и либеральные избиратели стали считать благосостояние массъ цѣлью либерализма. Отсюда и произошло смѣшеніе понятій. Такъ какъ вѣншей выдающейся чертой всѣхъ либеральныхъ мѣръ древняго времени было пріобрѣтеніе какого-либо блага для народа (а благо это состояло главнымъ образомъ въ уменьшеніи естественнаго), то и случилось такъ, что либералы увидѣли въ народномъ благѣ не цѣль, которой слѣдовало достигать косвеннымъ образомъ, путемъ уменьшенія естественнаго, но цѣль, которой слѣдуетъ достигать непосредственно. А стараясь достигнуть ея непосредственно, они стали пользоваться методами, по существу своему противоположными тѣмъ, которые употреблялись прежде.

Теперь, когда мы увидѣли, какимъ образомъ произошло это измѣненіе въ политикѣ (исключеніе частичное, такъ какъ недавніе законы о погребеніяхъ и успія, сдѣланные для уничтоженія всѣхъ еще существующихъ религіозныхъ неравенствъ, показываютъ, что прежняя политика еще продолжается въ нѣкоторыхъ направленіяхъ), разсмотримъ, до чего дошло это измѣненіе въ послѣднее время, и до чего оно дойдетъ еще въ будущемъ при продолжающемся преобладаніи современныхъ идей и чувствъ.

Прежде чѣмъ идти далѣе, не лишнимъ будетъ, можетъ быть, заявить, что мы не имѣемъ намѣренія порицать мотивы, вызвавшіе постепенное извѣстныя ограниченія или извѣстныя мѣры. Мотивы эти безъ сомнѣнія въ большинствѣ случаевъ были похвальны. Мы должны допустить, что ограниченія, внесенныя закономъ 1870 г. въ обычай пользоваться трудомъ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ, гдѣ красятъ матеріи въ красный, такъ называемый адрианопольскій цвѣтъ, были, по мысли законодателя, столь же гуманны, какъ и постановленія Эдуарда IV, устанавливавшія минимумъ времени, на которое рабочій могъ быть нанятъ. Безъ сомнѣнія парламентскій актъ относительно доставки сѣмянъ (Ирландія), дозволяющій общиннымъ администраторамъ покупать сѣмена для бѣдныхъ арендаторовъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы эти сѣмена сѣялись надлежащимъ образомъ, былъ внушенъ не менѣе сильнымъ желаніемъ народнаго блага, чѣмъ актъ 1533 г., предписывающій число барановъ, которое могъ завести арендаторъ, или актъ 1597 г., приказывающій возобновлять обветшавшія постройки фермъ. Никто не будъ отрицать, что различныя мѣры, принятые за послѣдніе годы для ограниченія продажи спьяняющихъ напитковъ, какъ и мѣры, принимавшіяся въ прежнія времена для уменьшенія зла, причиняемаго роскошью, какъ напримеръ въ XIV в., когда введены были ограниченія расходовъ на стирку и одѣжу,—что всѣ эти мѣры имѣли въ виду общественную нравственность. Каждому должно быть понятно, что эдикты, изданные Генрихомъ VIII для того, чтобы удержать низшіе классы отъ игры въ кости, въ карты, въ кегли и т. д., были внушены такимъ же желаніемъ способствовать общественному благосостоянію, какъ и современные законы о денежныхъ играхъ.

Кромѣ того, я вовсе не имѣю намѣренія оспаривать цѣлесообразность вѣнхъ современныхъ постановленій, въ введеніи которыхъ соетязаются консерваторы и либералы, и точно также не оспариваю цѣлесообразности тѣхъ прежнихъ постановленій, на которыя современные походятъ во многихъ отношеніяхъ. Мы не будемъ разсматривать насколько принятыя недавно проекты для охраненія жизни матросовъ болѣе остроумны или менѣе удачны, нежели то радикальное шотландское постановленіе середины XV в. которое запрещало капитанамъ кораблей выходить въ море во время зимы. Въ данную минуту мы не будемъ обсуждать вопроса существовать ли болѣе вѣскія причины, которыя даютъ инспекторамъ право посѣщать извѣстные дома, чтобы видѣть не имѣется ли тамъ вредныхъ пищевыхъ

продуктовъ, чѣмъ причины вызвавшія законъ Эдуарда III, предписывавшій трактирщикамъ въ портовыхъ городахъ давать присягу въ томъ, что они будутъ обыскивать своихъ посѣтителей съ цѣлью помѣшать вывозу чуждой монеты за границу. Мы допускаемъ, что въ параграфѣ, относящемся къ судоходству по каналамъ и запрещающемъ владѣльцу судна давать даровое содержаніе дѣтямъ матросовъ, болѣе смысла, чѣмъ въ актахъ огибнившихся къ, такъ называемымъ Spilfields, запрещавшихъ фабрикантамъ до 1824 г. въ интересахъ ремесленниковъ, устраивать свои мануфактурныя заведенія далѣе, чѣмъ на десять миль отъ королевской Биржи.

Мы не будемъ возбуждать вопроса о томъ, руководилесь ли законодатели мотивами чловѣколюбія или разума, мы допускаемъ, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ. Намъ занимаетъ лишь обязательная природа этихъ законовъ, которые, будучи хорошими или дурными, смотря по обстоятельствамъ, вступили въ силу за то время, когда либералы были у власти.

Чтобы не ходить далеко за примѣрами, вернемся только къ 1860 г., во второму министерству лорда Пальмерстона. Въ этомъ году ограниченія, содержащіяся въ законѣ о фабрикантахъ, распространились на прачешныя и красильныя заведенія; дано было право заставлять дѣлать анализы пищи и питей, при чемъ за эти анализы должны были платить общины; учреждена была должность инспекторовъ газовыхъ заводовъ и установлены качество и максимальная цѣна газа; законъ, усиливающій постановленіе объ инспекціи рудниковъ, устанавливаетъ наказаніе для тѣхъ, которые заставляютъ работать въ рудникахъ мальчиковъ моложе 12 лѣтъ, не посѣщающихъ школу и не умѣющихъ читать и писать. Въ 1861 г. обязательныя постановленія, внесенныя въ законъ о мануфактурахъ были распространены и на кружевные фабрики; администрація благотворительныхъ учрежденій и т. д. получила право принуждать къ прививкѣ оспы. Мѣстнымъ совѣтамъ дано было право назначать таксу для найма лошадей, муловъ, ословъ и лодокъ, и нѣкоторымъ мѣстнымъ комитетамъ дана была власть взимать извѣстный налогъ за осушеніе и орошеніе полей и за доставку воды для скота. Въ 1862 г. изданъ былъ законъ, ограничивающій употребленіе для работы въ прачешныхъ подъ открытымъ небомъ женщинъ и дѣтей; другой законъ, запрещалъ каменоугольные кони съ одной шахтой или съ шахтами, отдѣленными другъ отъ друга меньшимъ промежуткомъ, чѣмъ было назначено. Наконецъ, третій законъ давалъ медицинскому вѣдомству исключительное право издавать фармакопею, цѣна которой должна быть установлена финансовымъ управленіемъ. Въ 1863 г. прививка оспы сдѣлалась обязательной въ Шотландіи и Ирландіи. Нѣкоторымъ совѣтамъ дано было право дѣлать займы, покрываемые мѣстными налогами. Городскимъ властямъ дано было право отбирать покинутые участки въ свою пользу съ цѣлью украшенія города и облагать населеніе сборомъ за ихъ содержаніе. Затѣмъ изданъ былъ законъ, относительно будочныхъ; въ немъ опредѣлялся наименьшій возрастъ для служащихъ въ извѣстные часы; предписывалось періодическое оштукатуриваніе стѣнъ, три слоя краски и мытье горячей водой съ мыломъ по крайней мѣрѣ черезъ шесть мѣсяцевъ. Наконецъ, другой законъ давалъ право судьямъ опредѣлять годность или негодность пищевого продукта, представленнаго ему инспекторомъ. Между принудительными мѣрами, установленными съ 1864 г., слѣдуетъ назвать расширеніе закона относительно мануфактуръ съ разными станками, нѣкоторыя правила, касающіяся чистки и вентиляціи, и предписаніе нѣкоторымъ служащимъ на спичечныхъ фабрикахъ принимать пищу исключительно въ мастерскихъ, гдѣ илять лѣсъ. Былъ изданъ также законъ о чисткѣ трубъ, законъ о продажѣ пива въ Ирландіи, законъ объ

обязательномъ испытаніи канатовъ и якорей, законъ, дающій болѣе широкое примѣненіе закону 1863 касательно общественныхъ работъ, законъ о заразныхъ болѣзняхъ. Этотъ послѣдній законъ давалъ полиціи въ извѣстныхъ мѣстностяхъ права, уничтожающія для извѣстнаго класса женщинъ различныя установленныя въ прежнія времена гарантіи личной свободы. Въ 1865 г. приняты были новыя мѣры для доставленія временно пріюта и облегченія на счетъ мѣстныхъ жителей нѣкотораго рода путешественникамъ. Затѣмъ изданъ былъ законъ о закрытіи кабаковъ и другой законъ, устанавливающій правила тушенія пожаровъ въ Лондонѣ. Во время управленія сэра Джона Росселя, въ 1866 г. слѣдуетъ отмѣтить законъ относительно хлѣбовъ на фермахъ и т. п. въ Шотландіи, предоставляющій мѣстнымъ властямъ право наблюдать за санитарными условіями и опредѣлять число головъ скота; законъ, принуждающій хмелеводовъ обозначать на тюкахъ хмеля годъ сбора, мѣсто прохожденія, вѣсъ, и дающій полиціи право провѣрять заявленія; законъ, облегчающій устройство мебелированныхъ домовъ, надзоръ за ними, ограниченіе числа жильцовъ, и содержащій правила относительно штукатурки, окраски и т. п., и наконецъ законъ о публичныхъ бібліотекахъ, дающій мѣстнымъ властямъ права, по которымъ большинство можетъ принудить меньшинство къ покупке его книгъ.

Если мы перейдемъ теперь къ законодательству въ эпоху управленія Гладстона, то мы увидимъ въ 1869 г. учрежденіе государственныхъ телеграфныхъ конторъ и запрещеніе посылать депеши инымъ путемъ; министру предоставлено право устанавливать правила для способовъ перемѣщенія въ Лондонѣ, мы имѣемъ самую точную регламентацію для препятствованія распространенію эпизоотій, законъ о розничной продажѣ пива и законъ о сохраненіи морскихъ птицъ (слѣдствіемъ котораго будетъ большая смертность рыбы). Въ 1870 г. изданъ былъ законъ, предоставляющій совѣту общественныхъ работъ право выдавать ссуды землевладѣльцамъ для улучшенія ихъ имѣній и арендаторамъ на покупку этихъ имѣній; затѣмъ мы имѣемъ законъ, предоставляющій вѣдомству воспитанія и обученія право составлять школьные комитеты, которые могутъ покупать мѣста для школъ и могутъ основывать школы, содержащія за счетъ мѣстныхъ налоговъ, право позволять школьнымъ комитетамъ вносить школьную плату за ученика, принуждать родителей посылать дѣтей въ школу и т. д.; мы имѣемъ еще законъ относительно мануфактуръ и мастерскихъ, создающій новыя ограниченія, между прочимъ запрещеніе принимать женщинъ и дѣтей въ мастерскія фруктозныхъ консервовъ и соленія рыбы. Въ 1871 г. является законъ касательно морской торговли, приписывающій служащимъ торговаго совѣта заносить въ водозмѣненіе каждаго судна, выходящаго изъ порта; затѣмъ есть еще другой законъ о мануфактурахъ и мастерскихъ, создающій новыя ограниченія, есть законъ о разносной торговлѣ, налагающій наказанія за разносную торговлю безъ разрѣшенія и ограничивающій районъ, въ области котораго разрѣшеніе дѣйствительно; есть еще новыя мѣры касательно обязательной прививки оспы. Среди законовъ 1872 г. назовемъ тотъ, который запрещаетъ брать на воспитаніе болѣе одного грудного младенца, за исключеніемъ домовъ, записанныхъ властями, опредѣляющими число дѣтей, которое дозволяется принимать. Назовемъ еще законъ о винныхъ лавкахъ, запрещающій продавать спиртные напитки лицамъ моложе 16 лѣтняго возраста, и другой законъ о морской торговлѣ, устанавливающій ежегодную ревизію пассажирскихъ пароходовъ. Затѣмъ въ 1873 г. былъ изданъ законъ о пользованіи дѣтскимъ трудомъ въ земледѣліи; по этому закону фермеру запрещалось употреблять для работы ребенка, не имѣющаго свидѣтельства объ окончаніи элементарной школы; изданъ былъ также законъ о морской торговлѣ, требующій, чтобы каждое

судно имѣло скалу, обозначающую вымѣщаемое количество воды и дающую торговому совѣту право назначать число лодокъ и спасительныхъ приборовъ, которые ему слѣдуетъ брать съ собой.

Посмотримъ теперь либеральные законы, издаваемые при нынѣшнемъ правительствѣ. Въ 1880 г. изданъ былъ законъ, запрещающій давать матросамъ жалованье впередъ на извѣстныхъ условіяхъ; другой законъ предписывалъ извѣстныя мѣры для перевозки хлѣбныхъ грузовъ; третій дозволялъ принуждать посылать дѣтей въ школу. Въ 1881 г. является запрещеніе продавать въ воскресенье стаканы пива въ Уэльсѣ. Въ 1882 г. торговому совѣту предоставлено право давать разрѣшенія на производство электричества и его распространеніе; муниципалитетамъ разрѣшено было взимать налогъ за электрическое освѣщеніе; разрѣшены были новые поборы для облегченія устройства бань и прачешныхъ; мѣстныя власти получили разрѣшеніе издавать добавочные законы о трудѣ лицъ, нанятыхъ для сбора плодовъ и овощей. Между законами 1883 г., принадлежащими къ этой категоріи, слѣдуетъ назвать законъ объ удешевленныхъ поѣздахъ, которыми, отнимая у населенія 400,000 фунт. стер. годового дохода (въ формѣ упраздненія налога на путешественниковъ) или же за счетъ владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ линій, дается возможность рабочимъ передвигаться болѣе дешевымъ образомъ, такъ какъ торговый совѣтъ имѣетъ право черезъ посредство желѣзно-дорожныхъ комиссаровъ устранивать для рабочихъ довольно частыя поѣзда съ достаточно удобными вагонами. Съ другой стороны существуетъ также законъ, запрещающій, подъ страхомъ пени въ десять фунтовъ стерл., расплачиваться съ рабочими въ кабакахъ; существуетъ новый законъ о фабрикахъ и мастерскихъ, предписывающій надзоръ за фабриками бѣлизы (чтобы слѣдить за тѣмъ, имѣются-ли въ нихъ респираторы, бани, прохладительныя кислые напитки и т. д.) и за будочными, регулирующій число рабочихъ часовъ въ тѣхъ и другихъ и заключающій въ себѣ подробныя правила относительно нѣкоторыхъ построекъ, за исправнымъ содержаніемъ которыхъ должны смотрѣть инспекторы.

Но идея наша будетъ не вполне ясна, если мы будемъ разсматривать только тѣ принудительные законы, которые были изданы за послѣдніе годы. Мы должны также разсматривать и тѣ, которыхъ требуютъ, и которые грозятъ быть гораздо болѣе радикальными и стѣснительными. Одинъ изъ якобы наиболее либеральныхъ министровъ объявилъ недавно, что проекты послѣдняго правительства для улучшенія жилищъ рабочихъ недостаточно энергичны, и утверждалъ, что слѣдуетъ произвести давленіе на владѣльцевъ маленькихъ домовъ, земельныхъ участковъ и на плательщиковъ податей. Другой министръ, обращаясь къ своимъ избирателямъ, съ презрѣніемъ говоритъ объ усиліяхъ филантропическихъ обществъ и религіозныхъ корпорацій помочь бѣднымъ и добавляетъ, что «весь народъ этой страны долженъ бы считать такое дѣло своимъ собственнымъ», иначе сказать онъ требуетъ какой-нибудь грандіозной мѣры со стороны правительства. Съ другой стороны одинъ радикальный членъ парламента стремится, съ каждымъ годъ увеличивающимися шансами успѣха, къ тому, чтобы принудить населеніе къ умѣренности, давая мѣстному большинству право ограничивать свободу объѣма нѣкоторыхъ товаровъ. Регулированіе часовъ труда для нѣкоторыхъ классовъ, распространяясь мало-по-малу, благодаря постепенному расширенію законовъ о мануфактурахъ, по всей вѣроятности распространится со временемъ еще болѣе, и уже поднятъ вопросъ о мѣрѣ, подчиняющей всѣхъ служащихъ въ магазинахъ такимъ же правиламъ. Все чаще и чаще раздаются требованія о бесплатномъ обученіи для всѣхъ и на школьную плату начинаютъ смотрѣть, какъ на несправедливость; государство должно нести этотъ расходъ. Кромѣ того, мно-

ге предлагаютъ, чтобы правительство; разсматриваемое, какъ въ высшей степени компетентный судья въ дѣлѣ воспитанія бѣдныхъ, предписывало хорошіе методы воспитанія и для среднихъ классовъ, чтобы оно налагало на дѣтей послѣднихъ свою государственную печать, прекрасное качество которой кажется защитникамъ такой идеи столь же неоспоримымъ, какимъ оно казалось китайцамъ, когда они установили свой методъ воспитанія. Съ нѣкоторыхъ поръ стали энергично требовать «фондовъ для изысканій». Каждый годъ правительство съ этой цѣлью выдаетъ 4000 ф. ст., которые распределяются по своему усмотрѣнію Королевское Общество. При этомъ за отсутствіемъ протестовъ противъ давленія со стороны заинтересованныхъ лицъ, пользующихся поддержкой тѣхъ, кто отъ нихъ зависитъ, названное общество мало-по-малу можетъ установить оплачиваемый «священнической санъ науки», котораго давно уже требовалъ сэръ Давидъ Брюстеръ. Предлагаютъ снова, представляя на то основательные доводы, организовать систему обязательнаго страхованія, по которой люди были бы обязаны съ юности дѣлать сбереженія на то время, когда они не въ состояніи будутъ работать.

Исчисленіе всѣхъ принудительныхъ мѣръ, которыя рано или поздно могутъ быть примѣнены, еще не окончено. Мы упомянули лишь несколько объ увеличеніи общихъ и мѣстныхъ налоговъ. Частью для того, чтобы оплачивать расходы, налагаемые выполненіемъ этихъ все болѣе и болѣе умножающихся принудительныхъ мѣръ, изъ которыхъ каждая требуетъ дѣлага штата служащихъ, частью для покрытія расходовъ, вызываемыхъ новыми общественными учрежденіями, какъ напр. школы съ пансіономъ, публичныя библіотеки, музеи, бани и прачешныя, мѣста для отдыха и т. д., мѣстные поборы увеличиваются съ каждымъ годомъ, а общіе налоги возрастаютъ, благодаря субвенціямъ на воспитаніе, на вѣдомство наукъ и искусствъ и т. д. Каждый изъ этихъ налоговъ представляетъ собой новое стѣсненіе и все болѣе ограничиваетъ свободу гражданина. Каждое новое требованіе заключается въ себѣ слѣдующія, обращенныя къ папальщикамъ слова: «До сихъ поръ вы могли тратить эту часть своего заработка по своему усмотрѣнію; теперь же вы не будете имѣть возможности дѣлать этого, но мы будемъ тратить ее для общаго благополучія». Такимъ образомъ прямо или косвенно, а въ большинствѣ случаевъ и прямо и косвенно, гражданинъ на каждомъ шагѣ развитія этого принудительнаго законодательства лишается какой-либо изъ свободъ, которыми онъ пользовался прежде.

Таковы плоды дѣятельности той партіи, которая именуется себя либеральной на томъ основаніи, что считаетъ себя защитницей все болѣе расширяющейся свободы.

И убѣжденъ, что многіе члены этой партіи прочитали предыдущія страницы съ нѣкоторымъ раздраженіемъ: они, конечно, хотѣли поставить мнѣ на видъ большое опущеніе, которое, по ихъ мнѣнію, разрушаетъ значеніе моей аргументаціи. «Вы забываете, скажутъ они мнѣ, основную разницу между властью, которая въ былыя времена установила ограниченія, отмѣненныя либерализмомъ, и властью, въ настоящее время устанавливающей ограниченія, которыя вы называете анти-либеральными. Вы забываете, что первая была власть неотвѣтственная, тогда какъ вторая есть власть отвѣтственная. Вы забываете, что если новое законодательство ввело различныя правила, институты, создавшій ихъ, учрежденъ самимъ народомъ и отъ него получилъ полномочіе дѣлать то, что онъ дѣлаетъ».

На такое возраженіе отвѣчу, что не забывая этой разницы, но готовъ доказать, что она имѣетъ весьма мало значенія въ данномъ вопросѣ.

Прежде всего главный вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: происхо-

дѣтъ-ли большее внимательство въ жизнь гражданъ, чѣмъ прежде, а не въ томъ къ какой категоріи принадлежить тотъ агентъ, который производить это внимательство. Возьмемъ болѣе простой случай: членъ рабочей ассоціаціи присоединился къ другимъ лицамъ, чтобы учредить организацію чисто представительнаго характера. Согласно устава этой организаціи онъ обязанъ участвовать въ забастовкѣ, если того требуетъ большинство; ему запрещается принимать работу подъ иными условіями, чѣмъ тѣ, которыя признаются этимъ большинствомъ; ему мѣшаютъ извлекать изъ своего умѣнья и изъ своей болѣе высокой энергіи всѣ выгоды, которыя онъ могъ бы извлечь изъ нихъ, если бы былъ совершенно свободенъ. Онъ не можетъ ослушаться, не утрачивая тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя заставили его вступить въ ассоціацію и не навлекая на себя преслѣдованіе и можетъ быть насиліе своихъ товарищей. Развѣ же онъ менѣе чувствуетъ стѣсненіе, потѣму что его голосъ вмѣстѣ съ другими голосами способствовалъ учрежденію стѣсняющаго его общества?

Затѣмъ, если мнѣ возразить, что аналогія не вѣрна, потому что институты, управляющій націей, защищающій жизнь и интересы націи, институты, которому всѣ должны подчиняться подъ страхомъ общественной дезорганизаціи, имѣть гораздо болѣе распространенную на гражданъ власть, нежели управленіе частной организаціи можетъ имѣть на своихъ членовъ, я отвѣчу, что и допуская разницу, данный мною отвѣтъ имѣетъ не меньшее значеніе. Если люди пользуются своей свободой такимъ образомъ, что отъазываются отъ свободы, то развѣ это имъ помѣшаетъ сдѣлаться рабами вполнѣдствіи? Если народъ путемъ плебисцита выбираетъ челоѣка, чтобы онъ царствовалъ неограниченно, то развѣ онъ останется свободнымъ, потому что самъ создалъ этотъ деспотизмъ? Развѣ принудительные указы, изданные этимъ деспотомъ, должны считаться законными, потому что они представляютъ собой продуктъ народнаго голосованія? Если-бы это было такъ, то можно было бы утверждать, что африканскій житель, который ломаетъ свое копы въ присутствіи другого и тѣмъ становится его рабомъ, все-таки сохраняетъ свою независимость, потому что свободно выбралъ своего господина.

Наконецъ, если нѣкоторые либералы не безъ раздраженія, пожалуй, отвергнутъ это разсужденіе и скажутъ, что не можетъ быть полной аналогіи между отношеніями народа къ правительству тамъ, гдѣ избранъ былъ единый неответственный властитель, чтобы царствовать на всегда, и тѣми же отношеніями тамъ, гдѣ существуетъ ответственный институтъ, подчиненный время отъ времени переизбранію,—тогда я дамъ на это мой послѣдній отвѣтъ, который удивитъ многихъ. Я скажу, что многочисленныя ограничительныя акты не могутъ быть оправданы тѣмъ, что они исходятъ отъ избраннаго народомъ института, такъ какъ власть подобнаго института, такъ же, какъ и власть монарха, не можетъ считаться неограниченной. Какъ истинный либерализмъ въ былыя времена боролся противъ монарха, который хотѣлъ пользоваться неограниченной властью, точно такъ же и въ наше время истинный либерализмъ будетъ бороться противъ парламента, который захочетъ захватить въ свои руки подобную же власть. Не буду настаивать на этомъ аргументѣ, такъ какъ надѣюсь, что даннаго отвѣта будетъ достаточно.

Во всякомъ случаѣ, какъ въ послѣднее время, такъ и раньше, истинный либерализмъ всегда выражалъ въ своихъ дѣйствіяхъ стремленіе къ теоріи ограниченной парламентской власти. Всѣ эти отмыныя ограниченія, относящихся къ вѣрованіямъ и религіознымъ обрядамъ, къ обѣщаніямъ и передвиженіямъ, къ рабочимъ ассоціаціямъ и къ свободѣ передвиженія рабочихъ, были молчаливыми выраженіями желанія ограниченія. Точно также

забвене, которому преданы были древніе законы противъ роскоши. законы, запрещавшіе тѣ или другія увеселенія, законы, предписывавшіе этотъ или иной способъ культуры и другіе законы того же рода, показываютъ, что государство не должно было вмѣшиваться въ эти вопросы. Точно такъ же и мѣры, принятія либеральной партіей послѣдняго поколенія для устраненія препятствій, встрѣчаемыхъ личной дѣятельностью въ различныхъ ея проявленіяхъ, были выраженіемъ той идеи, что въ этомъ направленіи и сфера правительственной дѣятельности должна быть уменьшена. Признавая попытку ограниченія правительственной дѣятельности, приготовлялись ограничить ее въ теоріи. Одна изъ самыхъ ходячихъ политическихъ истинъ есть та, что въ ходѣ соціальной эволюціи обычай предшествуетъ закону и что разъ обычай утвердился, онъ становится закономъ, получая официальную санкцію и опредѣленную форму. Итѣмъ очевидно, что либерализмъ, устанавливая ограниченіе въ прошедшія времена, подготовлялъ путь къ принципу ограниченія.

Если отъ этихъ общихъ разсужденій я обращусь къ специально занимающему насъ вопросу, то я снова повторю мой отвѣтъ, а именно: что свобода, которой пользуется гражданинъ, должна измѣряться не сущностью правительственного механизма, при которомъ онъ живетъ, — будетъ ли это правительство представительнымъ или нѣтъ, — но меньшимъ сравнительно числу налоговъ наложенныхъ на него ограниченій, и что дѣйствія этого механизма, созданнаго при участіи или безъ участія гражданъ, не имѣютъ либеральнаго характера, если увеличиваютъ стѣпенія за предѣлы необходимаго числа, чтобы пренятствовать всякому прямому или косвенному нанесенію вреда, то есть необходимаго числа для защиты свободы всякаго противъ посягательства другихъ: эти стѣпенія можно слѣдовательно называть отрицательно принудительными, а не положительно принудительными.

По всей вѣроятности либераль, а еще болѣе его разновидность — радикаль, который болѣе чѣмъ кто-либо другой въ послѣднее время воображаетъ, повидимому, что если цѣль, къ которой онъ стремится, хороша, то онъ имѣетъ право проявлять надъ людьми все насилие, на какое онъ способенъ, будутъ протестовать. Зная, что цѣль его есть общественное благо, которое должно быть достигнуто тѣмъ или другимъ путемъ, и думая, что торіемъ, напротивъ руководитъ интересъ касты и желаніе сохранить власть касты, радикаль будетъ утверждать, что въ высшей степени нецѣльно помѣщать его въ одну и ту же категорію и отвергнетъ аргументацію, доказывающую, что онъ дѣйствительно принадлежитъ къ ней.

Можетъ быть при помощи аналогіи онъ лучше пойметъ ея справедливость. Если-бы гдѣ нибудь на Востокѣ, гдѣ личное правительство есть единственная форма управленія, онъ услышалъ изъ устъ одного изъ жителей разсказъ о борьбѣ, благодаря которой они низложили порочнаго и жестокаго деспота и поставили на его мѣсто другого, дѣлнія котораго выказываютъ его заботу о ихъ благосостояніи, и если бы послѣ того, какъ они выразили бы радость по поводу этой перемѣны, онъ сказалъ бы имъ, что она не измѣнила сущности своего правительства, онъ весьма удивилъ бы ихъ этимъ и вѣроятно ему трудно было бы объяснить имъ, что замѣна злаго деспота добрымъ не мѣшаетъ ихъ правительству быть деспотическимъ. Точно то же можно сказать и о правильно понятомъ торизмѣ. Когда торизмъ есть снисшимъ принужденія со стороны государства по отношенію къ свободѣ личности, торизмъ остается торизмомъ, независимо отъ того, распространяетъ ли онъ это стѣпеніе изъ корыстныхъ или изъ безкорыстныхъ мотивовъ. Какъ несомнѣнно то, что деспотъ остается деспотомъ независимо отъ того, будутъ ли мотивы проявленія его произвола хороши или дурны, точно такъ же несомнѣнно и то, что торіи остается торіемъ, пре

слѣдуетъ ли онъ корыстныя или безкорыстныя цѣли, заставляя правительство ограничивать свободу гражданина сверхъ степеней необходимой для охраненія свободы другихъ гражданъ. Корыстный торіи такъ же, какъ и безкорыстный, принадлежатъ къ виду торіевъ, хотя и представляетъ собой новую разновидность этого рода вида. И оба они представляютъ собой рѣзкій контрастъ либералу, какимъ онъ былъ въ тѣ времена, когда либералы дѣйствительно заслуживали этого названія. Опредѣленіе либерала было таково: «Человѣкъ, требующій наибольшей отъѣны стѣснительныхъ мѣръ, въ особенности въ политическихъ учрежденіяхъ».

Такимъ образомъ оправдывается выраженный мною въ началѣ этой главы парадоксъ. Какъ мы уже видѣли торизмъ и либерализмъ произошли вначалѣ: одинъ отъ милитаризма, другой отъ индустриализма. Одинъ защищалъ режимъ государства, другой—режимъ соглашения; одинъ—систему вынужденной кооперации, сопровождающей законное неравенство классовъ; другой—добровольную кооперацию, сопровождающую ихъ законное равенство; и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первые акты обѣихъ партій имѣли цѣлью съ одной стороны поддержать тѣ постановленія, которыя производятъ эту насильственную кооперацию, а съ другой стороны ослабить или ограничить эти постановленія. Очевиднымъ выводомъ изъ этого будетъ то, что нынѣшній либерализмъ, по скольку онъ распространяетъ систему принужденія, есть лишь новая форма торизма.

Истина этого мнѣнія еще болѣе очевиднымъ образомъ будетъ доказана на слѣдующихъ страницахъ.

II. Будущее рабство.

Однимъ изъ доказательствъ того, что любовь и жалость родственны между собой, служитъ то, что вторая, такъ же, какъ и первая, идеализируетъ свой объектъ. Сочувствіе къ страдающему лицу заглушаетъ на время воспоминаніе о его проступкахъ. Чувство, которое выражается при видѣ несчастнаго въ восклицаніи: «бѣдный человѣкъ!» исключаетъ мысль: «дурной человѣкъ!», которая могла бы возникнуть въ другое время. Поэтому естественно, что, если несчастные намъ незнакомы или лишь мало знакомы, всѣ ихъ недостатки и проступки остаются скрытыми. Въ дѣствіе этого, если въ наше время описываютъ несчастія бѣдныхъ, то публика воображаетъ этихъ несчастныхъ непременно достойными уваженія и не представляетъ ихъ себѣ—что во многихъ случаяхъ было бы справедливымъ—недостойными этого чувства. Тѣ, страданія которыхъ описываются въ брошюрахъ и разсказываются въ проповѣдяхъ и рѣчахъ, раздающихся по всей странѣ, изображаются непременно чудными людьми, съ которыми поступили несправедливо: ни одинъ изъ нихъ не представляется несущимъ бремя своихъ собственныхъ проступковъ.

Когда вы нанимаете карету въ Лондонѣ, вы съ удивленіемъ видите какихъ-то личностей, которыя желаютъ получить отъ васъ подачку за то, что онѣ предупредительно отворили вамъ дверцу кареты. Но вы перестаете удивляться, когда увидите огромное число праздношатающихся вокругъ кабаковъ, или замѣтите, съ какой быстротой собирается на улицѣ изъ соседнихъ дворовъ и притоновъ толпа зѣвакъ поглазѣть на несчастный случай или на процессію. При видѣ ихъ многочисленности на такомъ маломъ пространствѣ, вы начинаете понимать, что десятки тысячъ подобнаго люда кишатъ въ Лондонѣ. «У нихъ нѣтъ работы»,—говорите вы. Скажите лучше, что они отказываются отъ работы, или по своей винѣ быстро

увольняются изъ мастерскихъ. Это просто негодни, которые тѣмъ или другимъ способомъ живутъ на счетъ порядочныхъ людей, это бродяги и глупцы, преступники въ прошедшемъ или будущемъ, юнши, которые обременяютъ собой тяжело-трудящихся родителей, мужья, которые присваиваютъ себѣ заработокъ своихъ женъ, личности, раздѣляющія между собой заработокъ проститутокъ; сюда же примѣшивается соответствующій классъ женщинъ, менѣе видный и менѣе многочисленный.

Развѣ счастье можетъ быть удѣломъ лицъ подобнаго рода? и развѣ не естественно, что они сами навлекаютъ несчастье на себя и на своихъ близкихъ?.. Развѣ не очевидно, что среди насъ существуетъ масса несчастій, которыя произошли естественнымъ образомъ отъ дурного поведения, я которыя неизмѣнно должны быть связаны съ нимъ. Въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо и съ большимъ чѣмъ когда-либо трескомъ, пропагандируется идея, что всякое социальное страданіе можетъ быть устранено, и что тотъ или другой обязанъ устранить это зло. Оба эти мнѣнія ложны. Отдѣлять страданія отъ дурного поступка, это значить бороться противъ природы вещей и навлечь множество еще болѣе сильныхъ страданій. Избавленіе людей отъ естественнаго наказанія за распущенную жизнь дѣлаетъ необходимымъ, при случаѣ, примѣненіе неестественныхъ наказаній въ родѣ одиночнаго заключенія, двиганія мельничныхъ жернововъ и кнута. Одна поговорка, признанная какъ народнымъ обычаемъ, такъ и наукой, можетъ считаться неоспоримой истиной: «кто не хочетъ работать, не имѣетъ права ѣсть». Эта поговорка просто на просто христіанская формула того естественнаго закона, подѣ господствомъ котораго жизнь достигла своего настоящаго пункта, закона, по которому существо, недостаточно энергичное для удовлетворенія своихъ нуждъ, должно погибнуть. Раница здѣсь только въ томъ, что законъ, который въ одномъ случаѣ долженъ быть навязанъ силой, въ другомъ случаѣ является естественной необходимостью. А между тѣмъ, христіане менѣе всего склонны признать этотъ догматъ своей религіи, который наука оправдываетъ столь очевиднымъ образомъ. Ходячее мнѣніе гласитъ, что страданій не должно быть и что общество отвѣтственно за тѣ, которыя существуютъ.

«Но мы, разумѣется, несемъ извѣстную отвѣтственность даже и тогда, когда страдаютъ люди, недостойные участія».

Если подѣ словомъ «мы» подразумѣвается не только мы сами, но подразумѣваются также и наши предки и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые сочинили законы, то мнѣ нечего отвѣчать. Я допускаю, что все, которые издали, измѣнили и выполнили старыя законы о бѣдныхъ отвѣтственны въ томъ, что произвели страшную деморализацию, вліяніе которой не изгладится въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Я допускаю, что послѣдніе и нынѣшніе законодатели частью отвѣтственны за мѣры, создавшія постоянное войско бродягъ, переходящихъ отъ одной ассоціаціи къ другой, и что они также отвѣтственны за постоянную наличность между нами преступнаго элемента, такъ какъ они допустили освобожденіе преступниковъ въ такихъ условіяхъ, которыя почти заставляють ихъ совершать новыя преступленія. Кроме того я допускаю, что и филантропы несутъ на себѣ часть отвѣтственности, такъ какъ, чтобы помогать дѣтямъ недостаточныхъ родителей, они наносятъ ущербъ дѣтямъ людей достойныхъ участія, обременяя ихъ родителями все возрастающими мѣстными поборами. Затѣмъ я допускаю также, что эти стаи негодяевъ, выкормленныхъ и умноженныхъ общественными и частными учрежденіями пострадали бы иначе—но развѣ это именно та отвѣтственность, о которой мы говоримъ? Я не думаю.

Если мы теперь оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ отвѣтственности, въ какомъ бы смыслѣ ее ни понимали, и если мы только будемъ разсмат-

10/10/10

ривать зло само въ себя, то что мы должны сказать о томъ, какъ къ нему относятся? Возьмемъ слѣдующій фактъ.

Одинъ изъ моихъ покойныхъ дядей, пасторъ Томасъ Спенсеръ, управлявшій въ теченіи двадцати лѣтъ заведеніемъ Hinton Charlehouse близъ Бата, какъ только вступилъ въ должность, сталъ заботиться о благосостояніи бѣдныхъ: учредилъ школу, бібліотеку, общество раздачи одеждъ, раздавалъ земельные участки и строилъ *образцовыя катедржи*. Болѣе того: до 1833 г. онъ былъ другомъ бѣдныхъ, защищая ихъ всегда отъ сборщика налоговъ на бѣдныхъ. Между тѣмъ возникли пренія о законѣ о бѣдныхъ, вылившія ему дурные результаты существовавшей въ то время системы. Будучи горячимъ филантропомъ, онъ тѣмъ не менѣе не былъ робкимъ сентименталистомъ, поэтому, какъ только былъ изданъ новый законъ о бѣдныхъ, онъ началъ примѣнять его въ своемъ приходѣ и встрѣтилъ почти всеобщее сопротивленіе, такъ какъ противъ него оказались не только бѣдняки, но также и фермеры, на которыхъ легло бремя тяжелыхъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ. И дѣйствительно, странно сказать, имъ повидимому было выгоднѣе поддерживать старую систему, налагавшую на нихъ столь тяжелыя обязательства. Вотъ чѣмъ это объясняется. Среди населенія установился обычай платить вмѣстѣ съ налогомъ часть заработной платы каждаго деревенскаго рабочаго: эта сумма называлась «дополненіемъ къ заработной платѣ», и хотя фермеры доставляли большую часть суммъ, изъ которыхъ почерпалось это доплатеніе къ заработной платѣ, однако такъ какъ въ этихъ платежахъ участвовали и другіе плательщики, то для фермеровъ эта система, повидимому, была выгоднѣе. Мой дядя, котораго не такъ-то легко было испугать встрѣилъ въ борьбу съ этой оппозиціей и добился примѣненія закона. Въ результатѣ оказалось, что подати съ 700 ф. ст. уменьшились на 200 ф. ст. и состояніе прихода значительно улучшилось. «Тѣ, которые до сихъ поръ шлялись безъ дѣла по улицамъ или по кабакамъ, занялись другимъ дѣломъ и одинъ за другимъ принялись за работу». Такимъ образомъ изъ населенія въ 800 душъ, изъ которыхъ человекъ сто получалъ прежде пособіе на дому, только 15 пришлось отравить въ Батъ, когда тамъ образовался *Соклг.* Если мнѣ скажутъ, что телесконъ въ 20 ф. ст., который поднесенъ былъ моему дядѣ нѣсколькими годами позднѣе, доказывалъ только благодарность плательщиковъ податей, то я отвѣчу на это, что когда мой дядя нѣкоторое время спустя умеръ надорвавшись отъ непосѣдной работы для народнаго блага, и когда тѣло его привезли хоронить въ Гинтонъ, то за гробомъ его шли не одни только богатые, но также и бѣдняки.

Нѣсколько причинъ побудили меня разсказать этотъ фактъ. Мнѣ хотѣлось доказать, во первыхъ, что любовь къ народу и безкорыстныя заботы о его благосостояніи не бываютъ неизбежно связаны съ одобреніемъ безраздѣльной помощи, во-вторыхъ, что добро можетъ быть результатомъ не увеличенія искусственныхъ средствъ для облегченія нужды, а наоборотъ—слѣдствіемъ уменьшенія этихъ средствъ, и наконецъ, въ третьихъ: я хотѣлъ подготовить почву для аналогичнаго разсужденія.

Въ другомъ видѣ и въ иной сферѣ мы расширяемъ теперь годъ отъ году все болѣе и болѣе систему совершенно тождественную системѣ «дополнительныхъ заработныхъ платъ» (*make—wages*), существовавшей при прежней законѣ о бѣдныхъ. Хотя политики и не признаютъ этого факта, но трудно доказать, что различныя общественныя мѣры доставленія комфорта рабочему классу, оплачиваемыя плательщиками податей, въ сущности тождественны съ тѣми, которыя нѣкогда примѣнялись къ сельскому рабочему, считавшемуся отчасти рабочимъ, отчасти нищимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ рабочій, взымая того, что онъ дѣлаетъ, полу-

часть денегъ, чтобы купить известное количество пужныхъ для него предметовъ, а для доставленія ему остальнаго даются деньги изъ общаго фонда, составленнаго изъ налоговъ. Не все-ли равно, какого рода будутъ предметы, доставляемые даромъ плательщиками податей? Принципъ одинъ и тотъ же. Замѣнимъ выплачиваемыя суммы товарами и другими покупными благами и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Когда былъ въ силѣ старый законъ о бѣдныхъ, фермеръ давалъ за исполненную работу соответствующую плату жильемъ, хлѣбомъ, одеждой или топливомъ, тогда какъ плательщики податей доставляли рабочему и его семьѣ обувь, чай, сахаръ, свѣчи, сало и т. д. Разумѣется, распределеніе количества и качества этихъ предметовъ было произвольно, но несомнѣнно также, что фермеры и плательщики податей доставляли эти предметы сообща. Въ настоящее время рабочій получаетъ отъ хозяина въ видѣ заработной платы эквивалентъ необходимыхъ ему предметовъ потребления, тогда какъ общество доставляетъ ему возможность удовлетворять другія потребности, другія желанія. На средства плательщиковъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—а скоро и въ весьма многихъ случаяхъ,—будетъ имѣть возможность приобрести домъ ниже его продажной цѣны; ибо когда, наиримѣръ, въ Ливерпулѣ муниципалитетъ тратитъ около 200.000 ф. ст. на разрушеніе и построеніе вновь жилищъ низшихъ классовъ и готовится израсходовать еще столько же, мы можемъ заключить, что плательщики податей даютъ бѣднымъ болѣе удобное жилище, чѣмъ они могли бы имѣть иначе за обычную квартирную плату. Эти же плательщики податей несутъ кромѣ того большую часть расходовъ по обученію дѣтей рабочихъ, и по всей вѣроятности это ученіе вскорѣ будетъ совершенно бесплатнымъ. Они даютъ имъ также всевозможныя книги и газеты, а также и приличныя помѣщенія, гдѣ они могутъ читать ихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ также, какъ наиримѣръ въ Манчестерѣ, были основаны гимназіи для мальчиковъ и дѣвочекъ, а также мѣста рекреакцій. Изъ этого мы видимъ, что рабочій, благодаря капиталу, составленному изъ мѣстныхъ налоговъ, пользуется известными преимуществами, которые онъ не можетъ получать за деньги, доставляемая ему его трудомъ. Слѣдовательно единственная разница между этой системой и старой системой «дополненія къ заработной платѣ» есть та же, которая существуетъ между родами полученнаго удовлетворенія, а эта разница нисколько не измѣняетъ сущность системы.

Кромѣ того въ обѣихъ системахъ преобладаетъ одна и та же иллюзія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ то, что кажется бесплатнымъ даромъ, не есть бесплатный даръ. Сумма, которую при старомъ законѣ о бѣдныхъ рабочій получившій получалъ отъ прихода въ дополненіе своего дневнаго заработка, въ дѣйствительности вовсе не есть прибавка къ платѣ, такъ какъ слѣдствіемъ ея явилось соответственное уменьшеніе заработной платы, какъ это и доказано было тѣмъ, что когда система была отмѣнена, заработная плата повысилась. Такое же значеніе имѣютъ и тѣ кажущіяся уступки, которыя дѣлаются рабочимъ въ городахъ. Я намекаю не только на тотъ фактъ, что они платятъ за нихъ незамѣтнымъ образомъ, частью въ видѣ болѣе высокой платы за квартиру (когда они не платятъ налоговъ); но и на то, что и заработная плата, какъ наиримѣръ плата работника на фермѣ, уменьшается, благодаря тѣмъ общественнымъ налогамъ, которые платятъ работодатели. Почитайте послѣдніе отчеты о хлопчатобумажной стачкѣ въ Ланкаширѣ. Они содержатъ въ себѣ доставленные самими рабочими доказательства того, что выгоды такъ незначительны, что менѣе ловкіе фабриканты, а также и тѣ, которые владѣютъ недостаточными капиталами разоряются и что кооперативныя общества, составляющія имъ конкуренцію, рѣдко могутъ устоять. А теперь сдѣлайте

изъ этого выводы относительно заработной платы. Къ издержкамъ производства слѣдуетъ относить общіе и мѣстные налоги. Если, какъ въ нашихъ большихъ городахъ, мѣстные налоги достигаютъ въ настоящее время одной трети заявленныхъ доходовъ или больше, если работодатель долженъ платить эту треть не только за свое личное жилище, но и за свое торговое помѣщеніе, за свою фабрику, за свои склады и т. д., то эту сумму приходится вычесть изъ процентовъ на капиталъ или взять изъ фондовъ заработной платы или же взять ее частью отсюда, частью отсюда. Если же конкуренція между капиталистами въ одной и той же отрасли промышленности или въ разныхъ отрасляхъ держитъ прибыль на такомъ низкомъ уровнѣ, что въ то время, какъ одни наживаются, другіе терпятъ убытки, и многіе разоряются, и если капиталъ, не получая достаточной прибыли, ищетъ другого примѣненія и оставляетъ рабочую силу безъ употребленія, тогда становится очевиднымъ, что рабочій принужденъ выбирать или между меньшимъ количествомъ труда, или меньшей платой за трудъ. Кромѣ того, эти мѣстные налоги, по аналогичнымъ причинамъ, повышаютъ цѣны на предметы потребленія. Цѣны, назначаемыя торговцами, опредѣляются въ общемъ обычнымъ процентомъ прибыли на капиталъ, вложенный въ розничную торговлю, а чрезвычайные расходы розничной торговли должны возмѣщаться чрезвычайнымъ повышеніемъ цѣнъ. Такимъ образомъ, теперь городекой рабочій, такъ же, какъ прежде сельскій рабочій, теряетъ съ одной стороны то, что получаетъ съ другой, къ этому слѣдуетъ прибавить еще расходы на администрацію и безвозвратныя траты, которыя она вызываетъ. Но какое же отношеніе все это имѣетъ къ «будущему рабству?» спросите вы. Никакого прямого, но во многихъ случаяхъ косвенное отношеніе, какъ мы увидимъ это ниже.

Говорятъ, что въ тѣ времена, когда желѣзныя дороги были впервые проведены въ Испаніи, крестьяне часто попадали подъ колѣзда и эти несчастные случаи приписывали машинистамъ, которые не останавливали локомотивъ, такъ какъ земледѣльческая практика не давала пострадавшимъ никакого понятія объ импульсѣ, сообщенномъ тяжелой массой, движущейся съ большой быстротой.

Мнѣ припоминается этотъ фактъ, когда я разсматриваю идеи, такъ называемыхъ, «практическихъ» политиковъ: я вижу, какъ эти люди не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое политическій *моментъ* и еще менѣе знаютъ о такомъ политическомъ *моментѣ*, который, вмѣсто того, чтобы уменьшаться или оставаться постояннымъ, все увеличивается. Теорія, по которой обыкновенно дѣйствуетъ политикъ, заключается въ томъ, что измѣненіе, производимое принятой имъ мѣрой, остановится на томъ пунктѣ, на которомъ онъ хочетъ, чтобы оно остановилось. Онъ внимательно изучаетъ, каковы будутъ результаты его дѣйствія, но онъ вовсе не думаетъ объ отдѣленныхъ послѣдствіяхъ его мѣры и еще менѣе о сопровождающихъ ее явленіяхъ. Когда во время войны необходимо было имѣть въ изобиліи душевное мясо старались повысить рождаемость, но когда Питтъ сказалъ: «Будемъ стараться, чтобы помощь, оказываемая многочисленнымъ семьямъ была почетнымъ правомъ, а не клеймомъ позора и презрѣнія», то никто не думалъ, что налогъ въ пользу бѣдныхъ за пятьдесятъ лѣтъ, учетверится что, въ расчетъ на помощь кассы немощныхъ, каждый предпочтетъ жениться на женщинахъ съ множествомъ незаконныхъ дѣтей, а не на честныхъ двуплечахъ и что множество плательщиковъ податей превратятся въ немощныхъ. Законодатели, которые въ 1883 г. вотировали 20000 ф. ст. на постройку школьныхъ домовъ, не предполагали, что эта мѣра повлечетъ за собой чрезвычайные налоги, общіе и мѣстные, доходившіе теперь до суммы въ 6 милліоновъ ф. ст.

они вовсе не имѣли въ виду установить тотъ принципъ, что А долженъ нести ответственность за обученіе дѣтей В; они не думали о принужденіи, которое лишитъ бѣдныхъ вдовъ помощи ихъ дѣтей, достигшихъ уже довольно значительнаго возраста и еще менѣе ожидали они, что ихъ преемники, заставляя неимущихъ родителей обращаться къ распорядителямъ имуществомъ бѣдныхъ для того, чтобы внести школьную плату, требуемую школьными Комитетами, введутъ привычку обращаться къ этимъ распорядителямъ и такимъ путемъ поспособствуютъ развитію пауперизма. А тѣ, которые въ 1834 г. издали законъ, регулирующий работу женщинъ и дѣтей на определенныхъ фабрикахъ, не воображали, что такимъ образомъ введенная система должна окончиться ограниченіемъ и инспекціей труда во всякомъ промышленномъ учрежденіи, гдѣ работаетъ болѣе пятидесяти человекъ; они не воображали также, что инспекція можетъ быть доведена до требованія того, чтобы «молодая особа», желающая получить работу на фабрикѣ имѣла на то разрѣшеніе врача, который личнымъ осмотромъ (никакими правилами не ограниченнымъ) удостовѣрится бы, что она не страдаетъ никакой болѣзью, никакимъ тѣлеснымъ недостаткомъ, дѣлающимъ ее неспособной къ труду, при чемъ его приговоръ рѣшаетъ вопросъ: можетъ или не можетъ данная молодая особа зарабатывать свой хлѣбъ. И, какъ я сказалъ уже, политикъ, хвастающій своими практичными взглядами, еще менѣе можетъ предвидѣть косвенные результаты, являющіеся слѣдствіемъ прямыхъ результатовъ его мѣръ. Такъ, напримѣръ, возьмемъ случай, имѣющій отношеніе къ вышеприведеннымъ: система «уплаты по результатамъ» имѣла въ виду единственно дать энергичный стимулъ преподавателямъ, не предполагая, что этотъ стимулъ вредно отзовется на здоровьѣ дѣтей: никому и въ голову не приходило, что учителя могутъ принять систему «пseudобоваримаго преподаванія» и будутъ производить чрезмѣрное давленіе на слабыхъ и неспособныхъ дѣтей, весьма часто къ ихъ вреду; никто не предвидѣлъ, что во многихъ случаяхъ слѣдствіемъ этой системы являлось физическое ослабленіе, которое не можетъ быть возмѣщено знаніемъ грамматики и географіи.

Запрещеніе открывать кабаки безъ разрѣшенія имѣло цѣлью сохраненію порядка въ общественныхъ мѣстахъ. Тѣмъ, которые придумали эту мѣру, и въ голову не приходило, чтобы она могла имѣть могучее и вредное вліяніе на выборы. «Практичные» политики, предписавшіе обязательную линію нагрузки для торговыхъ судовъ, и не воображали, что кредитъ судовладельцевъ доведетъ эту линію нагрузки до крайняго предѣла и что, отъ предѣла къ предѣду, все въ томъ же направленіи, эта линія будетъ подниматься постепенно въ лучшихъ судахъ, что — какъ мы извѣстно — уже и имѣетъ мѣсто. Законодатели, которые сорокъ лѣтъ тому назадъ закономъ принудили желѣзнодорожныя компании устанавливать низкую профѣздную плату разсмѣялись бы, еслибы имъ сказали, что ихъ законъ можетъ навлечь наказаніе на тѣхъ, которые будутъ примѣнять его въ самомъ широкомъ смыслѣ. А между тѣмъ это именно и случилось съ компаниями, которыя начали допускать третій классъ въ скорыхъ поѣздахъ: на нихъ наложена штрафъ, равняющаяся цѣнѣ профѣзнаго билета для каждаго перевезеннаго такимъ образомъ пассажира. Къ этому примѣру, взятому изъ желѣзнодорожной практики, присоединимъ фактъ, вытекающій изъ сравненія способа управленія желѣзныхъ дорогъ въ Англіи и во Франціи. Законодатели, привившіе мѣры къ окончательному возвращенію французскихъ желѣзныхъ дорогъ государству, никогда не думали, что это могло повести къ уменьшенію выгодъ для пассажировъ. Они не предвидѣли, что желаніе не обзѣнить собственности, которая должна будетъ возвратиться къ государству, помѣшаетъ разрѣшенію строить соперничающія

железно-дорожныя линіи, и что за отсутствіемъ конкуренціи передвиженіе будетъ относительно медленнымъ, дорогимъ и поѣзда будутъ менѣе часты. Англійскій путешественникъ, какъ это доказалъ сэръ Томасъ Фарреръ, имѣетъ сравнительно съ французскимъ большія преимущества въ отношеніи дешевизны, быстроты и частаго слѣдованія поѣздовъ.

Но «практичный» политикъ, не смотря на подобныя опыты, повторяющіеся изъ поколѣнія въ поколѣніе, продолжаетъ принимать во вниманіе одни только ближайшіе результаты и конечно не думаетъ о еще болѣе отдаленныхъ, еще болѣе общихъ послѣдствіяхъ нежели тѣ, которыя мы только что приводили въ примѣръ. Пользуясь вышеприведенной метафорой, мы замѣтимъ, что онъ никогда не задаетъ себѣ вопроса, будетъ ли политическій моментъ, вызванный его мѣрой, моментомъ иногда уменьшающимся, но въ иныхъ случаяхъ и сильно увеличивающимся, или же будетъ слѣдовать общему направленію другихъ аналогичныхъ моментовъ, и не можетъ-ли онъ присоединиться къ этимъ моментамъ, чтобы произвести въ скоромъ времени сложное движеніе, совершающее перемѣны, о которыхъ никто и не помышлялъ. Онъ разсматриваетъ единственно дѣйствіе теченія, произведеннаго его собственными законами, не видя, что другія теченія, уже существующія и еще другія, слѣдующія данному импульсу, идутъ по тому же направленію, и ему никогда не приходитъ въ голову, что всѣ эти теченія могутъ соединиться и составить потокъ, который совершенно измѣнитъ всѣ существующія условія. Иначе, говоря безъ метафоры: онъ не сознаетъ ту истину, что помогаетъ создать извѣстный типъ соціальной организаціи и что аналогичныя мѣры, производя аналогичныя измѣненія организаціи, все сильнѣе и сильнѣе стремятся сдѣлать этотъ типъ общимъ, до тѣхъ поръ пока въ извѣстный моментъ стремленіе сдѣлается настолько сильнымъ, что ничто не можетъ противостоятъ ему. Какъ каждое общество старается, по возможности, установить въ другихъ обществахъ строй аналогичный своему собственному, какъ въ Греціи спартанцы и аѳиняне одни передъ другими старались распространять свои собственные политическія учрежденія или какъ въ эпоху французской революціи абсолютныя монархіи Европы старались возстановить абсолютную монархію во Франціи, тогда какъ республика поощряла образованіе другихъ республикъ, точно такъ же во всякомъ обществѣ всякій строй стремится къ распространенію. Какъ система добровольной коопераціи, установленная товариществами или ассоціаціями съ промышленными, коммерческими или другими цѣлями, распространяется въ цѣлой общинѣ, точно такъ же распространяется и противоположная система принудительной коопераціи подъ руководствомъ государства, и чѣмъ болѣе распространяется та или другая, тѣмъ большую она пріобрѣтаетъ силу. Главнымъ вопросомъ для политическаго дѣятеля долженъ бы всегда быть слѣдующій: «Какой типъ соціальнаго строя я стремлюсь распространить?» Но этого вопроса никогда никто себѣ не задаетъ.

Мы постараемся разобрать этотъ вопросъ. Разсмотримъ общую тенденцію послѣднихъ измѣненій, а также сопровождавшее ихъ теченіе идей и мы увидимъ, куда насъ это приведетъ.

Возьмемъ въ самой простой его формѣ вопросъ, который ставится каждый день: «Мы уже сдѣлали это, почему бы намъ не сдѣлать и то?» И всегда подразумевающееся уваженіе къ прецедентамъ побуждаетъ неизмѣнно расширять сферу регламентаціи. Распространяясь на все большее и большее число отраслей промышленности, парламентскіе акты, ограничивающіе часы работы и предписывающіе способы обращенія съ рабочими, должны теперь примѣняться къ магазинамъ. Отъ инспекціи мебелированныхъ домовъ съ цѣлью ограничить число жильцовъ и установить условія гигиены мы пе-

решили къ инспекціи всѣхъ домовъ, ниже известной цифры найма, въ которыхъ живутъ нѣсколько семей, а вскорѣ перейдемъ и къ инспекціи всѣхъ маленькихъ домовъ. Приобрѣтеніе и эксплуатація телеграфовъ государствомъ послужили основой для требованія, чтобы государство приобрѣло и эксплуатировало также и желѣзныя дороги. Доставка общественной администраціей умственной пищи дѣтямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ повела за собой доставку и тѣлесной пищи для нихъ; а когда обычай этотъ сдѣлается постепенно всеобщимъ, мы дождемся и того, что бесплатная доставка предложенная въ первомъ случаѣ, будетъ предложена и во второмъ. Это распространеніе есть логическое слѣдствіе того правила, что для того, чтобы создать добраго гражданина, крѣпкое тѣло такъ же необходимо, какъ и солидный умъ. А затѣмъ, открыто опираясь на прецеденты, представляемые церковью, школой и читальней, содержащимися на общественный счетъ, выставляють положеніе, что «удовольствіе, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается въ наше время, должно быть регулировано и организовано такъ же, какъ и трудъ».

Эти злоупотребленія регламентаціей слѣдуетъ приписать не только прецедентамъ, но также и необходимости дополнить недостаточно дѣйствительныя мѣры, устранить различныя неудобства, постоянно вызываемыя искусственно. Неусѣхъ не разрушаетъ вѣры въ примѣненныя средства, но внушаетъ мысль примѣнять ихъ болѣе строгимъ образомъ или въ большемъ числѣ случаевъ. Такъ какъ законы противъ пьянства, изданные еще въ старинныя времена и удержавшіеся до нашего времени, когда новыя ограниченія продажи опьяняющихъ напитковъ занимають многія ночи во время каждой сессіи, не дали ожидаемыхъ результатовъ, стали требовать еще болѣе строгихъ законовъ, запрещающихъ абсолютно продажу этихъ напитковъ въ известныхъ мѣстностяхъ. А за тѣмъ и въ Англіи, по всей вѣроятности, стануть помогать, такъ же какъ и въ Америкѣ, чтобы такое запрещеніе было сдѣлано всеобщимъ. Такъ какъ различныя средства для «искорененія» эпидеміи не могли помѣшать осибѣ, лихорадкамъ и т. п. производить свои опустошенія, выставили новую мѣру: право дать полиціи осматривать дома, чтобы удостовѣриться, нѣтъ-ли тамъ заразныхъ больныхъ, а также разрѣшить врачамъ осматривать любое лицо, чтобы удостовѣриться, не страдаетъ-ли оно заразной или инфекціонной болѣзью. Такъ какъ законъ о бѣдныхъ въ теченіе многихъ поколѣній развилъ привычку къ безпечности и число безпечныхъ людей, вслѣдствіе этого закона, увеличилось, то теперь предлагаютъ устранить причиненное обязательной благотворительностью зло путемъ обязательнаго страхованія жизни или доходовъ.

Развитіе этой политики, вѣдя за собой развитіе соответствующихъ идей, всюду поддерживаетъ то мнѣніе, что правительство должно вмѣшиваться каждый разъ, какъ что нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ. «Вы, конечно, не желали бы, что бы это зло продолжалось!» говорятъ вамъ, когда вы дѣлаете какое-либо возраженіе противъ того, что дѣлается въ данный моментъ. Что подразумѣваетъ это восклицаніе? Во-первыхъ оно предполагаетъ за несомнѣнное, что всякое страданіе должно быть пресѣчено, а это не вѣрно; многія страданія излѣчимы; пресѣкать ихъ значитъ мѣшать дѣйствию лѣченія. Во вторыхъ оно признаетъ несомнѣннымъ, что всѣ страданія могутъ быть облегчены; между тѣмъ при недостаткахъ, присущихъ человѣческой природѣ, многія страданія могутъ только измѣнить форму или поремѣтиться, при чемъ эта перемѣна иногда увеличиваетъ ихъ интенсивность. Восклицаніе это содержитъ въ себѣ также твердую увѣренность въ томъ, что правительство должно излѣчивать и устранять всякаго рода зло. Никто не спрашиваетъ себя, есть-ли другіе способы

исправить зло известного рода и принадлежить ли данное зло къ числу тѣхъ золъ, которыя предлагаемое средство можетъ устранить. Очевидно, что чѣмъ чаще вмѣшивается правительство, тѣмъ глубже укореняется это возрѣніе и тѣмъ настойчивѣе требуется правительственное вмѣшательство.

Всякое расширеніе административной регламентаціи ведетъ за собою учрежденіе новыхъ регулирующихъ агентоѵ, болѣе обширное развитіе чиновничества и усиленіе группы чиновниковъ. Возьмите двѣ чашки вѣсовъ; положите большую пригоршню дроби на одну и нѣсколько дробинокъ на другую, берите одну дробинку за другой съ болѣе нагруженной чашки и перекладывайте ихъ на менѣе нагруженную. Въ известный моментъ получится равновѣсіе, а если вы продолжите эту операцію, то взаимное положеніе обѣихъ чашекъ измѣнится въ обратную сторону. Представьте себѣ, что коромысло вѣсовъ раздѣлено на двѣ неравныя части и что менѣе нагруженная чашка виситъ на концѣ болѣе длинной части коромысла; тогда перемѣщеніе каждой дробинки будетъ производить гораздо болѣе скорое измѣненіе въ положеніи чашекъ. Я пользуюсь этимъ сравненіемъ, чтобы показать какой результатъ достигается перемѣщеніемъ одного индивида за другимъ изъ управляемой массы общества въ составъ правящаго механизма. Перемѣщеніе ослабляетъ первую и усиливаетъ второй гораздо болѣе, чѣмъ это можно бы было думать, судя по относительно незначительному измѣненію въ числѣ. Слѣдующая, относительно немногочисленная, группа чиновниковъ, связанныхъ одинаковыми интересами и дѣйствующихъ подъ руководствомъ центральной власти, имѣетъ громадное преимущество надъ разрозненной массой общества, не имѣющей неизблѣмыхъ правилъ поведенія и неспособной дѣйствовать согласно, иначе какъ подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія. Вотъ почему организація чиновниковъ, перейдя за известный фазисъ развитія, становится несокрушимой, какъ мы видимъ это въ бюрократіяхъ на континентѣ.

Не только сила сопротивленія управляемой части населенія уменьшается въ силу увеличенія правящей еѵ части, но и частные интересы многихъ частныхъ лицъ ускоряютъ еще измѣненія пропорціи. Разговоры, которые вы услышите всюду, показываютъ, что въ наше время, когда правительственные мѣста раздаются по конкурсу, молодыхъ людей воспитываютъ такъ, чтобы они могли выдержать конкурсные экзамены и получить мѣста въ общественныхъ учрежденіяхъ. Результатомъ этого является то, что люди, которые при иныхъ условіяхъ были бы недовольны развитіемъ чиновничества, начинаютъ смотрѣть на него, если и не благосклонно, то по крайней мѣрѣ съ терпимостью, такъ какъ оно предоставляетъ возможность карьеры для ихъ родныхъ или близкихъ. Всѣ, знающіе насколько въ высшихъ и среднихъ классахъ семьи желаютъ заручиться мѣстами для своихъ дѣтей, должны ясно видѣть, что расширеніе правительственного контроля пользуется сильной поддержкой со стороны тѣхъ, которые, если бы были затронуты ихъ личные интересы, относились бы къ нему враждебно.

Стремленіе къ чиновничьей карьерѣ, увеличивается еще предпочтеніемъ, оказываемымъ тѣмъ должностямъ, которыя считаются почетными. «Даже если жалованье его будетъ не велико, то по крайней мѣрѣ занятіе его будетъ *благородно*», убѣждаетъ себя отецъ, добывающійся правительственного мѣста для своего сына. И относительная почетность чиновничьей профессіи въ сравненіи съ служащими въ торговомъ дѣлѣ увеличивается по мѣрѣ того, какъ административная организація приобретаетъ большее значеніе и вліяніе въ обществѣ и все болѣе и болѣе стремится устанавливать понятіе о чести. Честолюбивая мечта всякаго молодого француза заключается въ томъ, чтобы получить маленькую официальную

должность въ своемъ мѣстечкѣ, добиться затѣмъ мѣста въ главномъ городѣ департамента и наконецъ быть переведеннымъ на какой нибудь высшій административный постъ въ Парижъ. Въ Россіи, гдѣ развитіе административной регламентаціи, являющееся характерной чертой активной части общества, доведено до крайнихъ предѣловъ мы встрѣчаемъ крайнюю степень такого административнаго честолюбія. Такъ, напр., Валасъ (Wallace) цитируетъ слѣдующее мѣсто одной комедіи: «Всѣ люди, даже лавочники и сапожники, стремятся занять какую нибудь казенную должность, и человекъ, проведшій всю жизнь, не занимая никакого officialнаго поста, почти что не считается человекомъ».

Различнымъ влияніямъ, дѣйствующимъ сверху внизъ, соотвѣтствуютъ надежды и прошенія, возносящіяся снизу вверхъ. Люди, несущіе тяжелый трудъ и обремененные обязательствами, составляюще огромное большинство, а тѣмъ болѣе люди неспособные, получающіе постоянно помощь и жаждущіе еще болѣе широкой помощи, поддерживаютъ всѣ проекты, отъ которыхъ ожидаютъ того или другого благополучія при посредствѣ административнаго вмѣшательства. Такіе люди готовы вѣрить всякому, кто говоритъ, что эти благодѣянія могутъ и должны быть имъ оказаны. Они безусловно довѣряютъ всѣмъ, тѣмъ самымъ политическими химерами, начиная отъ оxfordскихъ ученыхъ до непримиримыхъ ирландцевъ, и каждый разъ, когда они видятъ, что общественныя деньги служатъ для ихъ пользы, они укрѣпляются въ надеждѣ на подобныя же мѣры и въ будущемъ. И по мѣрѣ того, какъ усиливается вмѣшательство государства въ общественныя интересы, растетъ между гражданами и увѣренность, что все должно дѣлаться для нихъ и ничего не требуется отъ нихъ. Мысль о томъ, что желанная цѣль должна быть достигнута личной энергіей или ассоціаціями частной инициативы, дѣлается съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе чуждой людямъ, тогда какъ убѣжденіе въ томъ, что эта цѣль должна быть достигнута при помощи правительства становится все болѣе и болѣе привычнымъ, и наконецъ вмѣшательство правительства начинаетъ считаться единственно практическимъ способомъ. Это движеніе самымъ яркимъ образомъ выразилось на послѣднемъ конгрессѣ рабочихъ ассоціацій въ Парижѣ. Въ отчетѣ своимъ довѣрителямъ англійскіе делегаты говорили, что между ними и ихъ иностранными коллегами «спорнымъ пунктомъ являлся вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ требовать отъ государства охраны труда». Они намекали этимъ на столь поразительный въ протоколахъ конгресса фактъ, что французскіе делегаты всегда приводили правительственную власть, какъ единственное средство удовлетворить ихъ желанія.

Распространеніе образованія дѣйствовало и будетъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. «Мы должны давать образованіе нашимъ правителямъ—такъ сказалъ одинъ либераль, вотъровавшій противъ освобожденія отъ податей. Да, если бы образованіе было достойно этого имени и если бы оно давало необходимыя политическія свѣдѣнія, отъ него многого можно бы было ожидать. Но знать правила синтаксиса, умѣть вѣрно подсчитать итогъ, имѣть кое-какія географическія познанія и память, напечатанную датами восшествія королей на престолъ и побѣдъ полководцевъ—все это столько же означаетъ способность къ политикѣ, сколько талантъ къ рисованію даетъ ловкость и быстроту для телеграфированья, или сколько умѣнье играть въ крокетъ способствуетъ хорошей игрѣ на скрипкѣ. «Нѣтъ сомнѣнія, возражають мнѣ, что возможность читать отрываетъ путь къ политическимъ знаніямъ». Правда, но пойдутъ-ли по этому пути? Застольныя бесѣды доказываютъ, что изъ десяти человекъ девять читають то, что ихъ забавляетъ или интересуетъ, а не то, что даетъ имъ знаніе, и то, что менѣе всего они читають то, что содержитъ непріятныя для нихъ истины или разсѣиваетъ

ихъ неосновательныя надежды. Что народное образованіе распространяетъ въ публикѣ сочиненія, поддерживающія скорѣе пріятныя иллюзіи, нежели такія, которыя указываютъ на жестокою дѣйствительность—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Одинъ ремесленникъ пишетъ въ Pall Mall Gazette (3 дек. 1883 г.): «Хорошее элементарное образованіе внушаетъ стремленіе къ умственному развитію, а умственное развитіе возбуждаетъ потребность во многихъ вещахъ, совсѣмъ еще недоступныхъ для рабочихъ... въ горячей борьбѣ, которую ведетъ настоящее поколѣніе, для бѣдныхъ классовъ совершенно невозможно достигнуть ихъ—вотъ почему они недовольны настоящимъ положеніемъ вещей, и чѣмъ образованіе ихъ обшириѣе, тѣмъ болѣе они недовольны. Поэтому многіе изъ насъ смотрятъ на Рескина и Морриса какъ на пророковъ».

Современное положеніе Германіи даетъ достаточно очевидное доказательство, что между причиной и слѣдствіемъ наблюдается именно то соотношеніе, о которомъ говоритъ эта статья.

Такъ какъ люди, которыхъ увѣряютъ, что будущее социальное преобразование принесетъ имъ громадныя благодѣянія, обладаютъ избирательнымъ правомъ, то результатъ получается слѣдующій: чтобы овладѣть ихъ голосами, кандидатъ долженъ по меньшей мѣрѣ воздержаться отъ того, чтобы доказать имъ ложность ихъ вѣрованій, если онъ не уступитъ соблазну увѣрить ихъ, что онъ сходится съ ними въ своихъ убѣжденіяхъ. Каждый кандидатъ въ парламентъ принужденъ бываетъ предлагать или поддерживать какой-либо новый законъ, какъ насущно необходимый. Болѣе того: даже главы партій, какъ гѣ, которые стараются сохранить власть, такъ и тѣ, которые стремятся къ ней, каждый со своей стороны и наперерывъ другъ передъ другомъ стараются пріобрѣсти приверженцевъ. Каждый добивается популярности, обѣщая болѣе, чѣмъ его противникъ. Затѣмъ, какъ это доказываютъ разногласія въ парламентѣ, традиціонная вѣрность вождю мѣшаетъ подвергнуть сомнѣнію внутреннюю цѣнность предложенныхъ мѣръ. Нѣкоторые представители настолько безсовѣстны, что подаютъ голосъ за предложенія, которыя они считаютъ дурными въ принципѣ, потому что нужды партіи и желаніе быть переизбраннымъ требуютъ, чтобы они поступали такъ. Такимъ образомъ плохую политику защищаютъ даже тѣ, кто видятъ ея недостатки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ публикѣ идетъ дѣятельная пропаганда, находящая себѣ опору во всѣхъ этихъ вліяніяхъ. Коммунистическія теоріи, частью усвоенныя одна за другой парламентомъ и безмолвно, если не открыто, поддерживаемыя многими политическими дѣятелями, старающимися пріобрѣсти сторонниковъ, получаютъ болѣе или менѣе шумную поддержку со стороны народныхъ вождей и проводятся далѣе стараніями организованныхъ обществъ. Такова напримѣръ агитация отъ пользы націонализаціи земли. Съ отвлеченной точки зрѣнія проповѣдуемая система справедлива, но, какъ это всѣмъ извѣстно, м-ръ Джорджъ и его друзья хотятъ установить эту систему, игнорируя совершенно права нынѣшнихъ владѣльцевъ и кладя ее въ основу проекта, ведущаго прямымъ путемъ къ государственному социализму. Кромѣ того, мы имѣемъ демократическую федерацію Гайндгема и его послѣдователей. Они говорятъ, что «кучка грабителей, держащихъ въ своихъ рукахъ землю не имѣютъ и не могутъ имѣть иныхъ правъ, кромѣ грубой силы противъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, которыхъ они обираютъ». Они кричатъ противъ «акціонеровъ, которымъ позволили наложить руку на большія желѣзнодорожныя сообщенія». Они встаютъ «въ особенности противъ дѣятельнаго класса капиталистовъ, банкировъ, фермеровъ, владѣльцевъ рудниковъ, продирижментелей, буржуазіи, владѣльцевъ заводовъ, этихъ современныхъ рабовладѣльцевъ,

которые стремятся наживать все больше и больше на счетъ наемныхъ рабовъ, которыми они пользуются». Они думаютъ также, что «давно пора освободить промышленность изъ подъ господства индивидуальной алчности».

Намъ остается доказать еще, что эти различныя тенденціи находятъ ежедневную поддержку въ печати. Журналисты, всегда осторогающіеся сказать что-либо, что могло бы не поправиться ихъ читателямъ, по большиѣ части слѣдуютъ за теченіемъ и усиливаютъ его. Они проходятъ молчаніемъ, если и не защищаютъ открыто, тѣ самыя мѣры, которыя осудили бы раньше. Объ ученіи либерализма они говорятъ уже, какъ объ отжившей доктринѣ. «Идея социализма болѣе не пугаетъ людей»,—вотъ что мы читаемъ сегодня, а завтра тотъ городъ, который не допускаетъ у себя свободныхъ библиотекъ, уже осыпаетъ насмѣлками за его испугъ передъ этой умѣреннопочувственностическою мѣрой. Наконецъ, преимущество въ публикѣ отдается тѣмъ газетамъ, которыя утверждаютъ, что эта эволюція совершается и должна быть признана. Въѣтъ съ тѣмъ, тѣ, которые считаютъ пагубнымъ это, созданное законодательствомъ новое теченіе и которые предвидятъ, что будущее теченіе будетъ еще опаснѣе, молчатъ въ убѣжденіи, что бесполезно разсуждать съ людьми, находящимися въ состояніи политическаго ослѣпленія.

Посмотрите, сколько условій способствуютъ къ ускоренію совершающагося преобразованія. Во первыхъ мы видимъ расширеніе регламентаціи, авторитетъ которой, благодаря прецедентамъ, становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ долѣе существовала принятая система; затѣмъ—постоянную потребность въ стѣненіи и административныхъ ограниченіяхъ, вытекающую изъ непредвидѣнныхъ золъ и неудобствъ, созданныхъ прежними стѣненіями и ограниченіями. Кромѣ того, всякое новое вмѣшательство государства укрѣпляетъ мнѣніе, что государство обязано устранять всякое зло и утверждать всякое благо. Но мѣръ того, какъ административная организація, развиваясь, пріобрѣтаетъ большую силу, остальная часть общества теряетъ способность противодѣйствовать ея захватамъ и контролю. Увеличенію числа должностей, открывающихся благодаря развитію бюрократіи, способствуютъ правящіе классы, которымъ она даетъ возможности доставлять своимъ друзьямъ и близкимъ прочныя и почетныя мѣста. Граждане, вообще привыкнувъ смотрѣть на получаемыя черезъ посредство общественныхъ агентовъ блага, какъ на блага даровыя, постоянно соблюдаютъ надеждой получить еще болѣе. Распространеніе образованія, болѣе способствующаго распространенію пріятныхъ заблужденій, чѣмъ горькихъ истинъ, укрѣпляетъ эти надежды и дѣлаетъ ихъ достоинствомъ всѣхъ и каждаго. А хуже всего то, что эти надежды поддерживаются кандидатами на выборахъ, жаждущими такимъ образомъ усилить свои шансы успѣха, и вліятельными государственными людьми, ищущими этимъ путемъ популярности, ради какойнибудь партійной цѣли. Видя, что ихъ мнѣніи перѣдко подтверждаются новыми, согласными съ ихъ образомъ мыслей, законами, люди, одержимые политическимъ бѣшенствомъ, и неосмотрительные филантропы продолжаютъ агитировать съ усиливающейся энергіей и возрастающимъ успѣхомъ. Журнализмъ, всегда представляющій собой отголосокъ и органъ общественнаго мнѣнія, укрѣпляетъ его съ каждымъ днемъ, тогда какъ противоположное мнѣніе, все болѣе и болѣе падаетъ, не находя себѣ защитниковъ.

Такимъ образомъ, различныя вліянія способствуютъ увеличенію коллективнаго принужденія и уменьшенію личной инициативы. И этой перемѣнѣ со всѣхъ сторонъ помогаютъ составители проектовъ, изъ которыхъ каждый думаетъ только о своемъ собственномъ проектѣ, а отнюдь не объ общемъ преобразованіи, которое онъ подготавливаетъ по своему собственному плану.

и по другимъ однороднымъ съ нимъ планамъ. Говорить, что французская революція «пожрала своихъ собственныхъ дѣтей». Здѣсь повидимому подготавливается подобнаго же рода катастрофа. Многочисленныя преобразованія, произведенныя парламентскими актами, въ связи съ другими подготовляющимися измѣненіями, скоро приведутъ къ государственному социализму и потонутъ въ большой, подпитой незамѣтно ими самими, волнѣ.

Но зачѣмъ называть это измѣненіе «будущимъ рабствомъ»? снова спросять очень многие. Отвѣтъ очень простъ. Въ каждомъ социализмѣ подразумевается рабство.

Что составляетъ идею рабства? Мы прежде всего представляемъ себѣ ее въ видѣ челоуѣка, которымъ владѣтъ другой челоуѣкъ. Однако для того, чтобы это владѣніе не было только номинальнымъ, слѣдуетъ сдѣлать его дѣйствительнымъ, путемъ контролированія дѣйствій раба. причемъ контроль этотъ производится обыкновенно въ нѣблахъ выгоды контролирующаго. Дѣйствительно же характерной чертой раба является то, что онъ работаетъ по принужденію, чтобы удовлетворить желаніямъ другого. Это отношеніе зависимости имѣетъ различныя степени. Если мы вспомнимъ, что въ началѣ рабъ этотъ былъ плѣнникъ, жизнь котораго зависѣла отъ того, кто взялъ его въ плѣнъ, достаточно будетъ замѣтить при этомъ, что существуетъ тяжелая форма рабства, когда на раба смотрятъ, какъ на животное и онъ долженъ тратить все свои силы на пользу своего господина. При менѣе суровой системѣ рабу, хотя онъ и работаетъ главнымъ образомъ на господина, ему дается немного времени, чтобы работать для самого себя, дается и маленькій участокъ земли, который онъ можетъ обрабатывать для того, чтобы имѣть дополнительное подспорье къ нищѣ. Позднѣе ему дано было право продавать продукты своего клочка земли и оставлять себѣ вырученныя за продажу деньги. Затѣмъ слѣдуетъ еще болѣе умѣренная форма рабства, которая является тамъ, гдѣ челоуѣкъ, будучи свободнымъ воздѣлывателемъ собственной земли, побужденъ и обращенъ въ рабство. Въ этомъ случаѣ онъ долженъ ежегодно доставлять определенное количество работы или продуктовъ, или того и другого вмѣстѣ, пользуясь остальнымъ для себя. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. въ Россіи до сравнительно недавняго еще времени, крѣпостной получалъ позволеніе оставить имѣніе своего владѣльца и работать или торговать въ другомъ мѣстѣ подъ условіемъ уплаты ежегодной подати (оброка). Почему же мы называемъ въ этихъ случаяхъ рабство болѣе или менѣе суровымъ? Очевидно, наше мнѣніе опредѣляется степенью принужденія, при которой челоуѣкъ работаетъ въ пользу другого, вмѣсто того, чтобы работать въ свою собственную пользу. Если вся работа раба отдается господину, рабство тяжелѣе, а если отдается лишь небольшая доля его, то оно легче. Пойдемъ дальше. Предположимъ, что владѣлецъ умираетъ, и что имѣніе его, вмѣстѣ съ рабами, переходитъ въ руки душеприказчиковъ, или же предположимъ, что имѣніе и все, что оно содержитъ, куплено компаніей—развѣ судьба раба улучшится, если количество обязательнаго труда останется тѣмъ же? Предположимъ, что вмѣсто компаніи мы имѣемъ общину—развѣ это составитъ какую нибудь разницу для раба, если время, которое онъ долженъ отдавать чужой работѣ такъ же длинно, а время, которымъ онъ можетъ располагать для себя такъ же мало, какъ и прежде. Главный вопросъ состоитъ вотъ въ чемъ: сколько времени онъ долженъ работать для другихъ и сколько времени онъ можетъ работать для себя? Степень его рабства колеблется сообразно съ отношеніемъ между тѣмъ, что онъ долженъ дать и что онъ можетъ оставить для себя; а кто его господнитъ: личность или общество?—это не имѣетъ значенія. Если онъ долженъ отдавать весь свой трудъ обществу и получаетъ изъ общаго достоянія ту часть, которую общество

ему назначаетъ—онъ рабъ общества. Соціалистическая организація требуетъ подобнаго рода рабства, и таково и есть рабство, въ которое мы впали, благодаря одной нововведенной мѣрѣ и еще болѣе благодаря нѣкоторымъ предложеннымъ мѣрамъ. Разсмотримъ сначала ихъ ближайшія, а затѣмъ и ихъ болѣе отдаленныя послѣдствія.

Система, введенная законами о жилищахъ рабочихъ можетъ развиваться и безъ сомнѣнія разовьется. Дѣлаясь строителями домовъ, городскіе совѣты естественнымъ образомъ понижаютъ стоимость иначе построенныхъ домовъ и останавливаютъ постройку другихъ домовъ. Каждое предписаніе, касающееся способа постройки и расположенія квартиръ, уменьшаетъ выгоды строителя и побуждаетъ его вложить свой капиталъ въ другое дѣло, которое бы не понижало его прибыли. Точно такъ же домовладѣлецъ, находя, что маленькіе дома доставляютъ больше заботъ, и больше убытковъ, вслѣдствіе подчиненія инспекціи, вмѣшательства администраціи и связанныхъ съ этимъ расходовъ, видитъ что его имущество дѣляется день ото дня все менѣе прибыльнымъ, и стремится продать его; но такъ какъ тѣ же причины отпугиваютъ покупателей, онъ принужденъ продавать съ убыткомъ. Далѣе, эти все болѣе и болѣе многочисленныя правила, которыя приведутъ можетъ быть, какъ предполагаетъ лордъ Грей, къ требованію, чтобы домовладѣлецъ поддерживалъ хорошее санитарное состояніе своего дома изгнаніемъ нечистоплотныхъ жильцовъ и прибавилъ къ прочимъ своимъ обязательствамъ обязательство осматривать нечистоты, несомнѣнно вызовутъ новыя предложенія продажи и еще болѣе наугаюютъ покупателей; слѣдствіемъ всего этого явится обезцѣненіе собственности. Какой же получится результатъ? Такъ какъ постройка домовъ, и въ особенности маленькихъ домовъ, будетъ встрѣчать все болѣе многочисленныя затрудненія, публика потребуетъ отъ мѣстныхъ властей помочь этому недостатку. Городскіе и другіе совѣты должны будутъ строить все большее число домовъ или должны будутъ покупать дома, не находящіе по вышеупомянутымъ причинамъ покупателей среди публики и имъ дѣйствительно въ виду паденія цѣнности и домовъ, будетъ выгоднѣе купить ихъ, нежели строить новые. Къ тому же эта процедура поведетъ за собой еще одно слѣдствіе: великій мѣстный налогъ обезцѣниваетъ еще болѣе собственность. Кромѣ того, когда, вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, мѣстныя власти будутъ обладать большимъ числомъ домовъ, это составитъ хорошій прецедентъ для того, чтобы доставлять за счетъ общины дома сельскому населенію, какъ предлагаетъ радикальная программа и какъ того требуетъ демократическая федерація. Последняя настаиваетъ на принудительной застройкѣ здоровыхъ жилищъ для сельскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, сообразно съ величїемъ на желаніе: очевидно, то, что уже сделано, что дѣлается теперь и что должно быть сделано въ скоромъ времени, имѣетъ цѣлью осуществленіе социалистическаго идеала, по которому община есть единственный домовладелецъ.

Таково было бы и слѣдствіе системы, касающейся владѣнія землей и ея эксплуатаціи. Увеличивающееся число общественныхъ учрежденій требовало бы также и большаго числа общественныхъ агентовъ, содержимыхъ на все болѣе и болѣе отягощаемый общественный бюджетъ, а вслѣдствіе этого уменьшалась бы все болѣе и болѣе доходность земель, до тѣхъ поръ, пока, благодаря обезцѣненію земли, сопротивленіе измѣненію формы владѣнія дѣлалось бы все слабѣе. И теперь уже, какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ трудно имѣть фермеровъ, даже сильно понижая арендную плату, и участки болѣе низкаго достоинства остаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ невоздѣланными или, когда ихъ воздѣлываетъ самъ владѣлецъ, они часто приносятъ убытокъ. Очевидно, что доходъ съ земельной собственности не достаточно великъ, чтобы взимать съ него—для содержанія многочисленныхъ админи-

«стративныхъ должностей — тяжелыя мѣстные подати, которыя поглощаютъ его до такой степени, что владѣльцы земли стараются продать ее и извлечь наибольшую выгоду изъ такимъ образомъ реализованнаго, весьма уменьшеннаго капитала: они эмигрируютъ и покупаютъ земли, не обложенныя тяжелымъ налогомъ. Такой образъ дѣйствій неизбежно приведетъ, наконецъ, къ тому, что земли худшаго качества останутся невоздѣланными, и тогда предъявленное мистеромъ Арчъ требованіе сдѣлается болѣе общимъ. Мистеръ Арчъ, въ своей рѣчи къ радикальному собранію въ Брайтонѣ, утверждая, что землевладѣльцы не извлекаютъ изъ земли столько пользы, сколько требуетъ общественное благо, говоритъ: «Я желаю бы, чтобы нынѣшнее правительство подвергло голосованію законъ объ обязательномъ воздѣлываніи земли». Это предложеніе встрѣчено было сочувственно, и ораторъ защищалъ его, приводя въ примѣръ обязательную прививку оспы (указывая, такимъ образомъ, на вліяніе прецедентовъ). И на этомъ требованіи будутъ настаивать, не только вслѣдствіе необходимости сдѣлать почву болѣе продуктивной, но также и вслѣдствіе потребности дать работу сельскому населенію. Когда правительство распространитъ обычай нанимать безработныхъ для обработки покинутыхъ земель или земель, пріобрѣтенныхъ по низкимъ цѣнамъ, мы будемъ недалеко отъ той организаціи, которая по программѣ демократической федераціи должна слѣдовать за пріобрѣтеніемъ земель государствомъ, а именно отъ организаціи земледѣльческихъ и промышленныхъ армій подъ контролемъ правительства и по принципамъ кооперациіи.

Если кто нибудь будетъ сомнѣваться въ томъ, что можно достигнуть такимъ путемъ подобнаго переворота, то вотъ факты, доказывающіе, что это возможно. Въ Галліи, въ эпоху упадка римской имперіи «такъ многочисленны были получающіе въ сравненіи съ платящими, такъ тяжело было бремя налоговъ, что земледѣлецъ не выдержалъ тяжести взваленныхъ на него обязательствъ: поля были покинуты и лѣса выросли тамъ, гдѣ прежде проходилъ плугъ». Точно такъ же передъ французской революціей общественныя обязательства стали такъ тяжелы, что многія поля оставались невоздѣланными и многія фермы опустѣли; четвертая часть всѣхъ почвъ была совершенно невоздѣлана, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ половина земли была подъ паромъ. Въ Англіи мы были свидѣтелями подобнахъ же фактовъ. При старомъ законѣ о бѣдныхъ налоги поднялись въ нѣкоторыхъ приходахъ до половины суммы доходовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фермы оставались безъ фермеровъ; въ одномъ мѣстѣ налоги поглотили даже все, что производила почва.

«Въ Чолсбюри, въ Букингемширѣ въ 1832 году налогъ въ пользу бѣдныхъ былъ внезапно отмененъ, потому что невозможно было собрать его, такъ какъ землевладѣльцы отказались отъ своей арендной платы, фермеры отъ своего найма, а пасторъ отъ своего поля и отъ десятиннаго сбора въ его пользу. Пасторъ Джестонъ передаетъ, что въ октябрѣ 1832 года приходскіе администраторы прекратили свою дѣятельность, а бѣдные, собравшись толпой у его дома въ то время, какъ онъ былъ еще въ постели, стали просить у него совѣта и пищи. Благодаря собственнымъ весьма скуднымъ средствамъ, благодаря помощи сострадательныхъ сосѣдей и налога на сосѣдніе приходы, ему удалось нѣкоторое время помогать имъ».

И комиссары прибавляютъ, что «добрый пасторъ совѣтуетъ раздѣлить всѣ земли между способными къ работѣ бѣдными», въ надеждѣ, что если имъ будутъ оказывать поддержку втеченіи двухъ лѣтъ, они будутъ въ состояніи содержать себя сами. Факты эти, подтверждающія предсказаніе, сдѣланное въ парламентѣ относительно того, что если законъ о бѣдныхъ продержится тридцать лѣтъ, земля останется невоздѣланной, ясно показываютъ,

что увеличеніе общественныхъ налоговъ можетъ привести къ обязательной культурѣ земли подъ контролемъ правительства.

Затѣмъ слѣдуетъ переходъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства, уже совершившейся на большей части материка. Въ Англии эту систему очень восхваляли нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а теперь, по почину государственныхъ дѣятелей и публицистовъ, демократическая Федерация снова предлагаетъ «пріобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ государствомъ съ вознагражденіемъ или безъ оного». Очевидно, что совмѣстное давленіе сверху и снизу приведетъ къ этому измѣненію, соответствующему господствующей политикѣ и за нимъ послѣдуютъ и другія, связанная съ нею измѣненія. Прежніе владѣльцы желѣзнодорожныхъ линій сдѣлались главами большого числа фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ желѣзнымъ дорогамъ. Стало быть, государство будетъ принуждено выкупить и ихъ послѣ покупки желѣзныхъ дорогъ. Имѣя уже въ своихъ рукахъ исключительное управленіе почтой и телеграфомъ и готовясь взять себѣ также монополію перевозки кладей, государство будетъ не только перевозить пассажировъ, товары и руду, но къ различнымъ своимъ производствамъ присоединить и многія другія. Теперь уже оно не только строитъ казармы для флота и арміи, порты, доки, молы и т. д., оно сооружаетъ суда, фабрикуетъ ружья, льетъ пушки, изготовляетъ одежду и обувь для арміи, а когда оно овладѣетъ желѣзными дорогами «съ вознагражденіемъ или безъ оного», какъ говорятъ члены демократической федерации, оно будетъ производить деготь, сало, и сдѣлается собственникомъ транспортныхъ судовъ, каменноугольныхъ копей, каменоломней, омнибусовъ и т. п. Пока же его мѣстные представители, муниципальныя управленія, во многихъ мѣстахъ уже взяли на себя снабженіе водой, газомъ, завладѣвшія трамваями, банями, возьмутся и за другія предпріятія. Когда государство, такимъ образомъ, станетъ непосредственно или черезъ своихъ делегатовъ во главѣ многочисленныхъ заведеній для производства въ обширныхъ размѣрахъ и оптовой продажи, тогда будутъ на-лицо хорошіе прецеденты для распространенія его функцій и на розничную продажу по примѣру французскаго правительства, давно уже ведущаго мелочную торговлю табакомъ.

Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что происшедшія и имѣющія произойти, а также и предложенныя измѣненія приведутъ насъ въ концѣ концовъ къ тому, что государство сдѣлается не только владѣльцемъ земель, жилищъ и путей сообщенія, причѣмъ управленіемъ и эксплуатаціей будутъ завѣдывать правительственныя должностныя лица, но и къ захвату государствомъ всѣхъ отраслей промышленности: такъ какъ частная промышленность, будучи не въ силахъ конкурировать съ государствомъ, которое все можетъ устроить сообразно со своими нуждами, мало-по-малу исчезнетъ точно такъ же, какъ многія свободныя школы исчезли, благодаря возникновенію школъ, поставленныхъ подъ надзоръ правительственной власти. Такимъ образомъ будетъ достигнутъ идеалъ социалистовъ.

Но иди къ тому идеалу, къ которому стремится вмѣстѣ съ социалистами и такъ называемые «практическіе» политики, идеалу, на который социалисты любятъ взирать съ его блестящей стороны, посмотримъ и на его темную сторону, отъ которой они отворачиваются? Вообще мы замѣчаемъ, что люди накануне свадьбы все видятъ въ розовомъ свѣтѣ, останавливаясь только на общаемыхъ бракомъ удовольствіяхъ и вовсе не думая о сопровождающихъ его неприятностяхъ. Другой примѣръ того же рода мы видимъ въ изступленныхъ политикахъ и фанатическихъ революціонерахъ. Пораженные бѣдствіями, существующими при настоящей организаціи общества и не желая приписывать ихъ недостаткамъ человеческой природы, плохо приспособ-

ленной въ социальному строю, они воображаютъ, что могутъ сейчасъ же помочь злу тѣмъ или другимъ преобразованиемъ. А между тѣмъ, если бы ихъ планы и удались, то это имѣло бы мѣсто лишь подъ условіемъ замѣны одного зла другимъ. Короткаго разсужденія достаточно было бы, чтобы показать имъ, что съ предлагаемыми ими преобразованиями имъ пришлось бы отказываться отъ своихъ вольностей по мѣрѣ того, какъ увеличивалось бы ихъ матеріальное благосостояніе.

Ни одной формы коопераціи, въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, нельзя установить безъ регламентаціи, слѣдовательно безъ подчиненія регулирующимъ агентамъ. Даже собственныя организаціи социалистовъ, имѣющія цѣлью социальныя измѣненія, могутъ служить имъ примѣромъ въ этомъ отношеніи. Кооперація должна имѣть свои собранія, своихъ мѣстныхъ и общихъ агентовъ, своихъ начальниковъ, которымъ приходится повиноваться во избѣжаніе недоразумѣній и неудачъ.

Опытъ тѣхъ, которые горячо восхваляли новый социальный строй подъ отеческимъ надзоромъ правительства, показываетъ, что даже въ обществахъ, организованныхъ по почину частныхъ лицъ, власть правящей части становится настолько сильна, что часть подчиненная начинаетъ роптать и отказывается повиноваться. Рабочія ассоціаціи, ведущія нѣчто вродѣ промышленной войны для защиты интересовъ рабочихъ противъ выгоды хозяевъ, находятъ, что пассивное повиновеніе необходимо для того, чтобы дѣятельность ихъ была плодотворна, такъ какъ разногласія членовъ только вредятъ успѣху. Даже въ кооперативныхъ обществахъ, производительныхъ или потребительныхъ, гдѣ не требуется такого повиновенія, какъ тамъ, гдѣ преслѣдуется оборонительная или наступательная цѣль, управляющіе приобретаютъ такое преобладаніе, что члены начинаютъ жаловаться на «тиранію администраціи». Посудите же о томъ, что будетъ, когда вмѣсто сравнительно многочисленныхъ ассоціацій, въ которыхъ можно участвовать или не участвовать по желанію, у насъ будетъ одна національная ассоціація, въ которую будетъ включенъ каждый гражданинъ, и изъ которой ему нельзя будетъ выйти, не покидая страны. Представьте себѣ, каково будетъ при этихъ условіяхъ самовластіе іерархически построеннаго и централизованнаго чиновничества, держащаго въ своихъ рукахъ средства общины и имѣющаго въ своемъ распоряженіи всю силу, которую оно сочтетъ необходимой, чтобы заставить выполнять свои декреты и поддерживать то, что оно называетъ порядкомъ. Нечего удивляться тому, что Бисмаркъ выказываетъ склонность къ государственному социализму.

Затѣмъ, когда они сознаютъ—а они должны сознать это, если только подумаютъ о конечныхъ результатахъ своихъ проектовъ,—какую громадную власть будетъ имѣть въ рукахъ правящій классъ въ новомъ социальномъ строѣ, описанномъ столь великолѣпными красками, пусть тогда защитники его спросятъ себя, въ какомъ направленіи будетъ функционировать эта власть. Не останавливаясь исключительно, какъ они это обыкновенно дѣлаютъ, на матеріальномъ благосостояніи и на удовлетвореніи умственныхъ потребностей, которымъ должно завѣять благодѣтельное правительство, пусть они обратятъ вниманіе на то, какой цѣной придется за это заплатить. Чиновники не могутъ создать необходимыхъ средствъ: они могутъ только распределять между индивидами то, что индивиды совместно произвели. Если общественная администрація должна удовлетворить нужды индивидовъ, то она должна требовать, чтобы индивиды доставляли ей необходимую для того средства. Соглашенія между хозяиномъ и рабочимъ, какъ при нашей настоящей системѣ, быть не можетъ, — проектъ исключаетъ это соглашеніе. Вмѣсто этого будетъ приказаніе, отдаваемое мѣстными властями рабочимъ и принятіе рабочими назначенной властями работы.

И такова въ дѣйствительности ясно—хотя повидимому и безсознательно—опредѣленная членами демократической федерации организація. Они дѣйствительно предлагаютъ поручить производство «земледѣльческимъ и промышленнымъ арміямъ» подъ контролемъ государства», забывая вѣроятно, что армія обуславливаетъ іерархію офицеровъ, которые стануть требовать повиновенія, такъ какъ иначе не могутъ быть обезпечены ни порядокъ, ни производительный трудъ. Такимъ образомъ, индивидъ подчинится управляющей части націи, какъ рабъ своему господину.

«Но правительство было бы господиномъ, назначеннымъ имъ самимъ и другими, господиномъ, который, слѣдовательно, всегда долженъ бы былъ быть на чеку; господиномъ, который контролировалъ бы его самого и другихъ лишь настолько, насколько это необходимо для интересовъ каждаго въ частности и всѣхъ вообще».

На это возраженію прежде всего мы отвѣтимъ, что если даже это и дѣйствительно такъ, то каждый членъ общины, какъ индивидъ, былъ бы рабомъ общины въ ея составѣ. Подобное отношеніе существовало обыкновенно въ воинствующихъ общинахъ, даже въ почти народныхъ формахъ правленія. Въ древней Греціи былъ принятъ принципъ, что гражданинъ не принадлежитъ ни себѣ, ни семейству, а государству, такъ какъ государство у грековъ значило то же, что община. И эта доктрина, приспособленная къ такому государству, гдѣ война велась непрерывно, безсознательно вводится теперь социализмомъ въ государство, которое должно быть чисто промышленнымъ. Услуги каждаго человѣка будутъ принадлежать всѣмъ вообще и эти услуги будутъ оплачиваться властью, но ея усмотрѣнію. Такимъ образомъ, даже если власть будетъ столь благотворительна, какъ намъ обѣщаютъ, рабство, какъ бы ни была умѣренная его форма, будетъ неизбѣжнымъ результатомъ такой организаціи.

Во вторыхъ, мы отвѣтимъ слѣдующее: администрація не долго останется такою, какою намъ ее обѣщаютъ и, переносить рабство будетъ не легко. Соціалистическое мышленіе страдаетъ тѣми же ошибками, какъ и мышленіе «практическаго» политика: предполагается, что администрація будетъ дѣйствовать такъ, какъ этого желаютъ, но этого никогда не бываетъ. Коммунистическій механизмъ, такъ же, какъ и механизмъ нынѣшняго социализма, неизбѣжно зависятъ отъ элементовъ существующей человѣческой природы, недостатки которой будутъ порождать одинаковое зло, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Любовь къ власти, честолюбіе, несправедливость, нечестность часто въ теченіи сравнительно недолгаго времени являются причиной распадѣнія частныхъ организацій, тамъ же, гдѣ ихъ вліяніе накапливается съ каждымъ поколѣніемъ они неизбѣжно приведутъ, къ гораздо большему и гораздо труднѣе поправимымъ бѣдствіямъ, такъ какъ правительственная администрація, болѣе обширная и сложная и снабженная всѣми средствами, будетъ неотразимой, развѣ она достигнетъ полнаго развитія и утвержденія. Въ доказательство того, что периодическое примѣненіе избирательнаго права не устранитъ этого результата, приведемъ въ примѣръ французское правительство. Народное при своемъ основаніи и подвергающееся черезъ короткіе промежутки времени народному сужденію, оно тѣмъ не менѣе до такой степени попираетъ права гражданъ, что англійскіе делегаты на недавнемъ конгрессѣ рабочихъ ассоціацій говорятъ: «Это позоръ для республиканской націи и аномалія въ республикѣ».

И кончился бы все это возвращеніемъ въ деспотизму. Дисциплинированная армія гражданскихъ чиновъ такъ же, какъ и армія военныхъ чиновъ, дастъ высшую власть начальствующему лицу, власть, которая не развѣ уже вела къ самовластию, какъ въ средневѣковой Европѣ, а еще болѣе въ Японіи; мало того, у французовъ это случилось въ весьма недавнее

время. Признания г. де-Мона показали, съ какою легкостью глава конституціоннаго государства, избранный цѣлымъ народомъ, отдающимъ ему свое довѣріе, можетъ съ помощью немногихъ, не особенно щепетильныхъ личностей обезсилить народное представительство и сдѣлаться абсолютнымъ монархомъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что тѣ, которые достигли бы власти въ социалистической организаціи не остановились бы ни передъ какими средствами, чтобы осуществить свои цѣли. Когда совѣтъ демократической федераціи говоритъ намъ, что акціонеры, которые иногда наживая, но часто и теряя, создали нашу желѣзнодорожную сѣть и такимъ образомъ способствовали великому развитію національнаго благосостоянія, «наложили руку» на наши пути сообщенія, мы можемъ отвѣтить на это, что тѣ, которые находились бы во главѣ социалистической администраціи, могли бы дать неправильное толкованіе правамъ лицъ и классовъ, стоящихъ подъ ихъ властью. И когда члены того же совѣта утверждаютъ, что государство должно бы было взять въ свое владѣніе желѣзныя дороги «съ воимѣщеніемъ или безъ онаго», мы можемъ предположить, что принципы справедливости не помѣшали бы вождямъ идеальнаго и вождьденнаго общества слѣдовать любой политикѣ, разъ только они будутъ считать ее необходимою, и при томъ политикѣ, всегда обезпечивающей ихъ преобладаніе. Достаточно было бы войны съ сосѣднимъ обществомъ или какого-нибудь внутренняго волненія, требующаго подавленія силой, чтобы разомъ преобразить социалистическую администрацію въ крайнюю тиранію, подобную тираніи древняго Перу. При такомъ правительствѣ народная масса, управляемая іерархіей должностныхъ лицъ и контролируемая во всѣхъ внутреннихъ и внешнихъ своихъ проявленіяхъ, работала бы для того, чтобы содержать организованную группу, сохраняющую въ своихъ рукахъ власть, тогда какъ ей самой оставалось бы лишь столько средствъ, чтобы влечь жалкое существованіе. И затѣмъ возвратился бы, только въ иной формѣ, тотъ государственный режимъ, та система обязательной коопераціи, традиціи которой олицетворяются до извѣстной степени старый торизмъ и къ которой возвращаесть часть новый торизмъ.

«Но мы будемъ беречься этихъ золъ, мы примемъ всѣ предосторожности, чтобы отвратить подобныя бѣды», скажутъ, безъ сомнѣнія, фанатики. Какъ «практическіе» политики съ ихъ новыми регулирующими мѣрами, такъ и коммунисты съ ихъ проектами реорганизаціи труда, отвѣтятъ одно и то же: «Правда, что подобные проекты потерпѣли крушеніе по непредвидѣннымъ причинамъ, или по несчастной случайности, или по недобросовѣстности тѣхъ, которымъ поручено было ихъ выполнение: но на этотъ разъ мы воспользуемся прежнимъ опытомъ и достигнемъ цѣли». Итъ, повидимому, никакой возможности вбить этимъ людямъ въ голову ту, однако достаточно очевидную, истину, что преуспѣваніе общества и доля справедливости въ его организаціи зависятъ въ сущности отъ характера его членовъ, и что никакой прогрессъ не можетъ осуществляться безъ усовершенствованій въ характерѣ, происходящихъ отъ мирнаго труда, подчиненнаго правиламъ хорошо регулированной социальной жизни. Не только социалисты, но и такъ называемые либералы, подготовляющіе имъ путь, думаютъ, что при умѣньѣ, недостатки человечества мугутъ быть исправлены хорошими учрежденіями. Это чистая иллюзія. Каковъ бы ни былъ социальный строй, несовершенная природа гражданъ будетъ проявляться въ ихъ дурныхъ дѣйствіяхъ. Такой политической алхиміи, съ помощью которой можно было бы превращать олово инстинктовъ въ золото поступковъ не существуетъ.

III. Грѣхи законодателей.

Правда-ли или нѣтъ, что человѣкъ состоитъ изъ беззаконій и зачатъ въ грѣхѣ, но несомѣнно, что правительство возникло отъ насилия и зачалось насиліемъ. Въ маленькихъ первобытныхъ обществахъ, гдѣ въ теченіи многихъ вѣковъ царилъ мѣръ, не существуетъ ничего подобнаго; тамъ нѣтъ никакой принудительной организаціи, а есть развѣ только почетное преобладаніе, когда вообще есть преобладаніе. Въ этихъ исключительныхъ общинахъ, которыя не нападаютъ и сами, по особымъ причинамъ, не подвергаются никакому нападению, правдивость, честность, справедливость и гуманность установились въ людяхъ настолько твердо, что достаточно бываетъ, чтобы общественное мнѣніе время отъ времени высказывалось на собраніи старѣйшинъ, созываемомъ черезъ неправильные промежутокъ времени. И наоборотъ, мы находимъ доказательство тому, что власть начальника, признанная сначала временно втеченіи войны, устанавливается навсегда, если война продолжительна, и укрѣпляется тамъ, гдѣ война была удачна и повела къ подчиненію сосѣднихъ племенъ. Затѣмъ примѣры, встрѣчающіеся у вѣхъ народовъ, несомѣнно доказываютъ ту истину, что принудительная власть царя и «цари царей» (титულъ, часто встрѣчающійся на Востоцкѣ) возростаеъ по мѣрѣ того, какъ онъ расширяетъ свои завоеванія и соединяетъ подъ своимъ владычествомъ все большее и большее число народовъ. Сравненія открываютъ намъ еще другую истину, которую мы должны бы всегда хранить въ памяти, а именно, что правящая власть становится тѣмъ болѣе агрессивной внутри общины, чѣмъ она агрессивнѣе внѣ ея. Какъ для того, чтобы составить хорошую армію, необходимо, чтобы солдаты разныхъ чиновъ повиновались командующему ими, точно такъ же для того, чтобы создать сильную воинскую общину надо, чтобы граждане подчинялись руководящей власти; надо, чтобы они доставляли нужное число людей и отдавали бы все имущество, которое отъ нихъ требуютъ.

Очевиднымъ выводомъ отсюда будетъ, что правительственная мораль, въ зачаткахъ своихъ тождественная съ военными обычаями, должна долгое время собразоваться съ ними и можетъ удалиться отъ нихъ лишь по мѣрѣ того, какъ сокращается военная дѣятельность и военныя приготовленія. Доказательство тому мы видимъ на каждомъ шагѣ. Теперь на материкѣ гражданъ свободенъ лишь тогда, когда онъ не служитъ болѣе въ арміи; но онъ всю свою остальную жизнь трудится для того, чтобы поддерживать военную организацію. Даже въ Англіи серьезная война, дѣлая рекрутскій наборъ необходимымъ, отняла бы временно вольности большаго числа людей и уменьшила бы ихъ у другихъ, принуждая ихъ путемъ поборовъ платить за необходимыя издержки, т. е. заставляя ихъ работать извѣстное число дней для государства. Кодексъ поведенія правительства относительно гражданъ неизбежно составляется сообразно съ кодексомъ поведенія гражданъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Я не буду въ настоящей статьѣ говорить ни о нарушеніяхъ права, ни о совершенныхъ жестокостяхъ; большая часть исторіи состоитъ въ изложеніи такихъ фактовъ; я не хочу также описывать тѣ внутреннія беззаконія, которыя сопровождали беззаконія внѣшнія. Я не имѣю намѣренія дѣлать перечень преступленій неответственныхъ законодателей, начиная съ царя Куфу (камни его колоссальной гробницы были заложены въ кровавомъ поту десятковъ тысячъ рабовъ, которыхъ заставляли работать подъ ударами кнута въ теченіи долгихъ лѣтъ), продолжая египетскими, асси-

ринскими, персидскими, македонскими и прочими завоевателями и кончая Наполеономъ, который для того, чтобы удовлетворить свое честолюбіе и увидѣть весь цивилизованный міръ у своихъ ногъ, погубилъ по крайней мѣрѣ два милліона людей. Я не задаюсь также цѣлью исчислять здѣсь грѣхи отвѣтственныхъ законодателей, оставляющие длинные списки законовъ, созданныхъ въ интересахъ господствующихъ классовъ. Въ Англіи въ этотъ списокъ входятъ и такіе законы, которые долгое время поддерживали рабство и торговлю невольниками, пользуясь которыми подвергали пыткамъ около 40000 негровъ въ годъ, запикивали ихъ въ трюмы судовъ во время плаванія подъ тропиками и губили такимъ образомъ большинство изъ нихъ. Списокъ этотъ заканчивается законами о зерновыхъ хлѣбахъ, которые, какъ говоритъ сэръ Эркингъ Мей, «чтобы поднять арендную цѣну, приговорили нечисленную массу народа къ страданіямъ голода».

Безъ сомнѣнія описаніе главныхъ злодѣяній отвѣтственныхъ и неотвѣтственныхъ законодателей было бы не лишнимъ и послужило бы для различныхъ цѣлей. Оно ясно показало бы тождественность правительственной морали съ обычаями войны, тождественность, которая неизбежно существовала въ тѣ первобытныя времена, когда армія была просто мобилизованное общество, а общество армія на покой, которая существовала въ теченіи долгихъ періодовъ и даже въ наше время имѣетъ большое вліяніе на наше судопроизводство и нашу повседневную жизнь. Показавъ, наприимѣръ, что у безчисленныхъ племенъ дикарей судебныхъ функций начальника не существуетъ или онъ существуетъ лишь по имени, и что въ большинствѣ случаевъ въ первобытную эпоху европейской цивилизаціи каждый индивидъ долженъ былъ самъ защищать себя и свои права, какъ только могъ; показавъ, что въ средніе вѣка право частной войны между членами воинствующаго ордена было отмѣнено не потому, что верховный глава считалъ своей обязанностью подчинять ссоры своему суду, но потому, что частныя войны уменьшали силу его арміи въ общихъ войнахъ; показавъ, что въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ примѣненіе правосудія сохраняло еще свой первобытный характеръ въ судебныхъ поединкахъ, происходившихъ въ присутствіи короля или его представителя въ качествѣ судьи—поединокъ, удержавшіеся до 1819 г. въ формѣ дуэлей—показавъ все это, мы могли бы утверждать, что и въ наше время судебныя поединки, существуютъ подъ другимъ видомъ, поединки, въ которыхъ борцами являются адвокаты, а орудіемъ кошельки. Въ гражданскихъ процессахъ правительство нисколько не заботится о томъ, чтобы потерѣвшей стороной была оказана справедливость: его представитель слѣдитъ лишь за тѣмъ, чтобы соблюдены были правила поединка; результатъ же менѣе зависитъ отъ справедливаго отношенія къ дѣлу, чѣмъ отъ туга набитаго кошелька и отъ ловкости адвоката. Болѣе того: правительство такъ мало заботится о правосудіи, что если въ судебномъ поединкѣ, происходившемъ въ присутствіи его представителя, кошельки борющихся, опустѣли и если по аппеляціи одного изъ нихъ рѣшеніе было измѣнено, побѣжденный обязанъ заплатить за ошибки настоящаго или бывшаго представителя его, и весьма часто потерѣвшее лицо, просившее о защитѣ или возмѣщеніи потери, выходитъ изъ суда нищимъ.

Такой хорошо составленный списокъ злодѣяній правительства, списокъ того, что оно сдѣлало и чего не сдѣлало, доказалъ бы что извѣстная часть кодекса еще находящейся въ силѣ морали существуетъ со временъ военнаго положенія и приспособлена къ нему и умѣрилъ бы, можетъ быть, рвеніе тѣхъ, которые работаютъ для расширенія правительственнаго контроля. Убѣдившись въ томъ, что продолжаютъ существовать не только вѣщныя черты, но и принципы этого первобытнаго политическаго строя,

созданнаго постояннымъ милитаризмомъ, реформаторъ и философъ не стали бы, можетъ быть, ожидать такихъ великихъ благъ отъ всесторонняго вмѣшательства правительства и стали бы болѣе довѣрять не правительственнымъ организаціямъ.

Но оставляя въ сторонѣ большую часть обширныхъ вопросовъ, содержащихся въ заглавіи этой статьи, я намѣренъ заняться здѣсь только относительною малою долей ихъ, а именно тѣми грѣхами законодателей, которые являются не плодомъ ихъ честолюбія или классовыхъ интересовъ, но происходятъ отъ небрежнаго отношенія къ изученію того, что они преимущественно обязаны знать прежде, чѣмъ примутся за работу.

Представьте себѣ, что аптекарскій ученикъ, выслушавъ описаніе нѣкоторыхъ болѣй, которыя онъ считаетъ желудочными коликами, тогда какъ боли въ дѣйствительности происходятъ отъ воспаленія слѣпой кишки, предпишетъ больному сильное слабительное и уморитъ его. Его объявятъ виновнымъ въ убійствѣ по неосторожности. Его оправданіе, что онъ имѣлъ доброе намѣреніе помочь страждущему, не будетъ принято во вниманіе. Онъ не въ состояніи будетъ защитить себя, сказавъ, что онъ просто ошибся въ діагнозѣ. Ему отвѣтятъ, что онъ не имѣлъ права подвергать опасности жизнь больного, вмѣшиваясь въ дѣло, о которомъ онъ имѣетъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Онъ не можетъ оправдываться тѣмъ, что не знаетъ, до какой степени онъ невѣжественъ. По общепринятому правилу, онъ долженъ былъ знать то, что знаютъ все, а именно, что даже тѣ, которые изучили медицину, а тѣмъ болѣе тѣ, которые ее не изучали, дѣлаютъ ошибки въ діагнозѣ болѣзней и въ выборѣ лѣкарствъ. Такъ какъ онъ пренебрегъ предостереженіемъ, даннымъ общепринятымъ мнѣніемъ и опытомъ, онъ является отвѣтственнымъ за послѣдствія.

Но отвѣтственность законодателей за зло, которое они могутъ причинить, опредѣляется съ большимъ снисхожденіемъ. Въ большинствѣ случаевъ не только не думаютъ, что они заслуживаютъ наказанія за то, что причинили вредъ законами, изданными по невѣднію, но ихъ даже и не осуждаютъ за это. Вообще думаютъ, что общераспространенный опытъ долженъ бы былъ научить аптекарскаго ученика не совѣтять въ медицину, но никто не думаетъ, что общественный опытъ долженъ бы былъ научить законодателя не издавать законовъ, пока онъ не приобрѣтетъ достаточныхъ для этого знаній. Хотя онъ имѣетъ передъ собою въ собраніи законовъ своей страны и другихъ странъ множество фактовъ, рисующихъ ему жестокія бѣдствія, бывшія слѣдствіемъ плохого законодательства, его все-таки не осуждаютъ за то, что онъ пренебрегъ этими предостереженіями противъ слишкомъ поспѣшнаго вмѣшательства. Наоборотъ: все считаютъ заслугой съ его стороны, если онъ, можетъ быть только что оставивъ школу, можетъ быть имѣя цѣлую свору собакъ, прославившую его въ его графствѣ, можетъ быть пріѣхавъ изъ провинціального города, гдѣ приобрѣлъ большое состояніе, можетъ быть покинувъ судебную карьеру, въ которой составилъ себѣ имя, вступаетъ въ парламентъ и тотчасъ же съ легкимъ сердцемъ начинаетъ оказывать содѣйствіе или препятствіе тому или другому образу дѣйствій политическаго учрежденія. Въ этомъ случаѣ нечего оправдывать его тѣмъ, что онъ не знаетъ, насколько онъ невѣжественъ, ибо публика вообще думаетъ, такъ же какъ и онъ, что нѣтъ никакой надобности знать болѣе того, что мы узнаемъ изъ дебатовъ о предположенныхъ мѣрахъ.

А между тѣмъ достаточно бросить взглядъ на исторію законодательства, чтобы увидѣть, насколько бѣдствія, причиненныя невѣжественными законодателями многочисленнѣе несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ по винѣ невѣждъ, бравшихся за лѣчение. Читатель извинитъ меня,

если я приведу нѣсколько общеизвестныхъ примѣровъ. Възъ за вѣкомъ государственные дѣятели издавали противъ ростовщичества законы, ухудшавшіе положеніе должника, заставляя подняться проценты «съ пяти на шесть; когда они имѣли намѣреніе спустить его на четыре, какъ при Людовикѣ XV» и причиняя косвенно множество непредвидѣнныхъ золъ, пренебрегая, напримѣръ, продуктивному употребленію имѣющагося свободного капитала и «налагая на мелкихъ владѣльцевъ безчисленное множество постоянныхъ обязательствъ». Точно также попытки остановить скопленіе товаровъ въ однихъ рукахъ, продолжавшіяся въ Англіи въ теченіи пяти сотъ лѣтъ, и не доукавшія во Франціи по свидѣтельству Артура Юнга, «покупать на рынкѣ болѣе двухъ мѣръ пшеницы», въ теченіи многихъ поколѣній увеличивали нищету и смертность, происходившія влѣствіе дороговизны. Въ дѣйствительности же функція негоціанта, который въ трактатѣ *De Fistoribus* называется «притѣнителемъ бѣднаго люда», состоитъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ томъ, чтобы уравнивать снабженіе продуктами рынка, не допуская слишкомъ быстрого истощенія запасовъ. Такова была также мѣра, принятая въ 1815 г. для уменьшенія голода, мѣра, предписывавшая цѣны съѣстныхъ припасовъ, но вскорѣ отмѣненная послѣ того, какъ она заставила совершенно исчезнуть съ рынка нѣкоторые пищевые продукты. Таковы были также мѣры, принимавшіяся болѣе долгое время, какъ напримѣръ правила, по которымъ судья долженъ былъ опредѣлить *разумныя* (умѣренныя) *выгоды* торговцевъ съѣстными припасами. Попытки, сдѣланныя для того, чтобы установить вѣсоту заработной платы, сдѣланы были въ томъ же духѣ и имѣли тѣ же пагубныя послѣдствія. Онѣ начались со статута рабочимъ при Эдуардѣ III и прекратились лишь шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, послѣ того какъ, заставивъ долгое время фабрики и населеніе квартала Spitalfields влечить печальное существованіе, лорды и палата общинъ наконецъ рѣшились не возлагать на чиновниковъ обязанности назначать плату ткачамъ шелковыхъ матерій.

Здѣсь меня вѣроятно остановятъ съ нетерпѣніемъ; мнѣ скажутъ: «Все это давно извѣстно—это старая исторія. Бѣдствія, причиненныя вмешательствомъ въ торговые и промышленные вопросы, въ достаточной степени намолили намъ уши и почему намъ читать правоченія по этому поводу». Во первыхъ, я отвѣчу на это, что большинство до сихъ поръ этого, какъ слѣдуетъ, не изучало, а тѣ, которые и знали это, уже все забыли. Развѣ мотивы, руководяще въ наше время издаваемъ подобныхъ предписаній, не тѣ же самыя, что и въ прежнія времена? Въ статутѣ 35 Эдуарда III, цѣлью котораго было помѣшать увеличенію цѣны на сельди (по который былъ очень скоро отмѣненъ, потому что въ дѣйствительности возвысилъ ихъ) жалуются на то, что люди, приходя на рынокъ торгуются за селедку и каждый покупатель изъ хитрости или зависти надбавляетъ цѣну противъ другого; если одинъ предлагаетъ 40 шиллинговъ, другой предложить на 10 шиллинговъ болѣе и такимъ образомъ предложеніе одного превосходить предложеніе другого». Запрещенная такимъ образомъ въ то время «манера перебивать товаръ на рынкѣ», манера приписываемая и «хитрости и зависти», снова осуждается и въ наше время. Зло конкуренціи всегда составляло главный предметъ жалобъ социалистовъ, и совѣтъ демократической федераціи осуждаетъ обычныя, дѣлаемые «подъ контролемъ индивидуальной личности». Затѣмъ я скажу, что парламентъ постоянно распространяетъ на новыя области закона спросъ и предложенія свое вмешательство, которое послѣдующія поколѣнія находятъ вреднымъ, что онъ увеличиваетъ,—какъ я хотѣлъ доказать,—въ этихъ областяхъ, зло, которое стремится преемъ и вызываетъ другія бѣдствія, какъ вызывалъ

ихъ въ былыя времена въ тѣхъ областяхъ, куда онъ пересталъ теперь вмѣшиваться.

Возвращаясь къ прежней темѣ, я продолжалъ утверждать, что невѣжественные законодатели въ былыя времена постоянно усиливали страданія человечества, стараясь умѣрить ихъ и, обращаясь къ читателю, скажу: умножьте число вышеупомянутыхъ законовъ и число порожденныхъ ими золъ на десять или на еще большее число и вы въ состояніи будете составить себѣ понятіе о законахъ, измышленныхъ безъ знанія социальной науки. Въ докладѣ, прочитанномъ въ Статистическомъ Обществѣ въ маѣ 1873 г., Дженсонъ, вице-президентъ Общества законодательства, констатировалъ тотъ фактъ, что со времени статута Мертонъ (Геирихъ III) до конца 1872 г. было принято 18110 законодательныхъ мѣръ, изъ которыхъ четыре пятыхъ, по его расчету, были отмѣнены совершенно или отчасти. Онъ утверждаетъ также, что число законодательныхъ мѣръ, совершенно или отчасти отмѣненныхъ или измѣненныхъ втеченіи трехъ лѣтъ (1870, 1871, 1872), достигало 3,532 изъ которыхъ 2,759 были совершенно отмѣнены. Чтобы видѣть, продолжались-ли эти отмѣны въ той же пропорціи, я рассмотрѣлъ, для трехъ послѣднихъ сессій, томы, содержащія въ себѣ «общіе публичные статуты», печатавшіеся ежегодно. Оставляя въ сторонѣ многочисленныя измѣненныя парламентскіе акты, я нашелъ, что въ трехъ послѣднихъ сессіяхъ шестею или пятьдесятью актами, принадлежащими къ *настоящему царствованію* ¹⁾ и къ многимъ предшествующимъ царствованіямъ, были совершенно отмѣнены отдѣльно или группами. Число это конечно превышаетъ обычную норму, такъ какъ за послѣднее время *Сводъ законовъ* подвергся сильному очищенію. Но въ концѣ концовъ мы все-таки должны признать, что въ наше время было отмѣнено нѣсколько тысячъ законовъ. Конечно нѣкоторые законы были отмѣнены потому, что они устарѣли; другіе по причинѣ измѣнившихся условій (эта послѣднюю группу нельзя считать особенно многочисленною, если мы вспомнимъ, сколько недавно изданныхъ законодательныхъ актовъ подверглись отмѣнѣ); третьи просто потому, что были нецѣлесообразны и наконецъ нѣсколько законовъ были соединены въ одинъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ законы отмѣнялись потому, что дали вредные результаты. Мы совершенно свободно говоримъ о такихъ измѣненіяхъ, мы съ полнымъ равнодушіемъ толкуемъ объ отмѣненныхъ законахъ, забывая, что эти законы, прежде чѣмъ ихъ отмѣнили, надѣлали много болѣе или менѣе серьезнаго вреда: нѣкоторые вредили въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, другіе въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій и даже вѣковъ. Забудьте ваше смутное понятіе о дурномъ законѣ болѣе опредѣленнымъ понятіемъ; представьте себѣ законъ такъ, какъ причину, вліющую на жизнь народовъ, и вы увидите, что онъ представляетъ собою такое-то количество страданій, такое-то число болѣзней, какую-то цифру смертей. Дурная форма судопроизводства причиняетъ петцамъ убытки, проволоочки и потерю процесса. Что отсюда получается? бесполезная трата денегъ, которые необходимы для жизни, продолжительная и тяжелая тревога, несчастье цѣлой семьи дѣти, которымъ принуждены отказывать въ нищѣ и необходимой ежднѣ, однимъ словомъ всякія невзгоды, ведущія за собой новыя несчастія. Подумайте также о множествѣ людей, которые, не имѣя средствъ или ихъ бросить затѣять процессъ, рѣшаются на обманъ, впадаютъ въ бѣдность и срывать матеріальныя и нравственныя страданія вслѣдствіе шпененнаго или ущерба. Сказать, что законъ былъ просто препятствіемъ, это значитъ сказать, что онъ причинилъ бесполезную потерю времени, непріятности и хлопоты, а для людей

¹⁾ Королевы Викторіи.

и безъ того занятыхъ сверхъ силъ этотъ излишекъ хлопотъ и заботъ ослабляетъ здоровье и прямо или косвенно ведетъ къ всевозможнымъ страданіямъ. Итакъ, убѣдившись въ томъ, что плохое законодательство есть синонимъ ущерба для жизни людей, вы можете судить какую сумму нравственныхъ и физическихъ мученій, смертей представляютъ собой эти тысячи отмененныхъ законовъ! Чтобы еще полнѣе доказать ту истину, что законодатель, не обладающій достаточными знаніями, причиняетъ громадный вредъ, позвольте мнѣ привести слѣдующій специальный фактъ, вызванный въ моей памяти однимъ злободневнымъ вопросомъ.

Я уже упоминалъ о томъ, что попытки измѣнить отношенія между спросомъ и предложеніемъ, отъ которыхъ уже отказались въ нѣкоторыхъ областяхъ экономической жизни, вслѣдствіе причиненныхъ ими бѣдъ, имѣютъ мѣсто теперь въ другихъ отрасляхъ. Эти отношенія считаются нормальными только тамъ, гдѣ противное доказано зломъ, причиненнымъ попытками вмешательства, — такъ мало люди вѣрятъ въ правомѣрность этихъ соотношеній. Повидимому никто и не подозреваетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ея повидимому не существуетъ, естественный ходъ событій былъ нарушенъ искусственными препятствіями. И тѣмъ не менѣе въ томъ случаѣ, о которомъ я говорю (постройка домовъ для бѣдныхъ), стоитъ только задать себѣ вопросъ: какое вліяніе оказываютъ съ давнихъ лѣтъ законы? и мы увидимъ, что страшныя бѣдствія, на которыя все жалуются, причиняются болѣею частью именно ими.

При предшествующемъ поколѣніи поднятъ былъ вопросъ о недостаточности и негигиеничности жилищъ рабочихъ, и я имѣлъ случай заняться этимъ вопросомъ. Вотъ что я писалъ тогда:

«Одинъ архитекторъ, исправляющій также должность инспектора, говоритъ, что строгительный уставъ имѣлъ слѣдующее дѣйствіе: въ тѣхъ кварталахъ Лондона, гдѣ находятся ветхіе дома, построенные тѣмъ непрочнымъ способомъ, который новыи законъ долженъ былъ измѣнить, домовладѣльцы, дома которыхъ были построены до вотированія новаго закона, получаютъ въ среднемъ достаточно выгодную квартальную плату. Эта средняя плата опредѣляетъ цифру, которую можно получить въ кварталахъ за новые дома такого же типа, то есть съ тѣмъ же количествомъ комнатъ, такъ какъ люди, для которыхъ ихъ строятъ не оцениваютъ прочности стѣнъ, укрѣпленныхъ желѣзными брусками. Изъ опыта же видно, что дома, построенные согласно съ нынѣшними постановленіями и отданные въ наймы по установленнымъ цѣнамъ, не приносятъ достаточнаго дохода. Поэтому строители ограничились тѣмъ, что построили дома въ лучшихъ кварталахъ, (гдѣ возможность выгодной конкуренціи съ раньше существовавшими домами показываетъ, что раньше существовавшія строения были достаточно удобны) и перестали строить для бѣдныхъ классовъ, исключая тѣхъ кварталовъ, гдѣ гигиеническія условия не требуютъ немедленныхъ измѣненій. За это время въ указанныхъ выше бѣдныхъ кварталахъ получилое слишкомъ большая скученность населенія, но подюжнѣ семей жили въ одномъ домѣ, по двадцати человекъ въ одной комнатѣ. Явились и другія послѣдствія. Начальное состояніе разрушенія, до котораго допускаютъ эти жилища бѣдныхъ, происходитъ отъ отсутствія конкуренціи съ новыми домами. Домовладѣльцы видятъ, что ихъ жильцамъ не представляется случая оставить ихъ домъ для лучшаго помѣщенія. Ремонтировать, не доставляющій большихъ выгодъ, не производится... Въ сущности наибольшія доли ужасовъ, которые наши санитарные агитаторы стремятся устранить путемъ законовъ, явились по винѣ предшествующихъ агитаторовъ той же школы!» (Social Statics, 1851).

Законодательство причинило не одни только эти бѣдствія. Нижеприв-

веденная цитата показываетъ, что существуютъ и другія. Въ одной статьѣ «Строителя», написанной до отмены налога на черенцу, мы читаемъ: «Предполагаютъ, что четвертая часть расходовъ на жилище, отдающееся внаймы за 2 шиллинга 6 пенсовъ или за 3 шиллинга въ недѣлю, приходится на долю издержекъ по заключенію контракта и налога на лѣсъ и кирпичъ, употребленные для постройки. Понятно, что домовладѣлецъ желаетъ вернуть свои издержки и заставляетъ для этого жильцовъ платить 7 съ половиной или 9 пенсовъ». Г. Гатклиффъ, секретарь общества для улучшенія домовъ рабочихъ, описывая дѣйствіе налога на окна, говоритъ: «Наше общество платитъ теперь въ кварталѣ св. Панкратія 162 ф. ст. 16 шилл. налога на окна т. е. 1 проц. въ годъ на капиталъ. Средняя цифра квартирной платы жильцовъ общества равняется 5 шилл. 6 пенсамъ въ недѣлю, а налогъ на окна поглощаетъ изъ нихъ 7 съ четвертью пенсовъ въ недѣлю» (Times 31 янв. 1850).

И это не единственные примѣры, взятые изъ печати того времени. Times отъ 7 дек. 1850 г. напечаталъ письмо изъ Reform Club'a подписанное «Архитекторомъ», гдѣ мы читаемъ слѣдующее:

«Лордъ Киннэрдъ во вчерашнемъ номерѣ вашемъ рекомендуетъ постройку образцовыхъ жилищъ путемъ соединенія двухъ или трехъ домовъ въ одинъ.

Позвольте мнѣ замѣтить его сіятельству и его другу, лорду Эшли, на котораго онъ ссылается слѣдующее:

Въ 1-хъ, если бы былъ отмѣненъ налогъ на окна,

во 2-хъ: если бы былъ отмѣненъ строительный уставъ (за исключеніемъ параграфовъ, требующихъ, чтобы внутреннія и вѣшнія стѣны были несгораемы);

въ 3-хъ: еслибы пошлины на строевой лѣсъ были уравнены или отмѣнены;

въ 4-хъ: если бы изданъ былъ законъ, облегчающій переходъ собственности

то было бы ровно столько же поводовъ строить образцовыя жилища, сколько есть поводовъ строить образцовыя суда, или образковыя ткацкія мастерскія, или образковыя паровыя машины.

«Первый законъ ограничиваетъ жилище бѣдной семьи семью окнами.

«Второй законъ ограничиваетъ пространство жилища бѣдняка 25 × 18 футами (приблизительно размѣры порядочной столовой), и въ это пространство строитель принужденъ помѣстить лѣстницу, переднюю, общую комнату и кухню (въ томъ числѣ стѣны и перегородки).

Третій (законъ о пошлинахъ) принуждаетъ строителя употреблять для дома бѣдныхъ негодный для постройки лѣсъ, такъ какъ пошлины на хорошей товаръ (изъ Риги) въ пятнадцать разъ выше пошлинъ на плохой товаръ (изъ Канады). Правительство даже выключаетъ послѣдній изъ всѣхъ своихъ контрактовъ.

Четвертый законъ внесъ бы большія перемѣны въ несчастное современное положеніе жилищъ для бѣдныхъ. Малая земельная собственность могла бы тогда переходить такъ же легко, какъ и аренда. Иногда строили дурно только потому, что строили на арендованной землѣ».

Чтобы не впасть въ заблужденіе или преувеличеніе, я совѣтовался съ г. Форрестомъ, предпринимателемъ, имѣющимъ за собой сорокалѣтній опытъ и строящимъ въ большихъ размѣрахъ въ бѣдныхъ кварталахъ. Какъ членъ фабричнаго совѣта и благотворительнаго комитета онъ къ своимъ обширнымъ знаніямъ по части построекъ присоединяетъ еще и большую освѣдомленность въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ. Г. Форрестъ, разсѣившій мнѣ назвать его имя, подтверждаетъ вышеприведенныя мнѣнія.

за исключением одного, которое находить не вполне отвечающим истинѣ. Онъ говоритъ, что «Архитекторъ» смягчаетъ значеніе вреда, называя домъ для бѣдныхъ «домомъ четвертаго разряда», такъ какъ размѣры его гораздо ниже приводимыхъ имъ (можетъ быть сообразно съ болѣе позднимъ изданіемъ строительнаго устава). Г. Форрестъ идетъ далѣе. Указывая на дурное воздѣйствіе сильнаго увеличенія дохода съ капитала (въ 60 лѣтъ доходъ увеличился съ 1 ф. до 8 ф. 10 шил. на домъ четвертаго разряда), онъ говоритъ что вмѣстѣ съ другими причинами, побудило его отказаться отъ плановъ, составленныхъ имъ для жилищъ рабочихъ, постройку которыхъ онъ намѣренъ былъ предпринять. Кромѣ того, соглашаясь съ «Архитекторомъ», что зло это весьма усилено было затрудненіями въ передачѣ земельной собственности, являющейся слѣдствіемъ утвержденной закономъ системы временныхъ завѣщаній и замѣстительства, онъ отмѣчаетъ, развитіе мѣстныхъ податей (онъ называетъ ихъ запретительными налогами) послужившее еще лишнимъ препятствіемъ къ построенію домовъ малаго размѣра. Одинъ изъ его аргументовъ состоитъ въ томъ, что къ своей цѣнѣ каждаго новаго дома слѣдуетъ прибавить еще налоги на содержаніе мостовой и стоковъ, высчитывающихся по длинѣ фасада и лежащихся слѣдовательно тяжелей на низенькіе, нежели на высокіе дома.

Отъ этихъ золъ, протекающихъ отъ законодательства, золъ, которыя были уже достаточно велики при прежнемъ поколѣніи и теперь еще увеличились, перейдемъ къ болѣе недавнимъ бѣдствіямъ, происходящимъ отъ той же причины. Такъ какъ, вслѣдствіе препятствій, воздвигавшихся противъ постройки домовъ четвертаго разряда, а также вслѣдствіе скученности населенія въ существующихъ домахъ, нищета, болѣзни, смертность постоянно возрастали и становились чрезчуръ кричащими, общество обратилось къ правительству за помощью. Оно отвѣтило на этотъ призывъ законами о жилищахъ рабочихъ, давая мѣстнымъ властямъ право сносить постройки, находящіяся въ плохомъ состояніи и заботиться о возведеніи новыхъ, болѣе удобныхъ домовъ. Каковъ же былъ результатъ этой мѣры? Сокращенный отчетъ о дѣятельности столичнаго бюро работъ отъ 21 декабря 1883 г. показываетъ, что до сентября этого года оно, увеличивъ налоги на одинъ милліонъ съ четвертью, изгнало изъ ихъ жилищъ 21 тысячу человекъ и построило домовъ на 12 тысячъ человекъ. О помѣщеніи остальныхъ 9 тысячъ намѣрены позаботиться въ будущемъ, а пока они остаются безъ пристанища. И это еще не все. Одинъ мѣстный представитель правительства—комиссія стоковъ Сити—работая въ томъ же направленіи, законнымъ порядкомъ принужденія, снесла въ кварталахъ Гольденъ-Лэнъ и Петикотъ-Сквэръ массы маленькихъ ветхихъ домовъ, въ которыхъ ютилось 1,734 человека бѣдныхъ. Изъ расчищенныхъ такимъ образомъ участковъ одинъ былъ проданъ, по соображеніямъ общественной пользы для постройки желѣзнодорожной станціи, а другой теперь только, черезъ пять лѣтъ, начинаетъ застраиваться домами для рабочихъ, въ которыхъ вслѣдствіи найдеть убѣжище половина изгнаннаго изъ прежнихъ домовъ населенія. Если мы прибавимъ къ этому 1,734 человека, выселенныхъ столичнымъ бюро, то мы найдемъ, что почти 11 тысячъ человекъ остались безъ крова и принуждены были разбѣститься кое-какъ въ уже обветшалыхъ жилищахъ.

Итакъ, вы видите, что сдѣлали законодатели. Плохой постановкой налога они возвысили цѣну кирпича и строевого лѣса, увеличили стоимость постройки и побудили къ употребленію, въ цѣляхъ экономіи, плохого матеріала въ недостаточномъ количествѣ. Чтобы эти мѣры не вліяли на квартиры, они, какъ въ среднихъ вѣкахъ, установили правила, предписывающія качество производимаго товара, не подумавъ о томъ, что требуя высшаго качества и слѣдовательно увеличивая цѣну, они ограничиваютъ

спросъ и уменьшаютъ предложеніе въ будущемъ. Вводя новыя мѣстные налоги, они создали новыя препятствія къ постройкѣ болѣе удобныхъ жилищъ и желая ослабить скученность въ жилищахъ бѣдныхъ, уменьшили пространство, которое и раньше уже не могло содержать ихъ.

Кого же слѣдуетъ обвинять въ нищетѣ бѣдныхъ? Противъ кого же должны раздаваться горестныя жалобы «изгнанниковъ» Лондона?

Нѣмецкій антропологъ Бастланъ говоритъ намъ, что если житель Гвинеи боленъ и, не оправдывая чудодѣйственной силы идола, не выздоравливаетъ, то его убиваютъ, и вообще въ Гвиней по всей вѣроятности всякій, который имѣлъ бы смѣлость усомниться въ могуществѣ фетиша былъ бы преданъ смерти. Въ тѣ времена, когда правительственная власть поддерживалась такими строгими мѣрами, было столь же опасно непочтительно отзываться о политическомъ фетишѣ. Въ наше время самое большое наказаніе, которому можетъ подвергнуться человѣкъ, сомнѣвающийся во всемогуществѣ этого фетиша,—это получить названіе *реакціонера*. Онъ не можетъ даже надѣяться поколебать установившуюся вѣру при помощи собранныхъ имъ фактовъ, ибо мы каждый день видимъ, что вѣра эта, вопреки всѣмъ доказательствамъ ея несостоятельности—непоколебима. Разсмотримъ небольшое количество этихъ безчисленныхъ доказательствъ, на которыя обыкновенно не обращается никакого вниманія.

«Правительственное бюро похоже на опрокинутый фильтр: вы вводите туда ясные счета, они выходятъ оттуда смѣшанными». Такое сравненіе сдѣлалъ однажды въ моемъ присутствіи покойный сэръ Чарльзъ Фоксъ, отлично изучившій всѣ административныя учрежденія. Если вышеприведенное сравненіе и принадлежитъ ему, то мнѣніе это раздѣляютъ очень многіе. Газетныя разоблаченія и мысли, выраженные въ парламентѣ по поводу этого вопроса, ясно показываютъ всѣ недостатки административной рутины. Ея медлительность, на которую всѣ постоянно жалуются и которая во времена Фокса Моля доходила до того, что «комиссія запаздывала иногда на два года», проявилась недавно еще въ обнародованіи общей переписи 1881 года, болѣе двухъ лѣтъ спустя, послѣ того какъ собраны были свѣдѣнія. Если поищемъ объясненія этихъ проволочекъ, мы найдемъ, что онѣ происходятъ отъ самой невѣроятной путаницы. По поводу переписи главный завѣдующій собраніемъ свѣдѣній говоритъ, что «затрудненія заключаются не только въ большомъ количествѣ различныхъ округовъ, подлежащихъ переписи, но также въ чрезвычайно запутанномъ раздѣленіи ихъ границъ». Дѣйствительно, существуетъ 39.000 административныхъ округовъ двадцати двухъ различныхъ категорій, которые взаимно перекрещиваются другъ съ другомъ: кантоны, приходы, кварталы, судебныя округа, округа административныя, санитарныя, городскіе и сельскіе, епархіи и т. д. И такимъ образомъ, какъ на то указываетъ г. Ратборнъ (въ *Nineteenth Century* 1883), эти безчисленные роды раздѣленій со своими переплетающимися разграниченіями имѣютъ свои отдѣльные составы служащихъ, полномочія которыхъ распространяются взаимно на чужія области управленія. Если кто-нибудь спроситъ: почему парламентъ установилъ новую серію раздѣленій для каждой отрасли управленія? То на это естественнымъ отвѣтомъ является то, что онъ хотѣлъ сохранить послѣдовательность въ методѣ. Эта организованная путаница совершенно соответствуетъ той организованной путаницѣ, которую парламентъ увеличиваетъ ежегодно: къ массѣ старыхъ законодательныхъ мѣръ онъ прибавляетъ известное число новыхъ, противорѣчащихъ своими предписаніями предписаніямъ безчисленныхъ законодательныхъ актовъ, къ которымъ ихъ присоединяютъ. Такимъ образомъ, опредѣлять, что есть въ дѣйствительности законъ, предоставляется частнымъ лицамъ, которые тратятъ все свое состояніе на то, чтобы получить судебное разъ-

явление. Съ другой стороны эта система, состоящая въ покрытіи округовъ другою сѣтью округовъ, совершенно соотвѣтствуетъ методу, по которому читающей законъ 1872 г. объ общественной гигиенѣ и желающей знать, какія налагаются на него обязательства, отсылается къ двадцати съ лишнимъ предыдущимъ законамъ, различныхъ категорій, изданнымъ въ разные времена. Тоже самое мы можемъ сказать и объ административной инерціи. Безпрестанно представляются случаи, показывающіе упорное сопротивленіе бюрократіи прогрессу. Такъ, напримѣръ, когда адмиралтейскому вѣдомству предложено было употребленіе телеграфа, оно отвѣчало: «у насъ есть достаточно хорошая система семафоровъ». Почтовое же вѣдомство, по словамъ сэра Чарльза Сименса, препятствовало пользованію усовершенствованными методами телеграфа, а затѣмъ и телефонными сообщеніями. Аналогичные факты по отношенію къ жилищамъ рабочихъ показываютъ, какъ правительство постоянно одной рукой увеличиваетъ то зло, которое старается уменьшить другой. Такъ, напримѣръ, оно накладываетъ пошлину на страхованіе отъ пожара и устанавливаетъ правила, облегчающія тушеніе огня или предписываетъ такіе способы постройки, которые, по свидѣтельству капитана Шау, увеличиваютъ опасность пожара. Съ другой стороны нелишней административной рутинѣ, которая оказывается непреклонной тамъ, гдѣ этого вовсе не требуется и, наоборотъ, дѣлается ослабленія тамъ, гдѣ бы должна была выказать твердость, бросаются прямо въ глаза. Такъ, напримѣръ, секретная государственная бумага большой важности дѣлается извѣстной всемъ и каждому, благодаря тому, что переписка ей поручается плохо оплаченному писцу, который даже и не состоитъ постоянно на службѣ правительства. Или, напримѣръ, скрываютъ отъ англійскихъ артиллеристовъ высшихъ чиновъ методъ литья Морсомъ и они узнаютъ его отъ русскихъ, которымъ дали ознакомиться съ нимъ; или диаграмма, показывающая разстоянія, на которыхъ англійскіе и иностранные броненосцы могутъ быть пробиты нашими большими пушками, сообщается смѣлымъ attaché какого-нибудь посольства своему правительству и узнается затѣмъ «всеми правительствами Европы», тогда какъ наши собственные офицеры ничего объ этомъ не знаютъ. Точно то же происходитъ и по отношенію къ административному контролю. Вполнѣ доказано, что контроль серебра былъ бесполезенъ, а между тѣмъ онъ вредилъ торговлѣ серебромъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ понизилъ качество, установивъ норму, превышать которую не представляло выгоды. Разсмотримъ также фактъ, относящійся къ масляному рынку въ Корей, куда невыгодно приносить продукты высшаго качества, такъ какъ ихъ превосходство не приноситъ имъ никакой пользы, или вопросъ о копченіи селедки (теперь не обязательномъ). Въ этомъ случаѣ правило поставило безчисленныхъ солильщикова низшаго разряда, достигающихъ какъ разъ до уровня административнаго требованія, на одну доску съ лучшими солильщиками, возвышающимися надъ этимъ уровнемъ, что разумеется отняло у послѣднихъ охоту достигать лучшихъ результатовъ. Но уроки эти ни къ чему не служатъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда недостатки контроля бросаются въ глаза, неуспѣшность его проходитъ незамѣченной. Это доказываетъ страшная катастрофа при провалѣ моста на Тэ, когда потонулъ цѣлый поѣздъ, наполненный пассажирами. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы противъ инженеровъ, подрядчиковъ и т. п., и никто, или почти никто, не говоритъ о служащихъ администраціи, давшихъ мосту официальную санкцію. Точно то же происходитъ и по отношенію къ мѣрамъ предупрежденія противъ эпидемій. Никто не думаетъ, что подъ руководствомъ и вѣдѣствіе предписаній правительственныхъ агентовъ случаются большія бѣдствія; но мы знаемъ, какъ восемьдесятъ семь человекъ—женъ и дѣтей солдатъ

погибли на кораблѣ «Акринтошъ», или какъ тифъ и дифтеритъ разносятся, благодаря правительственной системѣ осушенія почвы, какъ въ Единбургѣ, или какъ предписанныя правительствомъ санитарныя мѣры—всегда плохо принимаемы—увеличиваютъ зло, которое должны пресѣкать.

Множество доказательствъ подобнаго рода не могутъ сокрушить довѣрія, съ которымъ обращаются за помощью къ санитарной инспекціи—теперь къ ней зываютъ еще болѣе, чѣмъ когда-либо—какъ это доказываетъ выраженное недавно въ печати мнѣніе, что все общественныя школы должны бы быть поставлены подъ контроль назначенныхъ правительствомъ врачей. Лучше того: даже тогда, когда правительство вполнѣ очевидно было причиной зла, на которое жалуются, вѣра въ его благотворное вмѣшательство не уменьшается. Мы видимъ это изъ того факта, что послѣ того, какъ правительство, лѣтъ тридцать тому назадъ, дало разрѣшеніе или скорѣе приказало городамъ установить систему канализаціи выливающую воду стоковъ въ рѣки и отравляющую такимъ образомъ водоемы, поднялись жалобы противъ обществъ водопроводовъ за нечистоту послѣднихъ. Эти жалобы продолжались и тогда, когда города были принуждены совершенно преобразовать, при громадныхъ издержкахъ свою канализаціонную систему. И теперь, въ видѣ единственнаго средства помочь бѣдѣ, просить, чтобы правительство взяло все это дѣло въ свое вѣдѣніе. Все злодѣянія правительства становятся такимъ образомъ,—какъ и въ случаѣ съ жилищами рабочихъ,—мотивомъ просить его совершить еще другія злодѣянія.

Дѣйствительно это преклоненіе передъ законодательствомъ въ извѣстномъ отношеніи менѣе извинительно, чѣмъ обожаніе фетиша, съ которымъ я въ душѣ сравниваю его. Дикарь можетъ привести въ свое оправданіе то, что фетишъ не говоритъ, что онъ не признается въ своемъ безсиліи. Но цивилизованный человѣкъ упорно приписываетъ этому, сдѣланному его собственными руками, идолу могущество, въ неимѣніи котораго этотъ идолъ такъ или иначе признается самъ. Я хочу этимъ сказать не только то, что дебаты каждый день отрываютъ намъ законодательныя мѣры, которыя сдѣлали зло вмѣсто добра, ни то, что тысячи законодательныхъ актовъ, отмѣняющихъ предшествовавшіе акты, — ничто иное, какъ подразумеваемыя признанія въ неуспѣхѣ; я не намекаю также на тѣ, почти официальные, признанія, какъ напримѣръ, признаніе, содержащееся въ докладѣхъ комиссіи закона о бѣдныхъ, гдѣ сказано: «съ одной стороны мы едва ли найдемъ одинъ уставъ, касающійся управленія общественной благотворительностью, который выказалъ бы результаты, имѣвшіеся въ виду законодателями; наоборотъ, большинство изъ нихъ было причиной новыхъ золъ и увеличило тѣ, которыя они должны были пресѣчь. Сошлюсь на признаніе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и завѣдующихъ общественными учрежденіями. Напримѣръ, въ одной докладной запискѣ Гладстону, принятой на засѣданіи весьма вліятельныхъ лицъ подъ предѣтельствомъ лорда Литльтона, мы читаемъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, члены палаты лордовъ и палаты общинъ и жители столицы, вполнѣ признавая истину и важность, выказаннаго вами въ палатѣ общинъ въ 1866 г. мнѣнія, относительно плачевнаго состоянія нашихъ законодательныхъ распоряженій, относящихся къ общественнымъ работамъ, согласны съ тѣмъ, что въ нихъ одновременно высказывается и неувѣренность, и перъшительность, и чрезмѣрная расточительность, и медлительность, и всевозможные недостатки и т. д. и т. д.».

Вотъ еще примѣръ, почерпнутый изъ недавней записки торговаго совѣта (1883 г.), гдѣ говорится, что «послѣ учрежденія комитета корабле-ярвеній въ 1836 г. едва ли была одна сессія, въ которой не вотиrowался

бы какой-нибудь законъ, то предложенный палатой, то предложенный правительствомъ, чтобы предупредить кораблекрушенія), и что «многочисленность уставовъ, соединенныхъ въ 1854 г. въ одинъ законъ, снова вызвала недоразумѣнія и сдѣлалась источникомъ упрековъ», такъ какъ каждая мѣра была вотирована вслѣдствіе того, что предыдущія мѣры оказались никуда негодными. За этимъ тотчасъ же слѣдуетъ признаніе, что «съ 1876 г. потери въ людяхъ и корабляхъ стали значительное прежняго». Между тѣмъ расходы по администраціи увеличились съ 17.000 ф. ст. до 73.000 въ годъ.

Нельзя не удивляться тому, какое сильное дѣйствіе нѣкоторыя искусственныя средства, примѣненные извѣстнымъ образомъ, производятъ на воображеніе, вопреки разуму. Вся исторія доказываетъ эту истину, начиная съ татуировки, которой дикарь старается напугать своего противника, до религиозныхъ церемоній, королевскихъ процессій, длинной мантіи председателя суда и палочки пристава, одѣтаго въ мундиръ. Я помню ребенка, который могъ спокойно смѣяться на страшную маску, когда отецъ его держалъ ее въ рукахъ и который начиналъ неистово кричать, если отецъ надѣвалъ маску на свое лицо. Подобная же перемена происходитъ въ чувствахъ избирательнаго корпуса, когда ихъ избранныки изъ мѣстечекъ и графствъ попадаютъ въ парламентъ. Пока они только кандидаты, они подвергаются насмѣшкамъ, пересудамъ, издѣвательству той или другой партіи и во всякомъ случаѣ къ нимъ относится съ крайнимъ пренебреженіемъ; но какъ только они собрались въ Вестминстеръ, тѣ самые, надъ которыми журналисты и ораторы издѣвались, которыхъ они ругали и обвиняли въ невѣжествѣ и безуміи, начинаютъ внушать безграничное довѣріе. Судя по обращаемымъ къ нимъ прошеніямъ, ничто не можетъ быть выше ихъ мудрости и могущества.

На всѣ эти замѣчанія, мнѣ вѣроятно отвѣтитъ такъ: ничего не можетъ быть лучше правительства «коллективной мудрости». Избранныки націи, выдѣляя изъ своей среды небольшое число государственныхъ дѣятелей, примѣняютъ весь свой просвѣщенный современной наукой умъ къ дебатирующимся въ ихъ присутствіи вопросамъ. «Чего же вамъ еще надо».—скажетъ большинство читателей.

Я отвѣчу на это, что та современная наука, послужившая, какъ говорятъ, нашимъ законодателямъ къ тому, чтобы приготовиться хорошо исполнять свои обязанности, есть наука, большая часть которой оказывается для нихъ очевидно бесполезной, и что они заслуживаютъ порицанія, такъ какъ не видятъ, какая наука имъ можетъ пригодиться. Если многие изъ нихъ будутъ отличными филологами, то отъ этого они не будутъ лучшими судьями въ очередныхъ вопросахъ, и иностранная литература, знакомство съ которыми доступно для нихъ, благодаря ихъ филологическимъ познаніямъ, вѣроятно мало помогутъ имъ въ данномъ случаѣ. Политическіе опыты и разсужденія, основанныя на исторіи древнихъ обществъ и на сочиненіяхъ философовъ, утверждающихъ, что война есть нормальное состояніе, что рабство необходимо и справедливо, и что женщины слѣдуетъ держать подъ постоянной опекой, не послужатъ имъ къ тому, чтобы опредѣлить, какое дѣйствіе произведутъ извѣстные законодательные акты на великія націи современнаго типа. Они могутъ размышлять о дѣйствіяхъ всѣхъ великихъ людей, которые, по теоріи Карлейля, даютъ обществу его форму, и могутъ проводить годы за чтеніемъ наполняющихъ историческія сочиненія подробностей о международныхъ столкновеніяхъ, измѣнахъ и договорахъ, интригахъ, но облегчая себѣ этимъ пониманіе причинъ и происхожденія различныхъ общественныхъ формъ и общественныхъ явленій и условій вліянія на нихъ законовъ. Познанія, пріобрѣтен-

ныя на фабрикахъ, на биржѣ и въ залахъ судовъ также далеко не даютъ надлежащей подготовки.

Что дѣйствительно необходимо,—это систематическое изученіе естественной связи между причиной и слѣдствіемъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта связь проявляется среди человѣческихъ существъ, составляющихъ общество. Хотя ясное сознаніе этой связи является однимъ изъ конечныхъ результатовъ умственного развитія,—хотя дикарь не имѣетъ никакого понятія о механической причинѣ,—хотя даже греки думали, что полетомъ какого-нибудь дритика управляютъ боги,—хотя эпидеміямъ почти до нашего времени приписывали сверхъестественное происхожденіе и хотя между социальными явленіями самое сложное изъ всѣхъ: отношеніе между причиной и слѣдствіемъ, по всей вѣроятности еще долго останется неяснымъ,—однако, въ наше время существованіе такого отношенія сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ. Всѣ мыслящіе люди должны бы уже прійти къ заключенію, что прежде, чѣмъ брать на себя обязанность измѣнить это отношеніе, слѣдуетъ тщательно изучить его. Ясные теперь общественные факты, какъ напримѣръ, фактъ, что между числомъ рожденій, смертей, браковъ и цѣной хлѣба существуетъ извѣстная связь;—что въ одномъ и томъ же обществѣ, въ теченіи жизни одного и того же поколѣнія пропорція между числомъ преступленій и цифрой населенія измѣняется въ тѣсныхъ предѣлахъ,—эти факты должны бы наглядно показывать всѣмъ, что человѣческія стремленія, руководимыя соединеннымъ съ ними разумомъ, дѣйствуютъ всегда почти одинаково. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что среди другихъ социальныхъ причинъ, причины, порожденные законодательствомъ, вліяя одинаково и съ нѣкоторой регулярностью, должны измѣнять не только дѣйствія людей, но даже и ихъ натуру—и измѣнять совершенно иначе, чѣмъ это можно было ожидать. Слѣдовало бы признать тотъ фактъ, что въ обществѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, причины порождаютъ много послѣдствій, и слѣдовало бы предвидѣть, что отдаленныя и косвенныя послѣдствія столь же неизбежны, какъ и ближайшія. Я не говорю, что это мнѣніе и эти выводы отрицаются; но убѣжденія бываютъ различной силы; нѣкоторыхъ держатся лишь номинально, другія слабо вліяютъ на нашъ образъ дѣйствій, третьи, наконецъ, имѣютъ на насъ неотразимое вліяніе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и къ сожалѣнію, убѣжденія законодателей касательно сцѣпленія причинъ и слѣдствій въ социальныхъ вопросахъ принадлежатъ къ первой категоріи. Разсмотримъ нѣкоторыя изъ истинъ, которыя признаются всѣми ими, но въ очень ограниченномъ числѣ серьезно принимаются во вниманіе, когда издаются законы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что каждый человѣкъ до извѣстной степени способенъ измѣняться, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Всѣ методы воспитанія, всѣ упражненія, начиная съ упражненій ученаго математика до упражненій профессиональнаго борца, всѣ награды за добродѣтель и наказанія за порокъ, подразумеваетъ мнѣніе, выраженное въ нѣкоторыхъ пословицахъ, гласящихъ, что употребленіе или неупотребленіе какой-нибудь способности, физической или умственной, бываетъ причиной измѣненія ея, то-есть влечетъ за собой ея ослабленіе или усовершенствованіе.

Кромѣ того, всѣмъ извѣстенъ фактъ, что измѣненія въ природѣ, произведенныя тѣмъ или другимъ путемъ, дѣлаются наследственными. Никто не отрицаетъ, что влѣдствіе накопленія незначительныхъ измѣненій въ теченіи жизни нѣсколькихъ поколѣній, сложеніе людей приспособляется къ условіямъ, такъ что климатъ, нездоровый для другихъ расъ, не причиняетъ никакого вреда приспособившейся къ нему расѣ. Никто не отрицаетъ, что народы одного корня, расселившіеся въ различныхъ странахъ и ве-

душе различные одинъ отъ другого образъ жизни, приобретають съ теченіемъ времени различныя способности и направленія. Никто не станетъ отрицать, что при новыхъ условіяхъ образуются новыя національныя характеры даже въ настоящее время. Доказательствомъ тому служатъ американцы. А если никто не отрицаетъ совершающагося повсюду и непрерывно процесса приспособленія, то изъ этого слѣдуетъ очевидно заключить, что измѣненія этого процесса неизбежно сопровождаютъ каждое измѣненіе въ социальныхъ условіяхъ.

Къ тому, что было сказано, можно, наконецъ, прибавить, что всякій законъ, способствующій измѣненію образа дѣйствій людей—налагая на нихъ новыя стѣненія или доставляя имъ новыя облегченія—вліяетъ на нихъ такъ сильно, что природа ихъ съ теченіемъ временемъ приспособляется къ нему. Кромѣ всякаго немедленнаго воздѣйствія, есть еще воздѣйствіе отдаленное, совершенно игнорируемое большинствомъ. преобразование средняго характера, преобразование, которое можетъ быть желательно или нежелательно, но которое, во всякомъ случаѣ, есть самый важный фактъ, и его слѣдуетъ принимать во вниманіе.!

Другія общія истины, надъ которыми гражданинъ, а тѣмъ болѣе законодатель, долженъ бы былъ подумать до тѣхъ поръ, пока не усвоилъ бы ихъ себѣ въ совершенствѣ, открываются намъ тогда, когда мы спрашиваемъ себя, изъ какихъ элементовъ складывается социальная дѣятельность? и когда мы убѣждаемся въ очевидности отвѣта, что она представляетъ собой коллективный результатъ желаній индивидовъ, ищущихъ удовлетворить ихъ каждый самъ за себя и слѣдующихъ обыкновенно по тому пути, который кажется имъ наиболѣе легкимъ по ихъ ранѣ приобретеннымъ привычкамъ и образу мыслей, то есть по линіи меньшаго сопротивленія (истины политической экономіи просто выводъ изъ такого отвѣта). Итъ надобности доказывать, что социальный строй и социальная дѣятельность являются такъ или иначе продуктомъ человѣческихъ эмоцій, направляемыхъ идеями предковъ или людей живущихъ. Исходя изъ этого разсужденія мы вынуждены признать, что объясненіе социальныхъ явленій заключается въ совместномъ дѣйствіи этихъ факторовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такое толкованіе прямо ведетъ къ заключенію, что между коллективными результатами ищущихъ удовлетворенія человѣческихъ желаній, тѣ, которыя вызвали индивидуальныя усилія или добровольную кооперацию, гораздо болѣе способствовали социальному развитію, нежели тѣ, которыя побуждали къ дѣйствію, благодаря вышательству правительства. Если обильныя жатвы покрываютъ теперь поля, на которыхъ росли прежде лишь дикія ягоды, мы обязаны этимъ индивидуальному стремленію удовлетворить потребностей, не ослабѣвавшему въ теченіе жизни многихъ поколѣній. Если удобные дома замѣнили хижины, это совершилось потому, что люди хотѣли увеличить свое благосостояніе; города тоже обязаны своимъ существованіемъ подобнымъ импульсамъ. Торговая организація, теперь столь обширная и сложная, началась въ тѣ времена, когда люди собирались на религиозныя празднества, и создалась всецѣло благодаря стремленію къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей. Правительства же всегда дѣйствовали наперекоръ этому развитію и если и помогали ему чѣмъ либо, то только исполняя отчасти присущія имъ функции и поддерживая общественный порядокъ. Точно то же замѣчается и по отношенію прогресса наукъ и ихъ примѣненія, сдѣлавшаго возможнымъ измѣненіе строя общества и расширеніе общественной дѣятельности. Не правительства обязаны мы массою полезныхъ изобрѣтеній, начиная съ застѣпки и кончая телефономъ; не правительства сдѣлало открытія въ физикѣ, химіи и въ другихъ наукахъ, руководящихъ современными фабрикантами; не правительство выдумало тѣ ма-

пичья, которыя служатъ для фабрикаціи различныхъ предметовъ, для перевозки людей и предметовъ съ мѣста на мѣсто и всѣми возможными способами содѣйствуютъ нашему удобству. Всѣ коммерческія операціи, распространяющіяся на страны всего міра, вся торговля, наполняющая улицы нашихъ городовъ, этотъ мелочной обмѣнъ, благодаря которому мы имѣемъ подъ рукой необходимыя въ повседневной жизни предметы—во всемъ этомъ нѣтъ никакого участія правительства; все это результаты добровольной дѣятельности гражданъ, работавшихъ въ одиночку или группами. Больше того: сами правительства обязаны этимъ добровольнымъ усиліямъ средстами выполнять свои обязанности. Отнимите у политическаго механизма всѣ тѣ пособія, которыя доставляютъ ему науки и искусства; оставьте правительство только съ тѣми ресурсами, которые выдумали чиновники, и дѣятельность его тотчасъ же прекратится. Даже языкъ, служащій ему для изданія своихъ законовъ и для передачи своихъ приказаній своимъ чиновникамъ, есть орудіе, которымъ оно обязано отнюдь не законодателю; языкъ созданъ незамѣтнымъ образомъ въ отношеніяхъ между людьми, преслѣдовавшими свои личныя цѣли.

Другая истина, вытекающая изъ предыдущей, это та, что различныя части соціальной организаціи, создавшейся добровольно, связаны между собой такимъ образомъ, что вы не можете дѣйствовать на одну, не дѣйствуя болѣе или менѣе и на всѣ другія. Это ясно видно, напримѣръ, когда недородъ хлопка парализуетъ сначала фабрикантовъ извѣстныхъ мануфактурныхъ округовъ, затѣмъ вліяетъ на дѣйствія оптовыхъ торговцевъ и на продавцевъ всего государства, также какъ и на потребителей и, наконецъ, затрогиваетъ фабрикантовъ, кузцовъ и потребителей другихъ издѣлій—изъ шерсти, льна и т. д. То же самое наблюдаемъ мы, когда повышение цѣны на уголь вліяетъ на домашнюю жизнь, создаетъ помѣхи въ большинствѣ производствъ, поднимаетъ цѣны фабричныхъ издѣлій, ограничиваетъ потребление этихъ издѣлій и измѣняетъ привычки потребителей. То, что мы ясно видимъ въ приведенныхъ примѣрахъ, имѣетъ мѣсто болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ и въ другихъ случаяхъ. Очевидно, что законодательные акты—одинъ изъ факторовъ, которые, помимо своего непосредственнаго вліянія, даютъ еще самыя нечислительныя и самыя разнобразныя результаты. Одинъ выдающійся профессоръ, труды котораго создали ему большой авторитетъ въ этихъ вопросахъ, высказалъ въ моемъ присутствіи слѣдующую мысль «Разъ вы начали дѣлать измѣненія въ порядкѣ природы, вы не можете сказать каковъ будетъ конечный результатъ. Если это замѣчаніе вѣрно по отношенію порядка въ царствѣ природы, то это тѣмъ болѣе справедливо относительно естественнаго порядка, существующаго въ организаціяхъ, созданныхъ человѣческими существами, соединенными въ общество.

Въ подтвержденіе того вывода, что законодатель долженъ бы внести въ исполненіе своей обязанности ясное сознаніе этихъ очевидныхъ истинъ и другихъ истинъ того же рода касательно человѣческаго общества, составляющаго объектъ его дѣятельности, я позволю себѣ развить болѣе подробнымъ образомъ одну изъ истинъ, о которой я еще не говорилъ.

Чтобы какой бы то ни было высшій видъ могъ размножаться, онъ долженъ сообразоваться съ двумя противоположными принципами. Съ представителями его должно обращаться противоположнымъ образомъ въ дѣтствѣ и въ зрѣломъ возрастѣ. Мы рассмотримъ эти два состоянія.

Одинъ изъ самыхъ общезвѣстныхъ фактовъ—что животныя высшаго типа, сравнительно медленно достигая зрѣлости, могутъ, достигнувъ ея, давать своимъ дѣтенышамъ болѣе заботъ, чѣмъ животныя низшихъ типовъ.

Взрослые кормятъ своихъ дѣтенышей въ теченіе болѣе или менѣе про-

должительнаго періода, въ то время, когда дѣтеныши еще неспособны доставать себѣ средства существованія. Поэтому, вполне очевидно, что поддержаніе вида бываетъ обезпечено только тогда, когда забота родителей сообразована съ нуждами, вызываемыми несовершенствомъ развитія.

Нечего и говорить, что неоперившіеся и слѣпой итенець или шенокъ, даже уже зрячій, погибли бы очень скоро, если-бы были принуждены доставать себѣ тепло и пищу. Самоотверженность родителей должна быть тѣмъ болѣе сильной, что дѣтеныши не приносятъ пользы ни себѣ, ни другимъ, и она можетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ развиваясь, дѣтеныши становятся способными сначала заботиться о самихъ себѣ, а потомъ помогать и другимъ. Изъ этого мы выводимъ заключеніе, что въ ибжномъ возрастѣ благодѣянія должны быть расточаемы въ обратной пропорціи въ силѣ или ловкости того, кто ихъ получаетъ. Ясно, что если-бы въ первой части жизни блага были пропорціональны достоинству, или награды сообразны съ заслугой, то видъ прекратился бы на протяженіи поколѣнія.

Отъ этого *режима* семейной группы перейдемъ къ *режиму* болѣе обширной группы, состоящей изъ взрослыхъ особей вида. Посмотрите, что произойдетъ тогда, когда новый индивидъ, вполне научившись владѣть своими силами и переставъ получать помощь отъ родителей, предоставляется самому себѣ. Съ этой минуты вступаетъ въ дѣйствіе принципъ какъ разъ противоположный тому, который мы только что описали. Въ теченіи всей остальной своей жизни каждый взрослый индивидъ получаетъ блага пропорціонально своему достоинству, награды — соотвѣтственно своимъ заслугамъ: подъ достоинствами и заслугами мы подразумеваемъ въ томъ и въ другомъ случаѣ способность удовлетворить потребностямъ жизни, доставать себѣ кровъ и пищу, и избѣгать враговъ. Въ соревнованіи съ членами своего собственнаго вида, въ борьбѣ съ членами другихъ видовъ индивидъ чахнетъ и умираетъ или же благоденствуетъ и размножается, сообразно съ тѣмъ, хорошо или плохо онъ одаренъ. Очевидно, что обратный *режимъ*, если бы возможно было его поддерживать, сдѣлался бы со временемъ пагубнымъ для вида. Если бы получаемыя каждымъ индивидомъ блага были соразмѣряемы съ его несовершенствомъ, если бы слѣдовательно, размноженіе слабѣйшихъ индивидовъ было поощряемо, а размноженіе сильнѣйшихъ останавливалось, слѣдствиемъ этого явилось бы прогрессирующее вырожденіе, и скорѣе выродившіеся видъ не могъ бы существовать рядомъ съ видомъ, который ведетъ борьбу и съ видомъ, который конкурируетъ съ нимъ.

При этомъ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на тотъ фактъ, что образъ дѣятельности природы внутри семейной группы и вне ея—диаметрально противоположенъ въ томъ и въ другомъ случаѣ и что переищеніе порядка этой дѣятельности будетъ пагубнымъ для вида тотчасъ же или въ будущемъ.

Есть-ли на свѣтѣ человѣкъ, который думалъ бы, что эта истина не примѣнима къ человѣку? Можетъ-ли онъ отрицать, что въ человеческой семьѣ, какъ и во всѣхъ семьяхъ низшихъ животныхъ, соразмѣрность блага съ достоинствомъ должно имѣть пагубныя послѣдствія? Можетъ-ли онъ утверждать, что въ семьѣ, среди взрослыхъ не слѣдуетъ соразмѣрять блага съ заслугами? Можетъ-ли онъ утверждать, что не произойдетъ никакого зла отъ того, что мало одареннымъ субъектамъ дана будетъ возможность благоденствовать и размножаться наравнѣ съ хорошо одаренными или даже болѣе ихъ? Человѣческое общество, находящееся въ борьбѣ или въ соревнованіи съ другими обществами, можетъ быть разсматриваемо, какъ видъ, или скорѣе какъ разновидность, и можно съ увѣренностью сказать, что оно такъ же, какъ и другія общества, или разновидности,

будетъ неспособно устоять въ борьбѣ съ обществами—своими противниками, если будетъ поддерживать свои низшія единицы въ ущербъ высшимъ. Разумѣется, каждый долженъ видѣть, что если бы принципы семейной жизни вполне примѣнялись въ социальной жизни, если бы вознагражденіе всегда было тѣмъ больше, чѣмъ меньше заслуги, то это повело бы къ пагубнымъ для общества послѣдствіямъ. Если-же это такъ, то даже частичное введеніе семейнаго *режима* въ область *режима* правительственнаго должно привести къ аналогичнымъ послѣдствіямъ. Общество, какъ цѣлое, не можетъ, не подвергая себя немедленной или болѣе или менѣе отдаленной гибели, переищать дѣйствіе этихъ двухъ противоположныхъ принциповъ, слѣдованіи которымъ сдѣлало все общества способными достигнуть своего настоящаго образа жизни и удерживаться въ своемъ состояніи.

Я намѣренно употребилъ выраженіе: общество, какъ цѣлое, такъ какъ отноду не намѣреваюсь устранять или осуждать помощь, оказываемую плохо одареннымъ людямъ людьми, лично хорошо одаренными. Правда эта помощь наноситъ вредъ, если распределяется какъ и кому попало, такъ что дурно одаренные люди получаютъ возможность размножаться. Но при отсутствіи помощи со стороны общества, личная благотворительность, къ которой прибѣгали прежде съ сознаніемъ большей ответственности и шире, нежели это дѣлается теперь, практиковалась бы ради оказанія помощи несчастнымъ, достойнымъ участія преимущественно передъ тѣми, которые по существу не достойны помощи. Кромѣ того, изъ этой благотворительности общество извлекало бы все выгоды, которыя вытекаютъ изъ развитія чувства симпатіи. Однако, это не мѣшаетъ намъ утверждать, что необходимо поддерживать радикальное различіе между моралью семьи и моралью государства, и что если великодушіе должно лежать въ основѣ первой, то существеннымъ принципомъ второй должна быть справедливость. Не слѣдуетъ измѣнить нормальныхъ отношеній между гражданами, отношеній, въ силу которыхъ каждый получаетъ въ замѣнъ своего грубаго или некусающаго, физическаго или умственнаго труда вознагражденіе, соответствующее спросу, вознагражденіе, позволяющее ему благоденствовать и воспитывать своихъ дѣтей соразмѣрно съ тѣми качествами, которыя дѣлаютъ жизнь его цѣнной для него и для другихъ.

И однако, не смотря на то, что очевидность этихъ истинъ, дожна бы была паразитъ всѣхъ, кто, оторвавъ палецъ отъ поглощающихъ ихъ вниманіе занятій, оглянулись бы на условія нашей жизни, къ которымъ мы принуждены примѣняться, мы все-таки продолжаемъ требовать отечески распорядкающагося правительства. Смѣшеніе семейной морали съ государственной не только не считается вреднымъ для общества, но по большей части призывается, какъ единственно дѣйствительное средство обезпечить общественное благо. Это заблужденіе достигло теперь такой степени, что извращаетъ убѣжденія даже тѣхъ, кого слѣдовало считать болѣе свободными отъ него, нежели свободны другіе. Въ сочиненіи, которому Cobden-Club присудилъ премію въ 1880 г., говорится, что «истина свободнаго обмѣна затемнена софизмами системы *laissez-faire*», и затѣмъ, что «намъ нужно гораздо болѣе отеческое правительство, какое было пугаломъ въ глазахъ прежнихъ экономистовъ».

Только что изложенная мною истина имѣетъ весьма важное жизненное значеніе, такъ какъ отъ признанія или непризнанія ея мѣняются политическія убѣжденія. Поэтому, я позволю себѣ остановиться на ней, приведу выписки изъ одного сочиненія, имѣющаго значеніе въ 1851 г., и попрошу только читателей, не считать мѣя мнѣніе неразрывно связаннымъ со содержащимися въ немъ теологическими выводами. Представивъ картину «того состоянія всеобщей войны, среди котораго живугъ

всѣ низшія существа», и показавъ, что отъ этого получается нѣкоторая доля добра, я продолжаю:

«Замѣтьте также, что ихъ плотоядные враги истребляютъ въ травоядныхъ стадахъ не только тѣхъ особей, которыя пережили уже періодъ зрѣлости, но также и болѣзненныхъ, дурно сложенныхъ, менѣе сильныхъ и быстрыхъ изъ нихъ. Этотъ отборъ вмѣстѣ съ безчисленными боями, происходящими въ періодъ спариванія, предупреждаетъ вырожденіе расы, которое было бы слѣдствіемъ размноженія низшихъ особей, и обезпечиваетъ сохраненію организмовъ violentъ приспособленныхъ къ окружающей средѣ и слѣдовательно наиболѣе способныхъ обезпечить себѣ благосостояніе.

«Развитіе высшихъ видовъ есть движеніе впередъ къ формѣ существованія, способной дать счастье, свободное отъ этихъ неизбѣжныхъ золъ. Это счастье должно осуществиться въ человѣческой расѣ. Цивилизація есть послѣдняя ступень къ его осуществленію, идеальный человѣкъ есть существо, живущее въ условіяхъ этого счастья. А пока, благополучіе существующаго человѣчества и движеніе къ окончательному совершенству обезпечиваются той благотѣльной, но строгой дисциплиной, которой подчинена вся природа. Эта дисциплина безпощадна, этотъ законъ неумолимъ; они ведутъ къ счастью, но никогда не допускаютъ послабленій, чтобы не причинить частичныхъ и временныхъ страданій. Вѣдливость неспособныхъ, несчастіе неосмотрительныхъ, ничета лѣтителей, уничтоженіе слабыхъ сильными, оставляющее столь многихъ «среди подонковъ нищеты» — таковы результаты безграничной, но цѣлесообразно поступающей доброты.

«Чтобы стать способнымъ къ социальной жизни, человѣкъ долженъ не только отдѣлаться отъ дикости своей природы, онъ долженъ еще приобрести необходимыя для цивилизованной жизни навыки. Онъ долженъ развить въ себѣ умѣнье заниматься, измѣнить свой умъ настолько, чтобы онъ могъ приспособиться къ своимъ новымъ задачамъ, а главное долженъ обладать достаточной энергіей, чтобы отказаться отъ ничтожнаго, немедленнаго наслажденія и за то получить большее наслажденіе въ будущемъ. Переходное состояніе будетъ, разумѣется, тяжелымъ. Нищета есть неизбѣжное слѣдствіе несоотвѣтствія между природою человѣка и вѣчными условіями. Всѣ бѣдствія, постигающія насъ и принимаемая невѣждами за очевидныя послѣдствія той или иной причины, которую возможно устранить, на самомъ дѣлѣ—роковымъ образомъ сопровождаютъ совершающееся приспособленіе. Человѣчество обязано подчиняться неизбѣжнымъ условіямъ своего новаго положенія, оно должно приспособиться къ нему и искупить въ дѣло всѣ свои силы, чтобы перенести истекающее изъ него зло. Процессъ этотъ *долженъ* совершиться, страданія *должны* быть перенесены. Никакая сила въ мірѣ, никакой выдуманный искусными законодателями законъ, никакой проектъ, имѣющій цѣлью исправить условія человѣческой жизни, никакая коммунистическая панацея, никакая реформа, которую когда либо совершили или совершатъ люди,—не могутъ уменьшить этихъ страданій ни на одну іоту. Можно усилить ихъ интенсивность, и ее усиливають, и философъ, стремящійся отвратить это зло, всегда найдетъ достаточно средствъ къ изощренію своего мышленія. Однако перемѣна ведетъ за собой *должную* долю страданій, которыхъ нельзя уменьшить, не измѣняя самихъ законовъ жизни».

«Разумѣется, если суровость этого процесса смягчается непосредственной симпатіей людей другъ къ другу, на это ничего возразить нельзя, хотя эта симпатія несомнѣнно наноситъ вредъ, когда проявляется безъ предварительнаго изученія конечныхъ послѣдствій. Но вытекающія изъ этого неудобства ничто въ сравненіи со сдѣланнымъ добромъ. Только тогда, когда симпатія побуждаетъ къ незаконнымъ поступкамъ, когда она яв-

ляется причиной запрещеннаго закономъ нарушенія общей для всѣхъ свободы, когда она въ частномъ проявленіи жизни и кажетъ отношеніе между законѣрымъ порядкомъ и условіями жизни—только въ такихъ случаяхъ она безусловно производитъ зло. Тогда она сама мѣшаетъ выполнению своихъ плановъ. Она способствуетъ размноженію людей, наименѣе способныхъ къ существованію и слѣдовательно препятствуетъ размноженію людей, наиболѣе способныхъ къ жизни, оставляя менѣе мѣста для послѣднихъ. Она стремится наполнить міръ людьми, которымъ жизнь принесетъ наибольшее количество страданій и закрываетъ доступъ въ нее тѣмъ, кому она можетъ принести наибольшее число радостей. Она создаетъ положительно несчастые и мѣшаетъ положительному счастью». (Social Statics, 1851 г.).

Хотя съ тѣхъ поръ, какъ напечатаны были эти страницы, протекла цѣлая треть столѣтія, я не вижу никакой причины отказаться отъ выраженнаго мною въ то время взгляда. Напротивъ, этотъ періодъ времени принесъ множество доказательствъ, подтверждающихъ приведенное здѣсь мнѣніе. Время показало, что если выживаютъ только способные индивиды, то отъ этого получаются безконечно болѣе счастливые результаты, чѣмъ результаты, описанные нами выше. Дарвинъ доказалъ, что «естественный подборъ», соединенный со стремленіемъ къ видоизмѣненіямъ и къ наследственности видоизмѣненій, есть одна изъ главныхъ, но, какъ я полагаю, не единственная причина той эволюціи, благодаря которой всѣ живыя существа, начиная съ самыхъ низшихъ, достигли своей теперешней организаци и приспособленія къ своему образу жизни. Эта истина сдѣлалась слишкомъ общеизвѣстной, и я долженъ извиниться въ томъ, что привожу ее. И, однако, смѣшно сказать, именно теперь, когда эта истина принята большинствомъ просвѣщенныхъ людей, теперь, когда они прониклись благороднымъ влияніемъ продолжительности жизни наиболѣе способныхъ до такой степени, что, повидимому, не должны бы парализовать ея дѣйствіе, они болѣе, чѣмъ въ какую бы то ни было отдаленную историческую эпоху, напрягаютъ всѣ свои силы для продолженія существованія самыхъ неспособныхъ.

Но постулатъ, согласно которому люди считаются разумными существами, постоянно приводитъ насъ къ чрезвычайно далекимъ отъ истины заключеніямъ.

«Да, въ самомъ дѣлѣ: вашъ принципъ выведенъ изъ жизни животныхъ, а потому это—животный принципъ. Вы не убѣдите меня въ томъ, что люди должны подчиняться тѣмъ правиламъ, которымъ подчиняются животные. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ аргументовъ, взятыхъ изъ естественной исторіи. Моя совѣть внушаетъ мнѣ, что слабымъ и несчастнымъ слѣдуетъ помогать, и что если эгоисты не хотятъ помогать имъ, то ихъ слѣдуетъ принудить къ тому закономъ. Не говорите мнѣ, что млеко человеческой благодати должно быть расточасмо только въ индивидуальныхъ сношеніяхъ, а правительства должны воздавать каждому лишь по самой строгой справедливости. Всякій человѣкъ, одаренный малѣйшей долей симпатіи, долженъ чувствовать, что надо устранить голодъ, страданіе и грязь, и что если частныя учрежденія не достигаютъ цѣли, то вмѣшательство правительства необходимо».

Такое возраженіе сдѣлаютъ мнѣ изъ десяти человѣкъ девять. Нѣкоторые, конечно, говорятъ подъ влияніемъ столь сильной симпатіи, что они не могутъ видѣть человеческое страданіе безъ чувства нетерпѣнія, а потому становятся неспособными думать объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ. Что касается чувствительности другихъ, то къ ней можно отнести съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Люди, которые то въ томъ, то въ другомъ случаѣ

выражаютъ крайнее возмущеніе, когда видятъ, что правительство, ради поддержанія нашихъ, якобы національныхъ, «интересовъ» или нашего національнаго «престижа», не спѣшитъ посылать на край свѣта нѣсколько тысячъ человѣкъ, при чемъ часть изъ этихъ тысячъ, истребляя другія тысячи людей, ради того, что мы подозреваемъ ихъ въ враждебныхъ намъ-реніяхъ или видимъ для себя угрозу въ ихъ учрежденіяхъ или же хотимъ захватить ихъ территорію для нашихъ колонистовъ, такіе люди, говорю я, право же не могутъ быть воодушевлены столь нѣжными чувствами, чтобы видъ страданій бѣдняка былъ для нихъ невыносимъ. Не слѣдуетъ также восхищаться гуманностью тѣхъ людей, что требуютъ политики, разрушающей общества, которыя идутъ по пути прогресса, и взираютъ затѣмъ съ циничнымъ равнодушіемъ на оставленную послѣ разрушенія путаницу, сопровождаемую печальнымъ кортежемъ нищеты и смерти. Тѣ, кто во время войны, когда бури съ успѣхомъ отстаивали свою независимость, здѣлалъ на то, что правительство не хотѣло поддержать британскую «честь», обрелъ на смерть и страданія все большее и большее число нашихъ солдатъ и ихъ противниковъ, не могутъ быть такими «восторженными гуманистами», какими они желали бы показать себя, защищая мнѣнія, подобныя изложеннымъ выше. Въ дѣйствительности эта показная чувствительность, не допускающая людей смотрѣть на страданія, причиняемые «борьбой за жизнь», безшумно происходящей вокругъ нихъ, отлично мирится въ ихъ душѣ съ той безчувственностью, которая не только терпитъ настоящія битвы, но еще и находитъ удовольствіе смотрѣть на нихъ. Объ этомъ удовольствіи говорить намъ успѣхъ продажи иллюстрированныхъ газетъ, содержащихъ сцены избиеній, и жадность, съ которой читаются подробные отчеты о кровавыхъ битвахъ. Намъ не могутъ поставить въ вину недоувѣріе къ искренности людей, которые увѣряютъ, что содрогаются при мысли о страданіяхъ, переносимыхъ главнымъ образомъ людьми лѣнвыми и безпечными, и которые тѣмъ не менѣе раскупили тридцать одно изданіе «пяти рѣшительныхъ сраженій міра» чтобы насладиться разсказами о кровопролитіяхъ. Еще болѣе удивительнымъ представляется контрастъ между кажущейся чувствительностью и дѣйствительной жестокостью тѣхъ, которые желали бы перевернуть естественное теченіе жизни, чтобы облегчить немедленно страданія даже цѣною гораздо большихъ страданій въ будущемъ. При другихъ обстоятельствахъ вы услышите, какъ тѣ же лица, безъ всякой заботы о жизни своихъ ближнихъ будутъ утверждать, что въ интересахъ человечества вообще слѣдуетъ истреблять низшія расы и замѣнять ихъ высшими. Итакъ, къ нашему удивленію, люди не могутъ съ полнымъ спокойствіемъ думать о страданіяхъ, сопровождающихъ борьбу за существованіе, которая ведется безъ насилія среди членовъ одного и того же общества, и могутъ смотрѣть безмятежно на самую страшную форму тѣхъ же страданій, когда они огнемъ и мечемъ причиняются цѣлымъ общинамъ. Поэтому, мнѣ кажется, что такое притворное великодушіе по отношенію къ «меньшимъ братьямъ» внутри страны, не заслуживаетъ большого уваженія, когда люди съ спокойнымъ сердцемъ жертвуютъ своими же «меньшими братьями» внѣ страны.

Но этотъ чрезмѣрный интересъ, проявляемый къ людямъ нашей расы, и полное равнодушіе къ людямъ чужой расы, кажутся намъ еще менѣе достойными уваженія, когда мы видимъ, какъ они проявляются. Если бы этотъ интересъ побуждалъ къ личнымъ усиліямъ, чтобы облегчить участь несчастныхъ, его можно было бы одобрить по справедливости. Если бы большое число людей, щеголяющихъ этимъ дешевымъ состраданіемъ, походило на малое число тѣхъ, которые неустанно, недѣли за недѣлей и годъ за годомъ, посвящаютъ значительную часть своего времени на то, чтобы помогать,

ободрять, а иногда и веселить своихъ ближнихъ, дошедшихъ до нищеты вследствие несчастій, вследствие своей неспособности или дурного поведенія, мы бы, не колеблясь, преклонились передъ ними. Чѣмъ больше будетъ мужчинъ и женщинъ, доставляющимъ бѣднымъ средства помогать себѣ собственными усилиями, выказывающимъ свое участіе къ нимъ лично, а не черезъ уполномоченныхъ лицъ, тѣмъ болѣе мы будемъ радоваться этому. Но большинство лицъ, желающихъ посредствомъ законовъ облегчать участь несчастныхъ и неосторожныхъ, предполагаютъ совершать это дѣло съ весьма малыми издержками для себя, главнымъ же образомъ на счетъ другихъ, иногда спрашивая на то ихъ согласіе, а иногда и вовсе не спрашивая его. Больше того: тѣ, которыхъ хотятъ такимъ образомъ принудить оказывать благодѣянія несчастнымъ, очень часто сами нуждаются въ благодѣяніяхъ. Бѣдные, достойные участія, всегда находятся въ числѣ тѣхъ, которыхъ обременяютъ налогами ради оказанія помощи бѣднымъ, вовсе не стоящимъ никакого участія. Какъ при прежнемъ законѣ о бѣдныхъ прилежнѣй и предусмотрительнѣй труженникъ ради того, чтобы негодяи не страдали, былъ принужденъ платить до тѣхъ поръ, пока онъ не падалъ подъ бременемъ налоговъ и самъ не былъ принужденъ искать пріюта въ рабочемъ домѣ, точно такъ же и теперь мѣстное обложеніе въ большихъ городахъ доходитъ до такой цифры, за которую «перейти нельзя, не подвергая жестокимъ лишеніямъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, которымъ и безъ того трудно оберегать себя отъ позора пауперизма». Точно также во всемъ остальномъ принятая у насъ политика стремится увеличить страданія лицъ наиболѣе заслуживающихъ участія, чтобы помочь тѣмъ, которые не стоятъ ровно никакой жалости. Однимъ словомъ, люди до такой степени сострадательные, что не допускаютъ, чтобы борьба за жизнь налагала на негодныхъ людей страданія, происходящія отъ ихъ негодности или дурного поведенія, въ то же время настолько безчувственны, что увеличиваютъ тяжесть этой борьбы для гражданъ, заслуживающихъ уваженія, и причиняютъ имъ и ихъ дѣтямъ искусственныя бѣдствія, кромѣ естественныхъ, которыя тѣмъ приходится переносить.

Последнее соображеніе снова возвращаетъ насъ къ темъ, указанной въ названіи этой главы, къ грѣхамъ законодателей. Здѣсь нашимъ глазамъ представляется самая обыкновенная изъ ошибокъ, которую дѣлаютъ стоящія у власти лица, ошибка до того обыкновенная и освященная обычаемъ, что никто и не смотритъ на нее, какъ на ошибку. Здѣсь мы видимъ, что правительство, зародившееся, какъ мы уже сказали, на почвѣ стремленій къ захвату, продолжаетъ своей политикой захватовъ выказывать свой прирожденный характеръ, даже тогда, когда оно съ перваго взгляда представляется намъ благодѣтельнымъ по вѣншимъ приемамъ, то есть я хочу сказать, когда оно выказываетъ доброту, идущую рука объ руку съ жестокостью. Развѣ же не жестоко увеличивать страданія лучшей части человечества ради того, чтобы уменьшить бѣдствія худшей его части?

Любопытно видѣть, какъ легко мы поддаемся обману, благодарилъ фразамъ, изображающимъ только вѣншій видъ фактовъ и ничего не говорящимъ о ихъ внутреннемъ значеніи. Поразительнымъ доказательствомъ тому служатъ выраженія «покровительство» (промышленности) и «протекціонизмъ» (покровительственная торговая система), употребляемые противниками свободнаго обмѣна, выраженія, молчаливо допускаемые самими сторонниками такого обмѣна. Что «покровительство» всегда обуславливаетъ собой насилие, и что названіе протекціонистъ должно бы быть замѣнено названіемъ «агрессіонистъ» (насильникъ) — вотъ истина, которую одни обыкновенно игнорируютъ, а другіе до сихъ поръ не умѣютъ раскрыть. А между тѣмъ вполне очевидно, что если для того, чтобы поддержать вы-

годы *A*, мы запрещаемъ *B* покупать у *C* или если мы на *B* налагаемъ штрафъ въ видѣ таможенной пошлины въ томъ случаѣ, когда онъ покупаетъ у *C*, то мы совершаемъ насилие надъ *B*, ради того, чтобы оказать «покровительство» *A*. Больше того: протекционисты вдвойнѣ заслуживаютъ названія «наильниковъ», такъ какъ для того, чтобы доставить выгоды одному производителю, они облагаютъ поборами десять потребителей.

Подобное же смѣшеніе повятій, протексходящее отъ того, что обыкновенно смотрятъ на вопросъ съ одной только стороны, замѣчается во всякомъ законодательствѣ, которое силой отнимаетъ у одного человека его собственность, чтобы надѣлать даровыми благодѣяніями другого. Обыкновенно когда дебатруется одна изъ безчисленныхъ мѣръ этого характера, думаютъ главнымъ образомъ о томъ, что надо защитить несчастнаго Джонса отъ какой-нибудь напасти и нисколько не помышляютъ о вредѣ, наносимомъ этой мѣрой Брауну, который работаетъ изо всѣхъ силъ и очень часто гораздо болѣе достоинъ сожалѣнія. Вымогаютъ деньги у поденницы, которая не можетъ платить налоги иначе, какъ терпя самыя большія лишения, у каменщика, оставшагося безъ работы вследствие стачки, у ремесленника, у котораго всѣ сбереженія поглотила болѣзнь, у вдовы, которая стираетъ и шьетъ съ утра до ночи, чтобы накормить своихъ дѣтей и все это ради того, чтобы лѣтняя не страдала отъ голода, чтобы дѣти менѣе бѣдныхъ сосѣдей получали дешевое обученіе и чтобы разные господа, болѣею частью болѣе зажиточные, могли чуть не задаромъ читать газеты и романы! Употребленіе неправильныхъ выраженій имѣетъ въ данномъ случаѣ болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ тогда, когда называютъ протекционистомъ того, кто долженъ бы называться агрессионистомъ, ибо, какъ мы это видѣли сейчасъ, покровительство порочнымъ бѣднякамъ ведетъ къ насилию надъ добродѣтельными бѣдняками. Правда, что большую долю вымогаемыхъ денегъ платятъ люди не нуждающіеся, но въдѣ это не утѣшеніе для тѣхъ, которые стѣснены въ средствахъ и должны отдавать послѣднее. Больше того, если мы сравнимъ обязательства каждой изъ этихъ категорій, то мы увидимъ, что дѣло обстоитъ еще хуже, чѣмъ кажется на первый взглядъ: дѣйствительно для живущихъ въ довольствѣ уплата налога является потерей ихъ излишка, а для того, кто терпитъ нужду она означаетъ лишеніе необходимаго.

Взгляните теперь, какъ грозить отомстить Немезида за эти постоянныя прегрѣшенія законодателей. Они и ихъ классъ, такъ же какъ и всѣ собственники, подвергаются опасности пострадать отъ радикальнаго примѣненія того общаго принципа, который на практикѣ подтверждается каждымъ изъ этихъ актовъ конфискаціи, вотируемыхъ парламентомъ. Изъ какого же молчаливо подразумеваемаго предположенія исходятъ въ еущности, издавалъ всѣ такіе законы? Изъ того, что на свою собственность, даже на ту, которую онъ приобрѣлъ въ потѣ лица своего, ни одинъ человекъ не имѣетъ права иначе, какъ съ разрѣшенія общины, и что община можетъ лишитъ его этого права въ той мѣрѣ, въ какой она сочтетъ нужнымъ. Невозможно оправдать это отобраніе имущества *A* въ пользу *B* иначе, какъ опираясь на тотъ постулатъ, что общество, какъ цѣлое, имѣетъ абсолютное право на имущество каждаго изъ своихъ членовъ. Въ настоящее время эта доктрина, прежде подразумевавшаяся, провозглашается во всеуслышаніе, такъ какъ Джорджъ и его друзья или Гиндманъ и его послѣдователи довели теорію до ея логическихъ выводовъ. Имъ было доказано примѣрами, число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ, что личность не имѣетъ ни одного права, которымъ община могла бы пренебречь, не совершая несправедливости, и теперь они говорятъ: «Задача бу-

деть трудно, но мы превзойдемъ нашихъ учителей», мы разомъ сумѣемъ растоптать всѣ личныя права.

Различныя злодѣянія законодателей, о которыхъ мы говорили раньше, объяснимы до известной степени и находятъ себѣ нѣкоторое извиненіе, если мы дойдемъ до ихъ источника. Они происходятъ отъ того ошибочнаго мнѣнія, что общество есть продуктъ свободнаго творчества, тогда какъ оно есть продуктъ развитія. Ни воспитаніе прошлыхъ временъ, ни нынѣшнее не научили сколько нибудь значительное число людей выработать себѣ научное понятіе объ обществѣ, представлять его имѣющимъ естественный строй, въ которомъ всѣ учрежденія, правительственныя, религіозныя, промышленныя, торговыя и др. находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга, строй, который есть до известной степени органической. Если же подобное понятіе и существуетъ, то только номинально и не имѣетъ опредѣляемаго образа дѣйствій. Наоборотъ, общество обыкновенно представляють себѣ, какъ известное количество тѣста, которому кухарка можетъ придать какую ей угодно форму: пирога, лепешки или торта. Коммунизмъ самъ вѣроятно вразумительнымъ образомъ показываетъ намъ, что, по его мнѣнію, политическій организмъ можетъ быть пересозданъ такъ или иначе — по желанію, да и многія изъ нашихъ законодательныхъ мѣръ заключаютъ въ себѣ признаніе, что общество людей, которымъ навязали ту или другую организацію, сохранить форму, которую ему хотять дать.

Право, можно было бы думать, что независимо отъ признанія заблужденія того взгляда, будто слѣдуетъ считать общество пластической массой, а не организованнымъ тѣломъ, факты, ежеминутно бросающіеся намъ въ глаза, должны бы были возбудить въ насъ сомнѣнія относительно успешности того или другого метода, которымъ хотять заставить людей измѣнить свой образъ дѣйствій. Домашняя жизнь даетъ гражданину ежедневныя доказательства того, что поведеніе людей обманываетъ всѣ расчеты. Человѣкъ отказывается отъ мысли командовать своей женой и поступаетъ подъ ея команду. Изъ всѣхъ методовъ, испробованныхъ имъ въ воспитаніи его дѣтей, ни выговоры, ни наказанія, ни убѣжденія не приводятъ къ желаемымъ результатамъ, и никакіе уговоры не могутъ заставить ихъ мать не обращаться съ ними такъ, какъ онъ считаетъ вреднымъ для нихъ. Точно то же и съ прислугой; бранить ли онъ или уговариваетъ ее—это рѣдко дѣйствуетъ на долгое время: недостатокъ внимательности, аккуратности, чистоты или трезвости побуждаетъ часто мѣнять прислугу. И однако, несмотря на затрудненія, которыя онъ встрѣчаетъ постоянно въ своихъ сношеніяхъ съ отдѣльными лицами, онъ убѣжденъ въ своемъ умѣньи распоряжаться дѣлами людей, составляющихъ цѣлую націю. Законодатель не знаетъ и тысячной доли гражданъ, не видѣлъ и сотой части ихъ, имѣетъ лишь слабое понятіе о привычкахъ и образѣ мыслей тѣхъ классовъ, къ которымъ принадлежитъ громадная масса, и тѣмъ не менѣе онъ твердо убѣжденъ, что всѣ будутъ дѣйствовать такъ, какъ онъ предполагаетъ и будутъ стремиться къ цѣли, которую онъ намѣтилъ. Развѣ же здѣсь нѣтъ поразительной несогласованности между послылками и выводами.

Эти неудачи домашней жизни, эта полнота, разнообразіе и сложность соціальной жизни, о которыхъ говорить намъ каждая страница газеты и всю грандіозность которыхъ тщетно старается представить намъ наше воображеніе, должны бы были вызвать у каждаго большія колебанія, прежде чѣмъ онъ возьмется издавать законы, а между тѣмъ люди, именно въ этомъ случаѣ, выказываютъ удивительную самонадѣяность. Нигдѣ не существуютъ такого контраста между трудностью задачи и недостаточностью подготовки у тѣхъ, которые за нее берутся. Изъ всѣхъ чудовищныхъ заблужденій самое чудовищное, безъ сомнѣнія, то, что необходимо очень

долго учиться какому нибудь ремеслу, хотя бы напримѣръ ремеслу сапожника, и что единственная вещь, которая не требуетъ никакой выучки— это умѣнье создавать законы для цѣлой націи.

Дѣлая общіе выводы изъ нашего разсужденія, не вправѣ ли мы сказать, что законодатель стоитъ передъ столь хорошо извѣстными тайнами, что онѣ не должны бы быть тайнами для того, кто беретъ на себя громадную и страшную отвѣтственность—сочинять законы для миллионъ и миллионъ людей, законы, которые, если не будутъ способствовать ихъ счастью, увеличатъ ихъ нищету и ускорятъ ихъ смерть?

Прежде всего мы имѣемъ ту неоспоримую, очевидную и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно непризнаваемую истину, что все явленія, которыя мы видимъ въ обществѣ, имѣютъ свои корни въ явленіяхъ индивидуальной жизни людей, а эти явленія вытекаютъ изъ жизненныхъ явленій вообще. Кроме того, мы принуждены сдѣлать тотъ неминуемый выводъ, что, если только отношенія между физическими и умственными явленіями жизни не представляютъ собой совершеннаго хаоса (предположеніе, котораго послѣдовательность жизни не допускаетъ), то вытекающія изъ этихъ отношеній явленія не могутъ быть хаотическими, а слѣдовательно необходимо существуетъ извѣстный порядокъ въ явленіяхъ, вытекающихъ изъ предыдущаго ряда явленій, и тамъ, гдѣ человѣческія существа должны работать надъ общимъ дѣломъ. Очевидно, что если человѣкъ беретъ на себя создавать правила жизни для общества, не изучивъ послѣдовательныя явленія социальнаго порядка въ ихъ послѣдовательной связи, то онъ можетъ быть увѣренъ, что принесетъ вредъ.

Во-вторыхъ, если оставить въ сторонѣ все апіорныя разсужденія, этотъ выводъ долженъ представиться уму законодателя при сравненіи различныхъ обществъ между собой. Всякому должно бы быть ясно, что прежде, чѣмъ заняться подробностями социальнаго организаци, надо задать себѣ вопросъ: имѣетъ ли эта организаци свою естественную исторію. А чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо разсмотрѣть, начиная съ самыхъ простыхъ обществъ, въ какихъ отношеніяхъ различныя формы социальнаго строя схожи между собой? Краткое изученіе сравнительной социологіи показываетъ намъ всюду одинаковыя начала: обычное существованіе начальника и утвержденіе его власти посредствомъ войны, вліяніе, всюду захваченное врачомъ и жрецомъ, наличность культа съ одними и тѣми же основными чертами; слѣды раздѣленія труда, показывающіеся весьма рано и принимающіе мало-по-малу болѣе опредѣленныя черты, и затѣмъ различныя сочетанія политическихъ, церковныхъ, промышленныхъ и др. силъ, появляющіяся по мѣрѣ того, какъ группы соединяются и распадаются въ результатъ войны. Все эти факты, когда мы ихъ сравниваемъ, показываютъ, что помимо ихъ особенныхъ, имъ однимъ свойственныхъ отличій, общества представляютъ собой общія черты сходства въ образѣ возникновенія и развитія. Они представляютъ собой черты структуры, доказывающія, что социальная организаци имѣетъ законы болѣе сильныя, чѣмъ личная воля людей и что, не изучая ихъ, люди рискуютъ сдѣлать много зла.

Наконецъ, въ-третьихъ, существуетъ цѣлая масса поучительныхъ уроковъ содержащихся въ собраніяхъ законовъ всехъ странъ, и съ этими уроками, очевидно, еще болѣе необходимо считаться. Въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, все безчисленныя поштыки, сдѣланныя государственнымъ дѣятелями, не принесли той пользы, которую должны были принести, и причинили бѣдствія, какихъ отъ нихъ вовсе не ожидали. Шель въскъ за эфкомъ и новыя мѣры, подобныя прежнимъ и основанныя на тѣхъ же принципахъ, всегда оказывались несостоятельными и влекли

за собой новыя бѣды. А между тѣмъ ни избиратели, ни тѣ, кого они избираютъ, не думаютъ, что необходимо систематическое изученіе этихъ законовъ, которые въ былыя времена дѣлали народъ несчастнымъ, хотя и имѣли цѣлью составить его счастье. А, вѣдь, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ не можетъ исполнять должность законодателя, если не обладаетъ основательнымъ знаніемъ этихъ опытовъ, завѣщанныхъ намъ прошлымъ.

Итакъ, возвращаясь къ аналогіи, о которой мы говорили вначалѣ, мы должны сказать, что въ нравственномъ отношеніи законодатель является или свободнымъ отъ порицанія или безусловно виновнымъ, смотря по тому, изучилъ ли онъ фактически различные классы общества. Врачъ, который послѣ многихъ лѣтъ ученья, приобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія по физиологіи, паталогіи и терапіи, не можетъ считаться преступникомъ, если человѣкъ умираетъ во время его лѣченія; онъ подготовился къ лѣченію, какъ только могъ и сдѣлалъ то, что могъ. Точно такъ же и законодатель, который своими мѣрами, не смотря на обширныя и систематическія знанія, освѣщающія его сужденіе, наноситъ вредъ вмѣсто того, чтобы приносить пользу, можетъ быть поставлена въ упрекъ только ошибочность его сужденій. Напротивъ, тотъ законодатель, который не знаетъ или плохо знаетъ ту массу фактовъ, которые онъ обязанъ рассмотреть раньше, чѣмъ мнѣніе его о предложенномъ законѣ могло получить какую либо цѣнность, и который тѣмъ не менѣе способствуетъ принятію этого закона, не заслуживаетъ прощанія, если этотъ законъ увеличиваетъ нищету и смертность, точно такъ же, какъ и аптекарскій ученикъ долженъ быть наказанъ, если лѣкарство, прописанное имъ по невѣжеству, дѣлается причиной смерти больного.

IV. Великое политическое суевѣріе.

Великое политическое суевѣріе политики прошедшихъ временъ было божественное право монарховъ. Великое суевѣріе нашего времени—это божественное право парламентовъ. Міропомазанія, повидимому, совершенно незамѣтнымъ образомъ съ единой головы стекло на головы большого числа людей, освящая ихъ самихъ и ихъ декреты.

Можно находить первое изъ этихъ вѣрованій нераціональнымъ; но нельзя не признать, что оно было логичнѣе второго. Если мы вернемся къ тѣмъ временамъ, когда монархъ былъ богомъ, или потомкомъ бога, или посланникомъ бога—то мы вездѣ находимъ основательныя причины для пассивнаго повиновенія его волѣ. Когда, на примѣръ, въ царствованіе Людовика XIV такіе теологи, какъ Боссюэтъ, учили, что короли—боги и нѣкоторымъ образомъ обладаютъ божественной независимостью, или когда люди вѣрили, какъ наши торіи былыхъ временъ, что «монархъ есть посланникъ неба», то очевидно изъ этой предпосылки получалось обязательное заключеніе, что для власти государства не можетъ быть предѣловъ. Но современный принципъ защищать такимъ образомъ нельзя. Законодательный корпусъ, который не можетъ сослаться ни на божественное происхожденіе, ни на божественную миссію, лишень возможности прибѣгнуть къ сверхъестественному авторитету для узаконенія своихъ притязаній на неограниченную власть; съ другой стороны никто никогда не пытался обосновать такія притязанія доказательствами естественнаго порядка вещей. Слѣдовательно, вѣра въ неограниченную власть законодательнаго корпуса не имѣетъ логическаго характера прежней вѣры въ неограниченную власть монарха.

Любопытно видѣть, какъ люди вообще фактически придерживаются

доктринъ, отъ которыхъ они уже отреклись въ принципъ, сохраняя такимъ образомъ сущность послѣ того, какъ оставили форму. Въ теологiи примѣромъ въ этомъ отношенiи служитъ Карлейль: будучи студентомъ, онъ отрекается отъ вѣры предковъ, но въ сущности онъ отбрасываетъ только оболочку и сохраняетъ содержанiе его понятiя о вселенной и о человѣкѣ; все его поведенiе указываетъ на то, что онъ остался однимъ изъ ревностныхъ шотландскихъ кальвинистовъ. Наука также даетъ намъ примѣръ человѣка, который съ натурализмомъ въ геологiи соединилъ вѣру въ сверхъестественное въ биологiи—это сэръ Чарльзъ Дайель. Когда онъ впервые излагаетъ теорiю формаций въ геологiи, онъ не обращаетъ никакого вниманiя на космогонiю Моисея, за то онъ еще долгое время продолжаетъ защищать вѣру въ сотворенiе каждаго отдѣльнаго органическаго типа, вѣру, которая можетъ опираться только на космогонiю Моисея, и лишь въ самый послѣднiй перiодъ своей жизни онъ соглашается съ аргументами Дарвина. Въ политикѣ, какъ это мы видѣли изъ предыдущаго изложениа, мы имѣемъ передъ собою подобную же картину. Молчаливымъ соглашенiемъ признана доктрина неограниченной власти государства: доктрины этой придерживаются и торiи, и веги, и радикалы, но она имѣетъ свое начало въ той эпохѣ, когда законодатели считались посланниками Бога. Она жива еще и по се время, несмотря на то, что вѣра въ божественное посланничество уже исчезла. «О! парламентскiй актъ всеисленъ», отвѣчаютъ гражданинъ, усомнившемуся въ законности какого либо произвольнаго вмѣшательства, и гражданинъ смолкаетъ. Ему и въ голову не приходитъ спросить, какимъ образомъ, когда и гдѣ возникло такое всемогущество, ограничиваемое только материальной невозможностью.

Мы позволимъ себѣ усомниться въ этомъ всемогествѣ. Такъ какъ теперь не ссылаются болѣе на когда то отвѣчавшую требованiямъ логики теорiю, будто царствующiй на землѣ есть представитель того, кто царствуетъ на небѣ и, потому все люди обязаны повиноваться ему во всемъ, то мы спрашиваемъ, на какомъ основанiи мы обязаны во всемъ повиноваться конституционному или республиканскому правительству, не претендующему на небесное происхожденiе своей власти. Этотъ вопросъ, очевидно, заставляетъ насъ подвергнуть критикѣ прошедшiя и настоящiя теорiи, касающiяся политической власти. Можетъ быть, мы должны извиниться, что возвращаемся къ давно рѣшеннымъ вопросамъ, но мы находимъ достаточное извиненiе въ томъ, что общепризнанная теорiя, какъ мы это развивали выше, плохо обоснована или вовсе не имѣетъ никакой основы.

Прежде всего мы беремъ понятiе о верховной власти, и критическiй взглядъ на это понятiе въ такомъ видѣ, въ какомъ оно усвоивается всѣми, кто не признаетъ сверхъестественнаго происхожденiя такой власти, приводитъ насъ къ аргументамъ Гоббса.

Допустимъ справедливость постулата Гоббса: «Когда люди не живутъ подъ одной общей властью, держащей ихъ въ страхѣ, они находятъ въ состоянiи, называемомъ войной... другъ противъ друга». Это не правда, потому что мы знаемъ нецивилизованныя общества, гдѣ безъ «единой общей власти, держащей ихъ въ страхѣ», царствуетъ болѣе глубокiй миръ и большая гармонiя, нежели въ обществахъ, гдѣ эта власть существуетъ. Предположимъ также, что Гоббесъ правъ, когда онъ утверждаетъ, что правительственная власть въ обществахъ основана была первоначально изъ-за стремленiя поддержать въ нихъ порядокъ, хотя въ дѣйствительности эта власть рождается обыкновенно изъ потребности подчиненiя вождю во время наступательной или оборонительной войны и не имѣетъ въ началѣ ни теоретически, ни фактически никакого отношенiя къ поддержанiю порядка въ ассоциаци, созданной индивидами. Еще разъ допустимъ ту невоз-

можную гипотезу, что члены общины, во избѣжаніе бѣдствій, причиняемыхъ постоянно повторяющимися столкновениями, заключаютъ между собой «договоръ или соглашеніе», по которому все они отказываются отъ своей первобытной свободы дѣйствій; допустимъ даже, что ихъ потомки навсегда связаны договоромъ, заключеннымъ ихъ отдаленными предками. Не будемъ, говорю я, возражать на эти данныя, перейдемъ прямо къ тѣмъ заключеніямъ, которыя выводитъ изъ нихъ Гоббсъ. Онъ говоритъ такъ:

«Тамъ, гдѣ не существуетъ никакого договора, не была вручена извѣстная часть общихъ правъ, и каждый человѣкъ имѣетъ право на все; слѣдовательно никакое дѣйствіе не можетъ быть несправедливымъ. Но тамъ, гдѣ есть договоръ, нарушить его *несправедливо и несправедливость* есть ничто иное, какъ *неисполненіе договора*... Поэтому, прежде чѣмъ какому-либо постунокъ можетъ быть дано названіе справедливаго или несправедливаго, необходимо существованіе принудительной власти, которая силой заставляеть всехъ людей одинаково исполнять ихъ договоръ, ради страха передъ наказаніемъ, болѣе ошутительнымъ, чѣмъ та выгода, которую они надѣются извлечь изъ нарушенія договора».

Люди во времена Гоббеа были, можетъ быть, дѣйствительно настолько развращены, чтобы оправдывать его предположеніе, будто ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ бы договора, которымъ онъ связалъ себя, если бы не было принудительной власти и страха передъ наказаніемъ! Въ наши дни можно «примѣнять эпитеты справедливыя и несправедливыя» даже и тогда, когда никакого принудительнаго права не признается.

Между моими друзьями я могъ бы назвать съ полдюжины такихъ, которые, — я въ этомъ убѣжденъ— были бы вѣрны своему обѣщанію и безъ того, чтобы имъ необходимо было угрожать наказаніемъ, и для которыхъ обязательства имѣли бы одинаковую силу, какъ при отсутствіи принудительной власти, такъ и при ея наличности. Однако, не останавливаясь на замѣчаніи, что эта ничѣмъ не доказываемая гипотеза ослабляетъ аргументъ Гоббеа въ пользу государственной власти и признавая одновременно и его предпосылки и его заключенія, мы должны остановить вниманіе чина двухъ важныхъ выводахъ. Одинъ изъ нихъ—тотъ, что власть государства, покоящаяся на такомъ основаніи, есть только средство къ достиженію извѣстной цѣли и закона лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда служить для приближенія къ этой цѣли: если же цѣль не достигается, то и власть, на основаніи допущенной гипотезы не существуетъ. Другое заключеніе—то, что цѣль, ради которой получившая такое значеніе власть существуетъ, состоитъ въ томъ, чтобы возложить на обязанность правосудія поддерживать справедливость въ сношеніяхъ между гражданами. Логически разсуждая, никакое принужденіе по отношенію къ гражданамъ не можетъ быть справедливымъ, если оно не необходимо или для предупрежденія прямыхъ и косвенныхъ покушеній, направленныхъ къ нарушенію договора, или же для организаціи защиты противъ внѣшнихъ враговъ. Здѣсь мы имѣемъ, во всей полнотѣ ихъ функции верховной властью такими, какими онѣ вытекають изъ теоріи Гоббеа.

Гоббсъ строилъ свои доводы въ интересахъ абсолютной монархіи. Его пылкій поклонникъ, Остинъ, поставилъ себѣ цѣлью вывести авторитетъ закона изъ неограниченной верховной власти одного человѣка или большой или меньшей группы людей по отношенію къ цѣлой общинѣ. Остинъ служилъ сначала въ арміи и о немъ справедливо говорили, что военная служба оставила слѣды на его «Province of Jurisprudence». Если мы, не останавливаясь передъ его приводящей въ отчаяніе педантичностью, его безконечными опредѣленіями и безпрестанными повтореніями, служащими къ тому, чтобы замаскировать сущность его доктрины, разсмотримъ,

изъ чего состоитъ эта послѣдняя, то мы ясно увидимъ, что онъ отождествляетъ гражданскую власть съ военной: онъ допускаетъ а priori, что какъ одна, такъ и другая, по отношенію къ происхожденію и распространности сферы вліянія стоитъ внѣ всякаго спора. Чтобы обосновать силу положительнаго закона, онъ возвращаетъ насъ къ абсолютизму власти, которая предписываетъ его: къ монархіи, аристократіи или наиболѣе значительной группѣ избирателей въ демократическомъ государствѣ, и согласно съ этимъ онъ называетъ верховнымъ главой институтъ подобнаго рода, противопологая его остальной общинѣ, которая по неспособности или по какой-либо иной причинѣ, остается въ подчиненіи. Признавъ, или, скорѣе, допустивъ безъ всякаго разсужденія неограниченную власть того простого или сложнаго, широкаго или узкаго коллектива, который онъ называетъ носителемъ верховной власти, ему разумѣется ничего не стоитъ вывести отсюда дѣйствительность декретовъ власти, которые онъ называетъ положительными закономъ. Но онъ только отдалилъ проблему, а не разрѣшилъ ее. Вопросъ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы знать: откуда происходитъ верховная власть? Съ какой стати отдѣльное лицо или меньшинство, или большое число людей получаетъ право на такое неограниченное преобладаніе надъ остальными членами группы? Критическій умъ съ полнымъ основаніемъ могъ бы сказать: «Не трудитесь выводить положительный законъ изъ неограниченной власти; его происхожденіе достаточно очевидно: докажите сначала вашу абсолютную власть».

На этотъ вопросъ вы не получите отвѣта. Разсмотрѣте точку отправления доктрины Остина и вы увидите, что она не болѣе обоснована, чѣмъ доктрина Гоббса. Если мы не допустимъ божественнаго происхожденія или посланничества, никакое правительство съ одной-ли, со многими-ли главами, не можетъ доказать основательности своихъ претензій на абсолютную власть.

«Но позвольте, слышу я со всѣхъ сторонъ, существуетъ неоспоримое право большинства, дающее неоспоримыя права избираемому имъ парламенту».

Здѣсь мы дошли до самой сути вопроса. Божественное право парламентовъ означаетъ божественное право большинства. Основной мыслью и для разсужденія законодателей, и для народа служить убѣжденіе, что большинство имѣетъ неограниченныя права. Такова теорія, принятая всѣми безъ доказательствъ, какъ истина, очевидная сама по себѣ. Умъ не менѣе критика, какъ я думаю, покажетъ, что это общепринятое мнѣніе должно подвергнуться радикальному измѣненію.

Въ статьѣ: «Объ основахъ администраціи желѣзныхъ дорогъ», напечатанной въ «Review of Edinbourg» въ окт. 1854 г., я имѣлъ случай говорить о полномочіяхъ большинства, приводя въ примѣръ образъ дѣйствій акціонерныхъ кампаній и не могу лучше расписать дорогу для полученныхъ мною выводовъ, какъ приводя слѣдующее извлеченіе изъ этой статьи:

«При какихъ бы обстоятельствахъ или для какой бы цѣли ни работала совмѣстно извѣстная группа людей, мы допускаемъ, что если между ними возникнетъ разногласіе, справедливость требуетъ, чтобы исполнилась воля большинства, а не меньшинства, и это правило считается одинаково примѣнимымъ во всѣхъ случаяхъ, какова бы свѣта ни былъ спорный вопросъ. Это убѣжденіе до того укоренилось и въ принципѣ, изъ котораго оно вытекаетъ, до такой степени мало вдумывались, что сомнѣніе въ основательности его удивитъ многихъ. А между тѣмъ краткое разсмотрѣніе вопроса убѣждаетъ насъ въ томъ, что это мнѣніе есть ничто иное, какъ политическій предразсудокъ. Мы легко найдемъ примѣры, доказывающіе доведеніемъ до абсурда, что право большинства есть право чисто условное и

примѣнимое лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Предположимъ, на общемъ собраніи какого-нибудь филантропическаго общества принято рѣшеніе, что ассоціація не только будетъ облегчать участь бѣдныхъ, но будетъ еще кромѣ того, путемъ проповѣдей, бороться съ папизмомъ въ Англіи. Могутъ-ли пожертвованія католиковъ, участвующихъ въ ассоціаціи въ видахъ благотворительности, быть на законномъ основаніи использованы для этой цѣли? Предположимъ далѣе, что въ комитетъ для устройства публичной бібліотеки большинство членовъ, придя къ убѣжденію, что при существующихъ обстоятельствахъ стрѣльба въ цѣль имѣетъ болѣе значенія, нежели чтеніе книгъ, рѣшить измѣнить цѣль ассоціаціи и употребить имѣющіяся въ его распоряженіи суммы на покупку пороха, пуль и мишеней,—должны ли будутъ прочіе члены подчиниться этому рѣшенію? Предположимъ еще, что подъ вліяніемъ полученныхъ изъ Австраліи извѣстій, большинство въ обществѣ свободныхъ арендаторовъ рѣшится не только въ полномъ составѣ отираться эксплуатировать золотые прииски, но и употребить капиталы общества на снаряженіе корабля. Можетъ-ли считаться такой захватъ собственности справедливымъ по отношенію къ меньшинству? и обязано ли меньшинство присоединиться къ экспедиціи? Врядъ-ли кто рискнетъ отвѣтить утвердительно на первый изъ этихъ вопросовъ, а тѣмъ болѣе на другіе. И это понятно, ибо всякій человѣкъ долженъ признать такое положеніе: лицо по одному тому, что оно присоединилось къ другимъ, не можетъ, безъ нарушенія справедливости, быть вовлечено въ дѣйствія, совершенно постороннія той цѣли, которую оно имѣло въ виду, вступая въ ассоціацію. Каждое меньшинство въ вышеупомянутомъ случаѣ могло бы совершенно справедливо отвѣтить тѣмъ, которые хотятъ оказать на него давленіе: «Мы соединились съ вами въ виду определенной цѣли; мы отдали наши деньги и наше время для достиженія этой цѣли; во всѣхъ относящихся къ ней вопросахъ мы согласились сообразоваться съ волей большинства, но по другимъ вопросамъ мы на это не давали согласія. Если вы склоните насъ примкнуть къ вамъ съ определенной цѣлью, а потомъ задумаете преслѣдовать другую цѣль, о которой мы не были предупреждены, то вы добиваетесь нашей поддержкой подъ ложными предлогами; вы нарушаете выраженное или молчаливое соглашеніе между нами, и съ этого момента мы болѣе не связаны вашими рѣшеніями». Вотъ, очевидно, единственно рациональное толкованіе вопроса. Общій принципъ, на которомъ покоится справедливое управленіе дѣлами всякой ассоціаціи, заключается въ томъ, чтобы члены его обязались одни передъ другими, каждый за себя, подчиняться волѣ большинства во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ осуществленію той цѣли, въ виду которой они вступили въ сообщество, но не другихъ какихъ-либо цѣлей. Только въ этихъ предѣлахъ соглашеніе и имѣетъ силу. И дѣйствительно, такъ какъ самый характеръ соглашенія обуславливаетъ, что заключающіе его знаютъ напередъ свои обязательства, и такъ какъ тѣ, кто соединяются съ другими для определенныхъ цѣлей, не могутъ предвидѣть всѣхъ не определенныхъ цѣлей, которыя ассоціація издумалась бы преслѣдовать, то изъ этого и вытекаетъ, что подписываемое соглашеніе не можетъ распространяться на эти, не обозначенныя заранѣе, цѣли. А въ томъ случаѣ, когда подробно определенныхъ соглашеній между ассоціаціей и ея членами относительно этихъ необозначенныхъ цѣлей не существуетъ, то большинство, которое принудило бы меньшинство служить достиженію этихъ цѣлей, сдѣлалось бы виновнымъ въ самой возмутительной тирани.

Понятно, что если такое смѣшеніе понятій относительно правъ большинства существуетъ тамъ, гдѣ контрактъ ассоціаціи само собой ограничиваетъ эту власть, то оно должно быть еще сильнѣе тамъ, гдѣ такого

контракта не было заключено. Темъ не менѣ принципъ остается неизмѣннымъ. Я настаиваю на томъ положеніи, что члены ассоціаціи обязываются лично за себя подчиняться волю большинства во всякъ дѣлахъ, касающихся выполненія цѣлей, ради которыхъ они вступили въ общество, но не въ виду какихъ-либо иныхъ цѣлей. И я утверждаю, что это положеніе примѣнимо къ цѣлой націи такъ же, какъ и къ какому либо частному обществу.

И предвижу еще одно возраженіе: «Такъ какъ не существуетъ никакого контракта, въ силу котораго люди соединились въ націю, какъ это имѣеть мѣсто въ ассоціаціи, такъ какъ цѣль этого соединенія никогда не была и не могла быть опредѣлена, то никакихъ ограниченій не могло быть предусмотрено, и, слѣдовательно, власть большинства неограниченна».

Разумѣется, мы должны признать, что социальный контрактъ, какъ въ формѣ, принятой Гоббсомъ, такъ и въ формѣ измышленной Руссо, совершенно лишень основанія. Болѣе того: мы должны признать, что даже, если бы такой контрактъ и былъ заключенъ, онъ не могъ бы связывать потомковъ тѣхъ, которые его заключили. Кромѣ того, если кто-нибудь скажетъ, что за отсутствіемъ этихъ ограниченій власти, обусловливаемыхъ актомъ ассоціаціи, ничто не мѣшаетъ большинству силой навязывать свою волю меньшинству, то съ этимъ приходится согласиться, прибавивъ, однако, что если большая сила большинства служить ему оправданіемъ, то сила деспота, опирающаяся на достаточно грозную армію, также имѣеть свое оправданіе. Но мы отдаляемся отъ нашей проблемы. Мы ищемъ здѣсь какого-нибудь болѣе серьезнаго оправданія подчиненію меньшинства большинству, нежели безсиліе послѣдняго передъ матеріальнымъ принужденіемъ. Самъ Остинъ, стремясь установить неоспоримый авторитетъ положительнаго закона и утверждая, что этотъ авторитетъ вытекаетъ изъ абсолютнаго монархическаго, аристократическаго, конституціоннаго или народнаго верховенства, принужденъ въ концѣ концовъ допустить моральный предѣлъ для дѣйствій этой верховной власти по отношенію къ общинѣ. Строго держась своей теоріи, онъ настаиваетъ на томъ, что верховное собраніе, вышедшее изъ нѣдръ народа, обладаетъ «законной свободой ограничивать политическую свободу народа по своему произволу»; онъ соглашается, что *позитивная мораль* можетъ помѣшать правительству искажать политическую свободу, которую оно предоставляетъ или которую даруетъ своимъ подданнымъ». Слѣдовательно, надо найти не матеріальное, а моральное оправданіе мнимо законному всемогуществу большинства.

На это мнѣ конечно возразить слѣдующее: «Само собою разумѣется, что за отсутствіемъ всякаго соглашенія и связанныхъ съ нимъ ограниченій, власть большинства ничѣмъ не ограничена, такъ какъ справедливость требуетъ, чтобы исполнялась воля большинства, а не меньшинства». Это возраженіе кажется весьма разумнымъ, пока его не опровергнуть. Мы можемъ отвѣтить однако не менѣ основательнымъ аргументомъ, что за отсутствіемъ соглашенія преобладанія большинства вовсе не существуетъ. Источникомъ правъ и обязанностей большинства и меньшинства является совмѣстная дѣятельность, если же нѣтъ соглашенія для совмѣстной дѣятельности, то нѣтъ ни правъ, ни обязанностей.

Здѣсь аргументація какъ будто останавливается на мертвой точкѣ. При настоящемъ положеніи вещей нельзя ни господству большинства, ни ограниченію этого господства приписать какое либо моральное основаніе. Но съ небольшимъ усиленіемъ мысли, мы можемъ выйти изъ этого затрудненія. Устраививъ мысль о соглашеніи на совмѣстное дѣйствіе, о какомъ было говорено выше, мы спросимъ: какое соглашеніе соединило бы теперь

фактически гражданъ воедино. На это мы получимъ достаточно ясный отвѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточное оправданіе для преобладанія большинства въ известной сферѣ, но не внѣ этой сферы. Отмѣтимъ прежде всего тѣ изъ этихъ ограниченій, которыя испрашиваются тотчасъ же.

Спросите всѣхъ англичанъ, желаютъ ли они согласиться на совмѣстныя дѣйствія, чтобы ввести релігіозное обученіе или дать большинству право устанавливать вѣрованія и форму культа,—большая часть отвѣтитъ авергично: *нѣтъ*. Если бы по поводу предложенія воскресить законы противъ роскоши, учредили анкету относительно согласія подчиниться волѣ большинства при выборѣ покроя и качества матеріала одежды, почти всѣ отвѣтили бы отрицательно. Точно такъ же (возьмемъ вопросъ изъ современной жизни) пусть спросятъ всѣхъ англичанъ — подчинятся ли они рѣшенію большинства по отношенію того, что имъ слѣдуетъ пить, конечно половина и даже болѣе половины скажутъ: *нѣтъ*. Какъ бы ни было широко желаніе вступить въ сотрудничество для того, чтобы выполнить или урегулировать подобныя дѣйствія, это желаніе было бы далеко не единодушнымъ. Поэтому очевидно, что если бы мы сами должны были затѣять социальную кооперацію и ясно опредѣлить свою цѣль, прежде чѣмъ добиться согласія на совмѣстную дѣятельность, нашлось бы не мало такихъ областей человѣческой дѣятельности, въ которыхъ не согласились бы на кооперацію, а слѣдовательно по отношенію къ нимъ не могло бы имѣть мѣсто законное преобладаніе большинства надъ меньшинствомъ.

Перейдемъ теперь къ противоположному вопросу: для какой цѣли всѣ согласились бы дѣйствовать совмѣстно? Никто не станетъ отрицать, что для цѣлей защиты отъ чужеземнаго вторженія согласіе на кооперацію было бы фактически единодушнымъ. За исключеніемъ квакеровъ, которые, принесли въ свое время большую пользу, а теперь начинаютъ исчезать, всѣ соединились бы для оборонительной (но не для наступательной) войны, и всѣ тѣмъ самымъ обязались бы подчиниться волѣ большинства по отношенію къ мѣрамъ, которыя слѣдовало бы принять для достиженія этой цѣли. Столь же фактически это единодушіе проявилось бы и въ соглашеніи на совмѣстныя дѣйствія для защиты отъ внутреннихъ враговъ. За исключеніемъ преступниковъ каждый долженъ желать, чтобы его личность и собственность были защищаемы. Кратко говоря, каждый гражданинъ желаетъ охранять свою жизнь, охранять вещи, которыя нужны ему, чтобы жить и наслаждаться жизнью, и сохранять неприкосновенной свою свободу пользоваться этими вещами и приобретать подобныя вещи. Очевидно, что онъ не можетъ дѣлать этого, если будетъ дѣйствовать изолированно. Противъ чуждаго вторженія онъ безсиленъ, если не соединится съ согражданами, защищать себя противъ покушеній внутреннихъ враговъ, не вступая въ подобный союзъ, было бы и трудно, и опасно, и безплодно. Есть еще одна область совмѣстнаго дѣйствія, въ которой также всѣ заинтересованы: это извлеченіе пользы изъ занимаемой территоріи. Если бы теперь, какъ и въ первобытныя времена, существовалъ общій контроль надъ пользованіемъ землей отдѣльными лицами или группами, то рѣшенія большинства были бы законно преобладающими при опредѣленіи условій, на которыхъ земельные участки служили бы для продовольствія, или средствъ сообщенія или же для другихъ какихъ-либо цѣлей. Даже теперь, когда вопросъ сложился, благодаря развитію частной собственности, государство остается все-таки главнымъ собственникомъ (въ глазахъ закона каждый землевладѣлецъ есть арендаторъ казны), имѣющимъ право взять обратно или экспроприировать, уплачивая соответствующую цѣну. Изъ этого можно заключить, что воля большинства преобладаетъ по отношенію къ способамъ и условіямъ, при которыхъ можно не пользоваться почвою такъ или иначе, а отсюда выте-

каеть основа для соглашеній въ интересахъ публики съ частными лицами или компаніями.

Нѣтъ надобности приводить здѣсь подробности или обсуждать предѣлы, отдѣляющіе различныя категоріи, или говорить, что входитъ въ одну изъ нихъ и что исключается изъ другой. Для поставленной нами цѣли, достаточно будетъ признать ту неоспоримую истину, что существуетъ безчисленное множество такихъ дѣйствій, которыя люди, если бы спросили ихъ мнѣнія, далеко не все согласились бы выполнить, даже если бы такова была воля большинства; и, наоборотъ, есть такія дѣйствія, на выполнение которыхъ все согласилось бы почти единодушно. Эта истина служитъ въ нашихъ глазахъ опредѣленнымъ основаніемъ, чтобы навязывать волю большинства въ извѣстныхъ границахъ, и опредѣленнымъ основаніемъ, чтобы не призывать авторитета этой воли внѣ извѣстныхъ предѣловъ.

При тщательномъ разсмотрѣніи вопроса, послѣдній, очевидно сводится къ слѣдующему: Каковы взаимныя права группы и ея членовъ? Стоятъ ли права общины во всехъ случаяхъ выше правъ индивида? Или обладаетъ ли индивидъ во всехъ случаяхъ правами, стоящими выше правъ общины? Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ все построеніе политическихъ мнѣній, въ особенности тѣхъ, которыя относятся къ области управленія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Я имѣю намѣреніе воскресить замолкнувшія размогласія, надѣясь придти къ иному заключенію, чѣмъ общепринятое.

Въ своемъ сочиненіи: «The State in Relation to Labor» («Объ отношеніяхъ государства къ труду») проф. Джевонсъ говоритъ: «прежде всего мы должны выкинуть изъ головы мысль, что въ сферѣ вопросовъ социальныхъ существуетъ что-либо похожее на отвлеченныя права». Въ своей статьѣ «О литературной собственности» Матью Арнольдъ выражаетъ такое же мнѣніе. Онъ говоритъ: «Авторъ не имѣетъ никакого естественнаго права собственности на свои сочиненія». Слѣдовательно, онъ не имѣетъ никакого естественнаго права на все, что онъ можетъ произвести или пріобрѣсти. Напримѣръ, я не такъ еще давно читалъ въ одномъ весьма распространенномъ еженедѣльникѣ: «Доказывать еще разъ, что не существуетъ ничего подобнаго естественному праву, значило бы непроизводительно тратить свое время и свое знаніе». И мнѣніе, выраженное въ этихъ цитатахъ высказывается обыкновенно государственными дѣятелями и юристами такимъ тономъ, который заставляетъ думать, что не раздѣлять его можетъ только толпа, не привыкшая мыслить.

Можетъ быть, этого не слѣдовало бы заявлять въ такомъ догматическомъ тонѣ, такъ какъ извѣстно, что цѣлая школа юристовъ на континентѣ держится мнѣнія диаметрально противоположнаго мнѣнію англійской школы. Идея естественнаго права (Natur-Recht) составляетъ основной принципъ нѣмецкой юриспруденціи, а какъ бы ни думали о нѣмецкой философіи, нельзя сказать, чтобы она не проникала въ вопросы до самой глубины. Доктрину, принятую націей отличающейся между всеми своимъ пытливымъ умомъ, націей которую, конечно, невозможно причислить къ поверхностнымъ мыслителямъ, нельзя отбрасывать, какъ какое-нибудь народное повѣрье. Но это говоримъ лишь къ слову. Съ предложеніемъ, которое отрицается въ вышеприведенныхъ цитатахъ связано утвержденіе противоположнаго предложенія. Каково же оно, если мы разсмотримъ его поближе и выяснимъ, на чемъ оно основано?

Возвратимся къ Бентаму и мы найдемъ у него яркую формулировку этого контръ-предложенія. Бентамъ говоритъ, что правительство выполняетъ свою роль, «создавая права, которыя оно даруетъ индивидамъ: права безопасности для лицъ, права защиты для ихъ чести, права советва-

ности и т. д.» Если бы эта доктрина выводилась изъ божественнаго права королей, она не содержала бы въ себѣ ничего явно противнаго логикѣ. Если бы она пришла къ намъ изъ древняго Перу, гдѣ Инка считался «источникомъ, изъ котораго истекаетъ все», или изъ Шоа (Абессинія), гдѣ царь есть «неограниченный властитель людей и всѣхъ земныхъ благъ», или изъ Дагомеи, гдѣ «всѣ люди—рабы царя», она была бы логична. Но Бентамъ не только не былъ такимъ абсолютистомъ, какъ Габбсъ, но еще защищалъ народное правительство. Въ своемъ «Конституціонномъ катекезѣ» онъ предоставляетъ верховную власть цѣлому народу и говоритъ: лучше «отдать верховную власть большей части тѣхъ, которыхъ хотить главнымъ образомъ сдѣлать счастливыми», потому что «такое соотношеніе болѣе, чѣмъ всякое другое соотвѣтствуетъ достиженію этой цѣли».

Посмотримъ теперь, что будетъ если мы поставимъ рядомъ эти двѣ доктрины. Верховный властитель—народъ назначаетъ представителей и создаетъ такимъ образомъ правительство, которое въ свою очередь создаетъ права; затѣмъ, создавъ права, оно распредѣляетъ ихъ отдѣльно каждому изъ членовъ державнаго народа, которымъ оно само было создано. Какой удивительный политическій фокусъ! Матью Арнольдъ, утверждая въ выше-названной статьѣ, что «собственность есть созданіе закона», предостерегаетъ насъ отъ «метафизическаго призрака собственности въ самой себѣ». Дѣйствительно, изъ всѣхъ метафизическихъ призраковъ болѣе всего походить на тѣнь тотъ, который предполагаетъ, что вещь получается въ дѣйствіе творческой дѣятельности извѣстнаго лица, создающаго эту вещь и вручающаго ее затѣмъ своему собственному создателю.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на предложеніе Бентама, оно остается непонятнымъ. Правительство, говоритъ онъ, выполняетъ свою обязанность, «создавая права». Слово «создавать» можно понимать двояко: оно можетъ означать: творить что-нибудь изъ ничего, или же давать форму чему-нибудь, что уже существуетъ. Многіе люди думаютъ, что сотвореніе чего-нибудь изъ ничего нельзя представить себѣ возможнымъ даже для всемогущества и я думаю, что никто не будетъ утверждать, будто человѣческое правительство можетъ создать что-нибудь изъ ничего. Другая альтернатива—та, что человѣческое правительство создаетъ лишь во второмъ указанномъ смыслѣ: оно даетъ форму чему-нибудь уже существовавшему раньше. Въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ слѣдующій вопросъ: «Какова эта уже прежде существовавшая вещь, которой оно даетъ форму?» Очевидно, что весь вопросъ сосредоточивается на словѣ «создавать», которое обманываетъ читателя. Бентамъ былъ очень щепетилень по отношенію къ точности выраженій и въ его «Книгѣ объ ошибкахъ» (Booe of Fallaces) есть глава, относящаяся къ «ложнымъ терминамъ». Удивительно послѣ этого, что онъ самъ могъ доставить такой поразительный прамѣръ превратности понятій, получающейся отъ ложнаго термина.

Но оставимъ въ сторонѣ все эти непонятныя предложенія и поищемъ наиболѣе обоснованнаго толкованія мнѣнія Бентама.

Можно сказать, что все полномочія и права существовали первоначально въ состояніи нераздѣльнаго цѣлага у верховнаго властителя—народа и что это нераздѣльное цѣлое отдано, какъ говорилъ Остинъ, изъ руки правительства, назначеннаго верховнымъ властелиномъ—народомъ для того, чтобы оно произвело раздачу или распредѣленіе этихъ полномочій и правъ. Если, какъ мы видѣли, предложеніе, что права создаются, есть только фигуральное выраженіе, то непонятный смыслъ мнѣнія Бентама заключается въ слѣдующемъ: совокупность индивидовъ, которые, какъ отдѣльными личности хотятъ удовлетворить свои желанія и которые, какъ цѣлое, обладаютъ всеми источниками удовлетворенія, а также властью надъ всеми

дѣйствіями индивидовъ, избираеть правительство, и это правительство объявляеть, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ личная дѣятельность можетъ имѣть мѣсто и достигать желаемыхъ результатовъ. Посмотримъ, что подъ этимъ подразумѣвается. Каждый человѣкъ мыслится подъ двумя видами: какъ частный человѣкъ, онъ подчиненъ правительству; какъ членъ общества, онъ членъ державнаго народа, избирающаго правительство. Это значить, что, какъ частный человѣкъ, онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которымъ даютъ права, а какъ членъ общества, онъ одинъ изъ тѣхъ, которые черезъ посредство избраннаго ими правительства, даютъ права. Перейдемъ отъ абстрактнаго къ конкретному и посмотримъ, что означаетъ это опредѣленіе. Предположимъ, что община состоитъ изъ милліона людей, которые, согласно нашей гипотезѣ, являются не только совладѣльцами населенной ими страны, но также и совладѣльцами всѣхъ свободъ дѣйствовать и владѣть, такъ какъ единственное признанное право есть всеобъемлющее право общины. Что изъ этого слѣдуетъ? Каждый индивидъ, не обладая никакимъ продуктомъ собственнаго труда, обладаетъ, какъ единица надѣленной верховной властью общины, одной милліонной частью права собственности на продукты труда всѣхъ остальныхъ. Это есть неизбѣжный выводъ. Такъ какъ, по мнѣнію Бентама, правительство есть только агентъ, то даруемыя имъ права суть права, довѣренныя ему державнымъ народомъ прежде, чѣмъ правительство, во исполненіе своей должности, раздасть ихъ индивидамъ; если же это такъ, то каждый индивидъ обладаетъ одной милліонной частью этихъ правъ въ качествѣ члена общества, тогда какъ онъ, въ качествѣ частнаго человѣка, никакими правами не обладаетъ. Послѣднія онъ пріобрѣтаетъ лишь тогда, когда всѣ прочіе члены милліона соединяются для того, чтобы даровать ему ихъ, тогда какъ онъ самъ соединяется съ ними, чтобы облечь этими правами каждаго изъ прочихъ членовъ милліона.

Такимъ образомъ, какъ бы мы ни толковали предложеніе Бентама, мы постоянно попадаемъ въ цѣлую сѣть нелѣпостей.

Даже не зная противоположнаго мнѣнія нѣмецкихъ юристовъ, даже безъ всякаго анализа, показывающаго, что ихъ мнѣніе не выдерживаетъ критики, послѣдователи Бентама могли бы менѣе легкомысленно относиться къ доктринѣ естественнаго права. Различныя группы социальныхъ явленій съ одинаковой силой доказываютъ обоснованность этого ученія, тогда какъ аргументы, которыми возражаютъ на него, обоснованы очень плохо.

Нѣкоторыя племена въ различныхъ частяхъ свѣта даютъ намъ картину того, какъ до возникновенія опредѣленнаго правительства жизнь регулируется обычаями. Бечуаны повинуются «съ давнихъ поръ существующимъ обычаямъ». Между готтентотами Коранна скорѣе «терпятъ» своего вождя, чѣмъ повинуются ему, и «когда древніе обычай тому не противорѣчаютъ, каждый человѣкъ дѣйствуетъ такъ, какъ ему кажется справедливымъ на его собственный взглядъ». Араукане не руководствуются «ничѣмъ, кромѣ первобытныхъ обычаевъ или молчаливаго соглашенія». У киргизовъ сужденія старѣйшинъ основываются на «всеобщепризнанныхъ обычаяхъ». О даякахъ Брукъ говоритъ, что «обычай повидимому обратился въ законъ, и нарушеніе обычая влечетъ за собой штрафъ». Вообще существующіе съ незапамятныхъ временъ обычай такъ священны для первобытнаго человѣка, что ему и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ ихъ справедливости, и когда устанавливается правительство, то власть его ограничивается ими. На Мадакарѣ слово короля имѣеть силу только въ томъ случаѣ, «когда нѣтъ ни закона, ни обычая, ни прецедента». Рифль говоритъ, что на Явѣ «обычай страны ограничиваютъ волю вождей». На Су-

матрѣ также «вождямъ не позволяють измѣнять древніе обычаи». Иногда даже—какъ напримѣръ у апанти «попытка измѣнить нѣкоторые обычаи» повлекла за собой сверженіе царя съ престола. Между тѣми обычаями, которые существовали до появленія правительства и которымъ это правительство должно подчиняться, мы находимъ обычаи, признающіе нѣкоторыя личныя права, права поступать извѣстнымъ образомъ и владѣть извѣстными предметами. Даже тамъ, гдѣ право собственности менѣе признается, мы находимъ право собственности на оружіе, орудія, личныя украшенія и обычно это право распространяется на многіе другіе предметы. У индѣйцевъ Сѣверной Америки, какъ напримѣръ у племени змѣй, не имѣющихъ правительства, существуетъ частная собственность на лошадей. У чипачевъ, «не имѣющихъ организованнаго правительства» дичь, попадающая въ частныя сѣти, «считается частной собственностью». Подобныя же факты по отношенію къ хижинамъ, орудіямъ и другой личной собственности встрѣчаются у ахтовъ, команчей, эскимосовъ и бразилскихъ индѣйцевъ. Между различными нецивилизованными народами обычаи установилъ право на сборъ продуктовъ, выросшихъ на вновь расчищенномъ участкѣ, но не на самую почву; а тоды, не имѣюще никакой политической организаціи, дѣлають подобное же различіе между собственностью на скотъ и на почву. Кольфъ и многіе другіе говорятъ о миролюбивыхъ арафурахъ, что «они признають право собственности въ самомъ широкомъ значеніи слова, не имѣя у себя иного источника права, кромѣ рѣшеній, постановляемыхъ старшинами, сообразно съ обычаями предковъ». Но даже не ища доказательствъ между не цивилизованными племенами, на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи мы находимъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Бентамъ и его послѣдователи повидимому забыли, что наши законы суть ничто иное, какъ сліяніе воедино «всѣхъ обычаевъ королевства». Эти законы лишь дали окончательную форму тому, что уже существовало до нихъ. Такимъ образомъ фактъ и теорія совершенно противоположны другъ другу. Дѣло въ томъ, что собственность была признана раньше возникновенія закона; теорія же учитъ, что «собственность есть созданіе закона».

Соображенія иного рода заставили бы поколебаться учениковъ Бентама, если бы они только достаточно взвѣсили ихъ значеніе. Если бы правда было, какъ говоритъ Бентамъ, что правительство выполняетъ свою обязанность, «создавалъ права, которыя оно даруетъ индивидамъ», то это значило бы, что не можетъ быть даже приблизительнаго однообразія въ правахъ, даруемыхъ различными правительствами. При отсутствіи основательной причины, управляющей ихъ рѣшеніями, можно было бы держать пари на сто противъ одного, что рѣшенія эти не были бы одинаковыми. И однако — между этими рѣшеніями существуетъ большое сходство. Съ какой бы стороны мы ни взглянули, мы находимъ, что правительства запрещаютъ одинаковыя роды насилія и, соотвѣтственно этому, признають одинаковыя права. Они обыкновенно запрещаютъ человѣкоубійство, воровство, нарушение брачной вѣрности; этимъ они заявляютъ, что граждане могутъ быть защищены отъ извѣстныхъ родовъ насилія. И по мѣрѣ того, какъ общество прогрессируетъ, покровительство распространяется на менѣе важныя личныя права: являються возмѣщенія и вознагражденія за нарушенія контрактовъ, за клевету, за лжесвидѣтельство и т. д. Однимъ словомъ, сравненіе учитъ насъ, что кодексы законовъ, если и становятся различными въ деталяхъ по мѣрѣ своего развитія, всегда согласуются въ своихъ, основныхъ пунктахъ. Что же это доказываетъ? Такое согласованіе не можетъ быть случайнымъ. Если оно существуетъ, то лишь вълѣдствіе того, что, такъ называемое, созданіе правъ заключалось единственно въ санкціонированіи и формулированіи ихъ въ болѣе точномъ опредѣленіи тѣхъ тре-

бованій и тѣхъ положеній права, которыя естественно вытекаютъ изъ индивидуальныхъ желаній людей, живущихъ обществомъ.

Сравнительная социологи бросаетъ свѣтъ на другую группу фактовъ, изъ которыхъ можно сдѣлать готъ же выводъ. вмѣстѣ съ социальнымъ прогрессомъ увеличивается для государства задача не только санкционировать формулируемыя имъ права индивидовъ, но и защищать ихъ отъ всякихъ посягательствъ. Прежде чѣмъ постоянное правительство установится, и во многихъ случаяхъ послѣ того, какъ оно получило значительное развитіе, права каждаго индивида опредѣляются и защищаются имъ самимъ и его семьей. У нынѣшнихъ дикарей такъ же, какъ и у прежнихъ цивилизованныхъ народовъ и даже и теперь въ некультурныхъ странахъ Европы, наказаніе за убійство есть частное дѣло и «священное право требовать кровь за кровь предоставляется извѣстному члену семейной группы». Точно такъ же требуется произвольно каждымъ индивидомъ или его семьей удовлетвореніе за нападенія на собственность и за другого рода обиды. Но по мѣрѣ того, какъ улучшается социальная организація, центральная власть все болѣе и болѣе беретъ на себя обязанность обезпечивать личную безопасность индивидовъ, охрану ихъ имуществъ и до извѣстной степени основательность ихъ требованій, установленныхъ контрактомъ.

Исключительно занятое вначалѣ защитой общества, какъ цѣлаго, противъ другихъ обществъ или организацій своихъ нападеній на другія общества, правительство мало-по-малу принимало на себя обязанность защищать индивидовъ другъ отъ друга. Стоитъ лишь вспомнить то время когда ношеніе оружія было общераспространеннымъ обычаемъ, стоитъ представить себѣ увеличеніе безопасности лицъ и имуществъ, которой мы пользуемся теперь, благодаря улучшенію полиціи, или замѣтить сравнительную легкость, съ которой удается добиться уплаты по небольшимъ долгамъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что государство обезпечиваетъ каждому индивиду свободное преслѣдованіе жизненныхъ цѣлей въ тѣхъ предѣлахъ, которые ставитъ преслѣдованіе подобныхъ же цѣлей другими лицами. Иначе говоря, рука объ руку съ социальнымъ прогрессомъ идетъ также не только болѣе широкое призваніе того, что мы называемъ естественнымъ правомъ, но и болѣе дѣйствительное его обезпеченіе правительствомъ: послѣднее все болѣе и болѣе становится обязаннымъ заботиться объ осуществленіи этихъ первичныхъ условій индивидуальнаго благостоянія.

Въ это же время происходила другая, еще болѣе значительная перемѣна. Въ первыя времена, когда государство не вмѣшивалось въ защиту индивида противъ націи, оно само совершало націи всякаго рода. Древнія общества, усовершенствовавшіяся настолько, чтобы оставить по себѣ воспоминаніе, имѣли все завоевательный характеръ, всюду носили на себѣ печать военнаго режима. Какъ для того, чтобы успѣшно организовать борющуюся армію, солдаты должны пассивно повиноваться и не брать на себя инициативы иначе, какъ съ разрѣшенія своихъ начальниковъ, точно такъ же для того, чтобы успѣшно организовать военное общество, граждане должны подчинять свою личную волю. Частныя права ступаютъ впередъ общественными, и личность теряетъ большую часть своей свободы дѣйствій. Однимъ изъ результатовъ является то, что военная дисциплина овладѣваетъ обществомъ, такъ же какъ и арміей и ведетъ за собой подробную регламентацію поведения. Предписанія начальника, считающагося священнымъ, такъ какъ исходятъ якобы отъ божества, его предка, не встрѣчаютъ никакого ограниченія въ понятіи личной свободы и регулируютъ человѣческія дѣйствія въ мельчайшихъ подробностяхъ: въ

ищѣ, въ способѣ приготовления кушаній, въ стрижкѣ волосѣ и бороды, въ украшеніяхъ одежды, сѣяніи хлѣба и т. д. Этотъ всеобщій надзоръ, встрѣчающійся почти у всѣхъ древнихъ націй Европы, наблюдается также въ обширныхъ размѣрахъ и въ Греціи и былъ развитъ до высочайшей степени въ самомъ воинственномъ изъ греческихъ государствъ—въ Спартѣ. Подобно этому и въ средніе вѣка во всей Европѣ, когда война была хроническимъ состояніемъ со свойственными этому состоянію политическими формами и понятіями, врядъ ли существовалъ какой-либо предѣлъ для правительственнаго вмѣшательства: земледѣліе, промышленность, торговля подчинены были правиламъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ; религія и культъ были предписаны закономъ, и начальники рѣшали, кто имѣлъ право носить мѣха, употреблять серебряную посуду, печатать книги, завести голубятню и т. д. Но съ развитіемъ промышленной дѣятельности и съ замѣной режима правительственнаго принужденія режимомъ договора, съ развитіемъ соответственныхъ чувствъ произошло (до недавней реакціи, сопровождавшей возвращеніе къ военному режиму) уменьшеніе этого вмѣшательства въ индивидуальныя дѣйствія. Законодатель постепенно переставалъ предписывать правила для сбора полевыхъ продуктовъ, устанавливалъ соотношеніе между количествомъ скота и числомъ десятинъ земли, специализировать способы труда и матеріалы, которыми слѣдуетъ пользоваться, назначать плату за трудъ или цѣну съѣстныхъ припасовъ, вмѣшиваться въ манеру одѣваться и въ правила игры (исключая случаевъ мошенничества), назначать наказанія или давать награды, преміи за ввозъ или вывозъ разныхъ продуктовъ обязывать имѣть извѣстныя религіозныя и политическія вѣрованія, пренятствовать гражданамъ соединяться по желанію или путешествовать, гдѣ имъ хочется. Другими словами, по отношенію къ большей части своего образа дѣйствій право гражданина дѣйствовать безконтрольно взяло верхъ надъ стремленіемъ правительства контролировать его. Правительство, все болѣе и болѣе помогало гражданину отстранять всякое вмѣшательство въ ту частную сферу, гдѣ онъ преслѣдуетъ свои жизненныя цѣли, и наконецъ само ушло изъ этой сферы или, иначе говоря, сузило область своего вмѣшательства.

Мы еще не отмѣтили всѣхъ категорій фактовъ, иллюстрирующихъ ту же эволюцію. Улучшенія и реформы законовъ открываютъ ее такъ же, какъ и заявленія ихъ авторовъ. Съ XV вѣка, говоритъ профессор Полаккъ, одинъ судья, рѣшая вопросъ общаго права, заявилъ, что «такъ какъ въ случаяхъ, не предвидѣнныхъ писанными правилами, юриконсулты и канонисты выдумываютъ новое правило, сообразное съ естественнымъ закономъ, который есть основа всѣхъ законовъ, то вестминстерскій судъ можетъ и хочетъ поступать такъ же». Кромѣ того наша *система морали* введенная и развитая ради исполненія пробѣловъ общаго права или ради исправленія несправедливостей, всецѣло основана на признаніи нравъ надвидва, существующихъ даже помимо всякой власти закона. И всѣ измѣненія, испытываемыя отъ времени до времени закономъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны законодателей, совершаются согласно съ общераспространенными понятіями о необходимой справедливости, понятіями, которыя не только не вытекаютъ изъ закона, но бываютъ противоположны ему. Такъ, наиримѣръ, недавно изданный законъ, дающій замужней женщинѣ право собственности на ея личныя пріобрѣтенія, очевидно произошло изъ сознанія, что естественная связь между затраченнымъ трудомъ и пріобрѣтенной выгодой должна быть сохранена во всякомъ случаѣ. Реформированный законъ не создалъ право, но признаніе права создало реформированный законъ.

Такимъ образомъ изъ пяти различныхъ категорій историческихъ до-

казательствъ получается убѣжденіе, что какъ бы народныя понятія о правѣ ни были смутны и по большей части непріемлемы, тѣмъ не менѣе они содержатъ нѣкоторую тѣнь истины.

Мы должны раземотрѣть теперь, откуда произошла эта истина. Я говорилъ выше о той общезвѣстной тайнѣ, что все социальныя явленія, если раземотрѣть ихъ поглубже, приводятъ насъ къ законамъ жизни и что мы не можемъ понять ихъ, если мы не обратимся къ этимъ законамъ жизни. Поэтому, перенесемъ вопросъ о естественныхъ правахъ съ политической почвы въ область науки, а именно науки жизни. Пусть читатель не пугается: для насъ достаточно будетъ самыхъ простыхъ и самыхъ очевидныхъ фактовъ. Мы раземотримъ сначала общія условія индивидуальной жизни, затѣмъ общія условія жизни социальной. Мы найдемъ, что и тѣ, и другія ведутъ къ одному и тому же выводу.

Животная жизнь влечетъ за собой потерю силы; всякая потеря требуетъ возмѣщенія; для возмѣщенія же необходимо питаніе. Питаніе въ свою очередь предполагаетъ пріобрѣтеніе пищи; пища не можетъ быть пріобрѣтена безъ способностей захвата и, обыкновенно, передвиженія; а чтобы эти способности могли развиваться, необходима свобода движенія. Заключите млекопитающее животное въ тѣсное пространство, или свяжите ему члены, или отнимите у него пищу, которую оно добыло себѣ, вы причините ему смерть, если какой либо изъ такихъ экспериментовъ будетъ продолжительнымъ. За извѣстнымъ предѣломъ невозможность удовлетворить своимъ потребностямъ, становится пагубной. То что мы говоримъ о высшихъ животныхъ относится, конечно, и къ человѣку.

Если мы станемъ на сторону пессимистовъ и раздѣлимъ ихъ выводъ, что жизнь есть зло, которому слѣдуетъ положить конецъ, то всякая нравственная основа дѣйствій, поддерживающихъ жизнь, исчезаетъ, и весь вопросъ рушится.

Если же мы примемъ доктрину оптимизма или доктрину прогресса, если мы скажемъ, что въ общемъ жизнь приноситъ больше радостей, чѣмъ страданій или что она находится на пути къ тому, чтобы доставлять больше удовольствій, нежели горя, тогда дѣйствія, поддерживающія жизнь, получаютъ оправданіе и свобода выпадаетъ изъ имѣть свое разумное обоснованіе. Если мы сознаемъ цѣну жизни, то само собой разумѣется, что не слѣдуетъ мѣшать людямъ выполнять дѣйствія, необходимыя для поддержанія жизни. Другими словами: если признается *справедливымъ* не препятствовать этимъ дѣйствіямъ, то слѣдовательно признается и право совершать ихъ. «Понятіе о естественныхъ правахъ» очевидно беретъ свое начало изъ признанія той истины, что если жизнь имѣетъ свое оправданіе, то должны быть оправданія и для дѣйствій, необходимыхъ въ цѣляхъ ея сохраненія, а слѣдовательно и оправданіе свободѣ и праву, обезнечивающихъ возможность этихъ дѣйствій.

По это предложеніе, будучи вѣрнымъ не только по отношенію къ человѣку, но и къ другимъ существамъ, не имѣетъ нравственнаго характера. Последній возникаетъ лишь съ появленіемъ различія между тѣмъ, что *позволено* индивиду дѣлать, развивая дѣятельность, поддерживающую его жизнь и тѣмъ, что ему *не позволено*. Различіе это очевидно рождается только при наличности группы индивидовъ. Если индивиды находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи или даже нѣсколько отдѣлены другъ отъ друга, дѣйствія одного могутъ вліять на другого и если невозможно доказать, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ неограниченную власть дѣлать все, что они хотятъ, тогда какъ другіе этой власти не имѣютъ, то слѣдуетъ допустить естественное ограниченіе. Понятіе права на преслѣдованіе извѣстныхъ цѣлей изъ неэтической формы перейдетъ въ этическую,

когда признано будетъ различіе между такими дѣйствіями, которыя могутъ быть выполнены, но переходя границы нравственности, и такими, которыя не могутъ быть выполнены при этомъ условіи.

Это заключеніе, едѣланное a priori получается также и a posteriori при изученіи дѣйствія нецивилизованныхъ народовъ. Въ наиболѣе неопредѣленной своей формѣ взаимное разграниченіе сферы дѣйствій проявляется во взаимныхъ отношеніяхъ группъ между собой, порождая соотвѣтствующія мысли и чувства. Обыкновенно въ концѣ концовъ устанавливаются извѣстныя границы территорій, на протяженіи которыхъ каждое племя находитъ то, что ему нужно для жизни, и всякій, кто переходитъ за эти границы, получаетъ отпоръ. У племенъ лѣсныхъ веда, не имѣющихъ никакой политической организаціи, маленькіе кланы владѣютъ каждый своимъ участкомъ лѣса и «условія такого раздѣла всегда соблюдаются». Относительно же имѣющихъ правительства племенъ Тасманіи передаютъ, что «ихъ охотничьи участки разграничены и переходящіе за эти границы подвергаются нападеніямъ». Очевидно, что споры между племенами, возникающіе вслѣдствіе вторженія на чужую территорию, въ концѣ концовъ приводятъ къ установленію границъ, въ нѣкоторомъ родѣ къ принудительному соблюденію ихъ. Что вѣрно по отношенію къ территориямъ, то вѣрно и по отношенію къ различнымъ группамъ. Убіеніе въ одной изъ нихъ, приписываемое, справедливо или нѣтъ, одному изъ жителей соедѣнной территоріи, требуетъ осуществленія «священнаго права возмездія», и хотя враждебныя дѣйствія дѣлаются такимъ образомъ хроническими, новыя нападенія предупреждаются. Сходныя же причины обусловили сходныя же слѣдствія на этихъ первыхъ ступеняхъ, когда семья или кланъ, болѣе, чѣмъ индивидъ, составляли политическую единицу и когда каждой семьѣ или клану приходилось защищать себя и свое имущество отъ другихъ подобныхъ группъ. Эти взаимныя ограниченія, которыя одна община предписываетъ другой, въ каждой общинѣ равнымъ образомъ предписываются однимъ индивидомъ другому; понятія же и обычаи, свойственныя группѣ, примѣняются болѣе или менѣе и къ сношеніямъ между лицами. Хотя въ каждой группѣ есть стремленіе со стороны сильнаго напасть на болѣе слабого, однако въ большинствѣ случаевъ сознаніе бѣды, вытекающей изъ агрессивнаго поведенія, обуздываетъ это стремленіе. Всюду у первобытныхъ народовъ на обиды отвѣчаютъ обидами. Терниеръ говоритъ о таннессахъ: «прелюбодѣніе и нѣкоторыя другія преступленія предупреждаются страхомъ передъ *закономъ палки*». «Финрой говоритъ, что если патагонецъ не наноситъ вреда или обиды своему сосѣду, на него никто не нападетъ — и что каждый метитъ лично тому, кто его обидѣлъ. Относительно наунесовъ мы читаемъ, что «они выработали себѣ очень мало законовъ; но то, что у нихъ есть въ этомъ отношеніи, представляетъ въ чистомъ видѣ законъ возмездія: око за око, зубъ за зубъ». Очевидно, что такъ называемый, *lex talionis* стремится установить различіе между тѣмъ, что каждый членъ общины можетъ безопасно дѣлать и чего не можетъ, и затѣмъ уже мѣры принужденія до извѣстнаго предѣла, но не далѣе. «Хотя, говоритъ Скуалькрафтъ о чинаволахъ, у нихъ и нѣтъ правильно организованнаго правительства, такъ какъ каждый человекъ является господиномъ въ собственной семьѣ, они болѣе или менѣе испытываютъ на себѣ вліяніе извѣстныхъ принциповъ, способствующихъ общему благу» и между этими принципами называетъ признаніе частной собственности.

Какимъ образомъ взаимное ограниченіе сферы дѣятельности создастъ понятія и чувства, подразумевающіяся подъ терминомъ «естественныя права», мы видимъ очень ясно на примѣрѣ нѣсколькихъ мирныхъ племенъ, имѣющихъ правительства лишь по имени или не имѣющихъ никакого

правительства. Кроме фактов, свидетельствующих о томъ, что тоды, санталы, лепхасы, бодосы, чакмаы, такуны, арафуры и т. д. до шепетливости уважаютъ права другъ друга, мы видимъ, что вполне дикое племя дьеныхъ веддовъ, не имѣющее никакой социальной организаціи, «считаетъ совершенно непонятнымъ, чтобы кто-нибудь могъ взять то, что ему не принадлежит, ударить товарища или сказать какую-нибудь ложь». Такимъ образомъ, становится яснымъ и изъ анализа причинъ, и изъ наблюденія фактовъ, что въ то время, какъ положительный элементъ права выполнять дѣйствія, способствующія поддержанію жизни, зарождается въ законахъ жизни, отрицательный элементъ, дающій праву его этический характеръ проиходитъ отъ условій, создаваемыхъ социальнымъ сплоченіемъ.

И дѣйствительно, мнѣніе, приписывающее правительству, «созданіе правъ настолько далеко отъ истины, что мы можемъ утверждать обратное: права, болѣе или менѣе ясно установленныя раньше появленія правительства, становятся менѣе очевидными по мѣрѣ того, какъ правительство развивается, параллельно съ той практикой насилія, которая, посредствомъ подчиненія рабовъ и установленія іерархіи, создаетъ государство; а признаніе правъ, въ свою очередь, приобретаетъ опредѣленность лишь тогда, когда военный режимъ перестаетъ быть постояннымъ, и власть правительства падаетъ.

Если мы отъ жизни индивидовъ перейдемъ къ жизни обществъ, то передъ нами встанетъ та же картина.

Хотя простой инстинктъ общительности уже побуждаетъ первобытныхъ людей соединяться въ группы, но еще болѣе влечетъ ихъ къ тому опыту возможной выгоды совместнаго дѣйствія. Подъ какимъ условіемъ можетъ возникнуть это совместное дѣйствіе? Очевидно подъ единственнымъ условіемъ, чтобы тѣ, которые соединяютъ свои усилія, получали отъ этого пользу лично для себя. Если, какъ въ наиболѣе простыхъ случаяхъ, они соединяются для того, чтобы совершить нѣчто, что каждый изъ нихъ отдѣльно не можетъ исполнить или исполнить бы менѣе легко, они должны приступить къ сотрудничеству, подразумѣвая при этомъ слѣдующее: или что они раздѣлятъ между собой выгоду (напримѣръ, если нѣкоторые изъ нихъ добудутъ дичь), или же, если одинъ соберетъ всю выгоду (напримѣръ, если они построятъ хижины или расчистятъ участки земли для посѣва), то другіе въ свою очередь получатъ каждый равносправную выгоду. Когда же они, вмѣсто того, чтобы соединить свои усилія, для выполнения одного дѣла, заняты исполненіемъ нѣсколькихъ различныхъ дѣлъ, тогда возникаетъ раздѣленіе труда съ обязательнымъ обменомъ продуктовъ, соглашеніе подразумѣваетъ, что каждый замѣнитъ продуктъ, который онъ имѣетъ въ чрезмѣрномъ количествѣ, получить приблизительно эквивалентъ того, чего ему не достаетъ. Если онъ одной рукой даетъ, а другой ничего не получаетъ, онъ не отвѣтитъ на будущія предложенія обмена и люди вернуться къ тому абсолютно первобытному состоянію, когда каждый все дѣлалъ для себя самъ. Итакъ, возможность коопераціи зависитъ отъ выполнения договора, молчаливо подразумѣваемого или ясно выраженного.

Такимъ образомъ, эти факты, которые неизбежно имѣютъ мѣсто, начиная съ первыхъ шаговъ къ той промышленной организаціи, при помощи которой поддерживается жизнь общества, должны конечно повторяться болѣе или менѣе тождественнымъ образомъ во время всего ея развитія. Хотя въ обществѣ, организованномъ по военному типу, съ его системой правительственного принужденія, обусловливаемого постоянной войной, отношения, основывающіяся на договорѣ, выступаютъ менѣе ярко, однако они все-таки существуютъ. Они сохраняются еще между людьми свобод-

ными и между начальниками тѣхъ маленькихъ группъ, которыя составляютъ ослабленныя единицы первыхъ обществъ, и до известной степени сохраняются и въ самихъ этихъ группахъ, такъ какъ ихъ существованіе въ качествѣ группъ обусловливается тѣмъ, чтобы за ихъ членами, даже если бы они были рабами, признавалось право получать, взаменъ ихъ труда, все необходимое въ смыслѣ одежды, пищи и покровительства. И когда добровольная кооперация все болѣе и болѣе замѣняетъ кооперацию принудительную, послѣ того какъ войны становятся все менѣе и менѣе частыми, и торговля развивается, когда социальная жизнь, основанная на обменахъ по соглашенію, прекратившаяся на нѣкоторое время, постепенно восстанавливается — тогда дѣлаются возможными распространеніе и усовершенствованіе промышленной организаци, при помощи которой держится большое общество.

Чѣмъ договоры свободнѣе и чѣмъ вѣрнѣе ихъ выполненіе, тѣмъ замѣнѣе прогрессъ и дѣятельнѣе социальная жизнь. Теперь пагубныя послѣдствія нарушенія договора ощущаются уже не однимъ только заключившимъ его. Въ развитомъ обществѣ эти послѣдствія отзываются на нѣмыхъ категоріяхъ производителей и продавцовъ, категоріяхъ, образовавшихся, благодаря раздѣленію труда; случается также, что они отзываются и на всей публикѣ. Спросите, при какихъ условіяхъ Бирмингамъ можетъ посвящать себя выдѣлкѣ черепаховыхъ издѣлій или часть Страфордшира — гончарнымъ издѣліямъ, или весь Ланкаширъ бумажно-ткацкому производству. Спросите, какимъ образомъ сельское населеніе находитъ возможнымъ выполнять свою специальную задачу: гуть сѣять пшеницу, а тамъ пасти скотъ. Всѣ эти отдѣльныя группы не могли бы дѣйствовать такимъ образомъ, если бы каждая не получала отъ другихъ, въ обменъ за свой излишекъ производства, соотвѣтствующую часть излишка ихъ производствъ. И онѣ совершаютъ этотъ обоюдный обменъ уже не прямымъ, а косвеннымъ образомъ, черезъ посредство денегъ, и если мы станемъ доискиваться, какимъ образомъ группа производителей достаетъ нужную для нея сумму денегъ, то мы получимъ въ отвѣтъ: путемъ выполненія договора. Если Лидъ, вырабатывающій шерстяныя матеріи, не получитъ, благодаря соблюденію договора, средствъ достать себѣ въ земледѣльческихъ районахъ необходимое количество пищи, ему придется умирать съ голоду и прекратить производство шерстяныхъ тканей. Если Уэльсъ, занятый литьемъ чугуна, не получитъ условленнаго эквивалента, дающаго ему возможность пріобрѣтать ткани для одежды, его производство должно остановиться. И эта картина наблюдается всюду, какъ въ общемъ, такъ и въ частныхъ случаяхъ. Эта взаимная зависимость отдѣльныхъ частей, которую мы констатируемъ въ организаци и общества, и индивида, возможна только при томъ условіи, чтобы каждая часть выполняла свою особенную, привычную для нея дѣятельность, получая свою соотвѣтствующую часть веществъ, необходимыхъ, чтобы всѣ другія части соединились для производства въ установленныхъ по соглашенію размѣрахъ. Кромѣ того, выполненіемъ договора устанавливается равновѣсіе между производствомъ и нуждами, вслѣдствіе чего выдѣлываютъ много ножей и мало ланцетовъ, сѣютъ много пшеницы и мало горчичнаго сѣмени. Избытокъ производства каждаго товара предупреждается тѣмъ, что болѣе известнаго количества его никому не удастся сбыть, не нарушая того условія, чтобы за него давали точный эквивалентъ деньгами. Такимъ образомъ предупреждается бесполезная трата труда на производство того, въ чемъ общество не нуждается.

Наконецъ, мы должны отмѣтить одинъ фактъ еще болѣе знаменательный: единственное условіе, при которомъ специальная группа работа-

ющих может расширить свою деятельность съ увеличеніемъ общественной потребности въ извѣстнаго рода трудѣ,—состоитъ въ томъ, чтобы договоры были свободны и ихъ исполненіе было обезпечено. Если бы въ тотъ моментъ, когда по недостатку сырого матеріала Ланкаширъ не могъ доставить обычнаго количества хлопчато-бумажныхъ матерій, кто либо вмѣшался въ заключеніе сдѣлокъ и запретилъ Йоркширу требовать болѣе высокую цѣну за шерстяныя ткани, которыя тотъ могъ производить, имѣя въ виду увеличеніе спроса на нихъ,—то не представлялось бы заманчивымъ помѣстить болѣе капиталовъ въ шерстяныя мануфактуры, не возрастало бы ни количество матеріала, ни число рабочихъ, ни производство шерстяныхъ матерій. Въ результатѣ община терѣбла бы отъ того, что дефицитъ хлопчатобумажныхъ тканей не компенсировался бы избыткомъ шерстяныхъ матерій. Какой громадный вредъ можетъ произойти для націи отъ всего, что помѣшало бы ея членамъ свободно заключать условія между собой, мы видимъ изъ контраста между Англійей и Франціей въ дѣлѣ развитія желѣзныхъ дорогъ. Хотя въ Англии препятствія возникли сначала со стороны преобладающихъ въ парламентѣ классовъ, но они не могли помѣшать капиталистамъ помѣщать свои капиталы, инженерамъ руководить работами, а предпринимателямъ предпринимать ихъ; большія прибыли, принесенная вначалѣ вложенными сюда капиталами, большія выгоды, полученные инженерами, были причиной того сильнаго прилива денегъ, энергіи и знанія къ дѣлу постройки желѣзныхъ дорогъ, который позволилъ быстро развить нашу желѣзнодорожную систему и дать громадный толчекъ росту нашего національнаго благосостоянія. Но когда Тьеръ, бывшій въ то время министромъ общественныхъ работъ, прѣхалъ, чтобы ознакомиться съ дѣломъ, онъ сказалъ руководившему имъ при осмотрѣ Виньолю: «Я думаю, что желѣзныя дороги не пригодны для Франціи». Принятая имъ велѣдтіе этого политика, противная свободѣ договора, задержала на 8—10 лѣтъ матеріальный прогрессъ Франціи, содвигшія послѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.

Что означаютъ все эти факты? Они означаютъ, что различныя отрасли промышленности, различныя занятія, профессіи, обслуживающія потребности и нужды общественной жизни, требуютъ прежде всего, чтобы было какъ можно менѣе стѣсненій свободы договорять, а затѣмъ, чтобы ихъ исполненіе было обезпечено. Какъ мы уже видѣли, обоюдное ограниченіе есть единственный источникъ стѣсненій, которымъ естественнымъ образомъ подвергается дѣятельность людей, соединившихся въ общество, а слѣдовательно, не можетъ быть стѣсненій въ договорахъ, которые люди заключаютъ сами: вмѣшиваться въ эти договоры значитъ нарушать право свободы дѣйствій, которое предается каждому, поскольку при этомъ права другихъ остаются неприкосновенными. И тогда, какъ мы уже видѣли, гарантія правъ другихъ гражданъ заключаетъ въ себѣ гарантію исполненія заключенныхъ сдѣлокъ, такъ какъ нарушеніе договора есть косвенное насиліе. Когда покупатель, стоя передъ прилавкомъ, проситъ продавца, стоящаго за прилавкомъ, дать ему на одинъ шиллингъ своего товара и когда онъ въ то время, какъ продавецъ повернулся къ нему спиною, уходитъ изъ лавки, не оставивъ шиллинга, который онъ, какъ подразумѣвалось, обязанъ былъ заплатить, его дѣйствіе не по существу отличается отъ воровства. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода индивидъ, понесшій убытокъ, лишается предмета, которымъ онъ владѣлъ и не получаетъ за него условленнаго эквивалента. Онъ затратилъ свой трудъ напрасну, онъ терпитъ отъ нарушенія условія, необходимаго для поддержанія жизни.

Изъ этого слѣдуетъ, что признавать и обезпечивать права индивидовъ, это значитъ въ то же время признавать и обезпечивать условія

правильнаго соціального существованія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ рѣшающимъ началомъ является жизненная необходимость.

Прежде, чѣмъ перейти къ выводамъ, имѣющимъ практическія примѣненія, покажемъ, какимъ образомъ уже выведенныя частныя заключенія—если мы будемъ разсматривать ихъ въ обратномъ порядкѣ—даютъ намъ то же самое общее заключеніе.

Какъ мы установили сейчасъ, то, что составляетъ необходимое условие для индивидуальной жизни, является съ двойкой точки зрѣнія необходимымъ условиемъ также и для соціальной жизни. Жизнь общества, на какую бы изъ двухъ точекъ зрѣнія мы ни становились, зависитъ отъ охраны индивидуальныхъ правъ. Если она есть ничто иное, какъ только сумма жизней гражданъ, то это яeno само собой. Если же она состоитъ изъ совокупности различныхъ дѣйствій, совершаемыхъ гражданами во взаимной зависимости, то эта сложная и безличная жизнь болѣе или менѣе интенсивна, смотря по тому, уважаются-ли права гражданъ или отрицаются.

Изученіе политико-этическихъ идей и чувствъ людей приводитъ къ аналогичнымъ выводамъ. Первобытные народы различныхъ типовъ показываютъ, что раньше существованія правительствъ, обычан относившееся къ незамытнымъ временамъ, признаютъ права личности и обезпечиваютъ охраненіе ихъ. Кодексы законовъ, развитые независимо у различныхъ націй, одинаково запрещаютъ нарушеніе нѣкоторыхъ правилъ относительно личности, имущества и свободы гражданъ, и это единственное показывается, что источникъ индивидуальныхъ правъ не искусственный, а естественный. По мѣрѣ хода соціального развитія законъ съ болѣею ясностью и точною формулируетъ права, установленныя обычаемъ. Въ то же время правительство все болѣе и болѣе беретъ на себя обязанность защищать ихъ. Дѣлаясь лучшимъ покровителемъ, правительство суживало сферу своего насилія: оно постепенно ограничало свое вмѣшательство въ область частной дѣятельности. Наконецъ, какъ въ прошлыя времена законы измѣнялись явно для того, чтобы лучше приспособиться къ новымъ понятіямъ о справедливости, точно такъ же и теперь реформаторы законовъ руководствуются идеями справедливости, съ которыми должны согласоваться законы, по которымъ отнюдь не вытекаютъ.

Итакъ, здѣсь мы имѣемъ политико-этическую теорію, оправдываемую анализомъ и исторіей. Что ей противопоставляютъ? Модную теорію, которую нечѣмъ доказать. Съ одной стороны констатируя, что, какъ индивидуальная, такъ и соціальная жизнь предполагаютъ естественное соотношеніе между трудомъ и выгодой, мы констатируемъ также, что это естественное соотношеніе, признанное раньше существованія правительства, все болѣе и болѣе признавалось кодексами законовъ и системами морали. Съ другой стороны, мы имѣемъ тѣхъ, которые, отрицая естественнаго права, утверждаютъ, что права искусственнымъ образомъ созданы законамъ, не только рѣшительно опровергаются фактами, но и рушатся само собой: когда отъ нихъ требуютъ, чтобы они доказали его, они отвѣчаютъ всевозможными нелѣпостями.

И это не все. Давъ смутному народному пониманію опредѣленную форму и научную основу, мы приходимъ къ раціональному взгляду на отношеніе между волей большинства и меньшинства. Мы ясно видимъ, что тѣ совмѣстныя дѣйствія, для которыхъ всѣ могутъ соединяться добровольно и для управленія которыми должна по справедливости преобладающее значеніе имѣть воля большинства, суть совмѣстныя дѣйствія, имѣющія цѣлью поддержаніе условий, необходимыхъ для индивидуальной и соціальной жизни. Защита общества въ цѣломъ противъ вышнихъ враговъ имѣетъ косвенной цѣлью сохранить каждому гражданину обладаніе средствами, которыми онъ располагаетъ для удовлетворенія своихъ желаній, и

свободы, дающей ему возможность приобрести другія средства. Защита каждаго гражданина отъ внутреннихъ враговъ, начиная отъ убійць и кончая тѣми, которые наносятъ какой-либо ущербъ своимъ сосѣдямъ, очевидно преслѣдуетъ тѣ же цѣли, раздѣляемая всеми, кромѣ преступниковъ и людей распущенныхъ нравовъ. Отсюда ясно, что при защитѣ этого жизненнаго принципа, какъ по отношенію къ личности, такъ и по отношенію къ обществу, подчиненіе меньшинства большинству законно до тѣхъ поръ, пока оно не обуславливаетъ другихъ стѣсненій собственности и свободы каждаго, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для лучшаго охраненія этой свободы и этой собственности. Отсюда же мы выводимъ заключеніе, что всякое подчиненіе вѣдъ этихъ предѣловъ было бы не законно, такъ какъ равнялось бы нанесенію правамъ индивида болѣе сильнаго вреда, чѣмъ это необходимо для защиты и повело бы за собой нарушеніе того самого жизненнаго принципа, который слѣдуетъ оберегать.

Такимъ образомъ мы возвращаемся къ предложенію, что такъ называемое божественное право парламентовъ и обуславливаемое имъ божественное право большинства—ничто иное какъ суевѣріе. Отбросивъ старую теорію по отношенію къ источнику правительственной власти, удержали вѣру въ неограниченность этой власти, являющаяся правильнымъ выводомъ для старой теоріи, но отнюдь не вытекающую изъ новой. Абсолютная власть надъ подданными логически приписанная человеку, который управлялъ, пока его считали представителемъ Бога, приписывается теперь правящему учрежденію, хотя никто не считаетъ его посланникомъ божества.

Намъ возразить можетъ быть, что споры о происхожденіи и о предѣлахъ правительственной власти—частый недантизмъ; намъ скажутъ: «Правительство принуждено пользоваться для увеличенія общественнаго благосостоянія всеми средствами, которыми оно обладаетъ или которыя оно можетъ приобрести. Цѣлью его должна быть польза и оно имѣетъ право для достиженія полезныхъ цѣлей употребить все необходимыя мѣры. Благосостояніе народа есть высшій законъ, и законодатель не долженъ быть возвращаемъ съ пути повиновенія этому закону путемъ разсужденій о происхожденіи и предѣлахъ ихъ полномочій». Можно ли этимъ путемъ вернуться отъ признанія нашихъ выводовъ или это выходъ, который трудно закрыть?

Возникающій здѣсь основной вопросъ касается вѣрности утилитарной теоріи, какъ ее обычно понимаютъ и отвѣтить на него можно тѣмъ, что въ томъ видѣ, какъ эту теорію понимаютъ, она не вѣрна.

Какъ трактаты моралистовъ, такъ и дѣйствія политиковъ, которые сознательно или безсознательно слѣдуютъ руководству первыхъ, показываютъ, что польза должна опредѣляться непосредственно простымъ осмотромъ наличныхъ фактовъ и оцѣнкой возможныхъ результатовъ; между тѣмъ какъ правильно понятыи утилитаризмъ требуетъ, чтобы люди руководствовались общими заключеніями, доставляемыми тщательнымъ анализомъ уже наблюдавшихся фактовъ. «Ни хорошіе, ни дурные результаты не могутъ быть случайными; они являютя необходимыми послѣдствіями природы вещей, а дѣло науки о морали заключать на основаніи законовъ жизни и условій существованія, какого рода дѣйствія необходимо производить счастье и какого рода дѣйствія производить несчастья». Общепринятая доктрина утилитаристовъ, равно какъ и обычная практика политическихъ дѣятелей, свидѣтельствуютъ о недостаточномъ пониманіи естественной причинной связи явленій. Принято думать вообще, что при отсутствіи явнаго препятствія, можно поступать такъ или иначе, и никто не задается вопросомъ, будетъ или не будетъ этотъ поступокъ согласованъ съ нормальнымъ теченіемъ жизни.

Предшествующія разсужденія, я думаю, показали, что принципы полезности, а слѣдовательно, и дѣйствія правительства не могутъ опредѣляться путемъ разсмотрѣнія поверхностныхъ фактовъ и признанія ихъ такими, какими они кажутся на первый взглядъ, но должны быть сообразованы съ основными фактами. Основные факты, съ которыми должны считаться все рациональныя сужденія о пользѣ, заключаются въ томъ, что жизнь состоитъ изъ извѣстныхъ проявленій дѣятельности и поддерживается ими и что между людьми, живущими въ обществѣ, ихъ сферы дѣятельности, взаимно ограничивая одна другую, должны принадлежать каждому въ созданныхъ этими ограниченіями предѣлахъ, а не дальше ихъ, при чемъ охрана ихъ дѣлается вполнѣтвѣнностью агентовъ, управляющихъ обществомъ. Если каждый, будучи свободнымъ пользоваться своими способностями до границъ, намѣченныхъ такой же свободой другихъ, получаетъ отъ своихъ товарищей за свои услуги столько, сколько онъ заслуживаетъ по ихъ оцѣнкѣ въ сравненіи съ услугами другихъ; если всюду выполняемые договоры доставляютъ каждому опредѣленную такимъ способомъ часть, и если онъ пользуется защитой своей личности и своихъ правъ такимъ образомъ, что можетъ удовлетворять свои потребности посредствомъ своихъ доходовъ, тогда жизненный принципъ, какъ индивидуальнаго, такъ и социальнаго существованія обезпеченъ. Кромѣ того, и жизненный принципъ социальнаго прогресса будетъ также обезпеченъ, такъ какъ при этихъ условіяхъ наиболѣе достойныя индивидуы будутъ преуспѣвать и будутъ размножаться сильнѣе, чѣмъ индивидуы менѣе достойныя. Итакъ, польза, опредѣленная не эмпирическимъ, а рациональнымъ способомъ, требуетъ поддержанія индивидуальныхъ правъ, а слѣдовательно запрещаетъ то, что можетъ быть имъ противно.

Здѣсь мы достигли крайняго предѣла, у котораго должно остановиться вмѣшательство законодателя. Даже въ самой скромной формѣ всякое предложеніе вмѣшательства въ дѣятельность гражданъ, если только это дѣлается не съ цѣлью огражденія ихъ взаимныхъ ограниченій, есть предложеніе улучшить существованіе путемъ нарушенія основныхъ условій жизни. Когда нѣкоторымъ лицамъ препятствуютъ покупать пиво, чтобы другіе не могли напиваться пьяными, то тѣ, которые издають законъ, разсуждаютъ, что это вмѣшательство въ нормальное отношеніе между поступками и ихъ послѣдствіями произведетъ болѣе добра, нежели зла, какъ для малаго числа неумѣренныхъ, такъ и для большаго числа воздержанныхъ людей. Правительство, взимающее часть доходовъ народной массы съ цѣлью отплатить въ колоніи нѣсколько лицъ, которымъ не повезло на родинѣ, или для того, чтобы улучшить дома рабочихъ, или основать публичныя библіотеки, музеи и т. д. допускаетъ въ качествѣ несомнѣннаго факта, что не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ увеличеніе всеобщаго счастья будетъ слѣдствіемъ нарушенія существеннаго условія этого счастья, а именно—возможности для cadaго пользоваться тѣми средствами, которыя оставили ему дѣйствія, выполненныя безъ всякихъ препятствій. Въ другихъ случаяхъ мы не допускаемъ настоящее обманывать насъ такимъ образомъ относительно будущаго. Объявляя, что собственность неприкосновенна со стороны частныхъ предпріятій, мы не будемъ допытываться, будетъ ли выгода для голоднаго, который тащитъ хлѣбъ изъ булочной меньше или больше ущерба, нанесеннаго булочнику; мы разсматриваемъ не частное, а общее дѣйствіе, производимое необезпеченностью собственности. Но когда государство налагаетъ новыя обязательства на гражданъ или дѣлаетъ новое ограниченіе ихъ свободъ, мы видимъ лишь непосредственныя и ближайшія дѣйствія и пренебрегаемъ косвенными и отдаленными послѣдствіями этихъ постоянныхъ вторженій въ область инди-

видуальныхъ правъ. Мы не видимъ, что черезъ накопленіе незначительныхъ нарушеній этихъ правъ, жизненные условія индивидуальнаго или соціальнаго существованія удовлетворятся такъ несовершенно, что самое это существованіе приходитъ въ упадокъ.

Однако, особенно ясно связывается этотъ упадокъ тамъ, гдѣ правительство дѣйствуетъ слишкомъ усердно. Изучая по сочиненіямъ Тэна и Токвилля состояніе вещей до великой французской революціи, мы видимъ, что эта страшная катастрофа произошла отъ чрезмѣрной регламентаціи человѣческой дѣятельности въ малѣйшихъ ея подробностяхъ, отъ столь возмутительнаго поглощенія продуктовъ этой дѣятельности въ пользу правительства, что жизнь становилась почти невозможной. Эмпирическій утилитаризмъ этой эпохи такъ же, какъ и эмпирическій утилитаризмъ нашего времени, разнился отъ рациональнаго утилитаризма въ томъ, что онъ во всѣхъ случаяхъ разсматривалъ только дѣйствіе отдѣльныхъ актовъ вмѣшательства на отдѣльные классы людей и не обращалъ вниманія на дѣйствія, производимыя совокупностью такихъ актовъ на существованіе людей вообще. И если мы станемъ доискиваться причины, дѣлавшей возможнымъ это заблужденіе тогда и дѣлающей его возможнымъ теперь, мы найдемъ, что эта причина есть политическое суевѣріе, согласно которому власть правительства не должна подвергаться никакому ограниченію.

Когда «божественное сіяніе окружавшее монарха и оставившее отблескъ вокругъ наследовавшаго его власть института, совершенно печезнетъ, когда всѣмъ станетъ ясно, что въ націи, гдѣ управляетъ народъ, правительство есть ничто иное, какъ распорядительный комитетъ, и что этотъ комитетъ вовсе не имѣетъ никакой внутренно присущей ему власти, тогда неизбѣжно выведено будетъ изъ этого заключеніе, что власть правительства исходитъ отъ тѣхъ, которые его ставятъ и имѣютъ какъ разъ тѣ предѣлы, которые имъ угодно для нея опредѣлить. Одновременно получится также и то заключеніе, что законы, издаваемые властью священны не сами по себѣ, но что все священное въ нихъ происходитъ всецѣло отъ той моральной санкціи, которая коренится въ законахъ человѣческой жизни, поскольку она протекаетъ среди условій соціальнаго существованія. Отсюда мы имѣемъ выводъ: когда законы лишены этой моральной санкціи, они не содержатъ въ себѣ ничего священнаго и могутъ по праву быть отвергнуты.

Функция либерализма въ прошломъ заключалась въ томъ, чтобы полагать предѣлы власти королей. Функцией истиннаго либерализма въ будущемъ будетъ ограниченіе власти парламентовъ.

Послѣсловіе.

Можно ли надѣяться, что изложенная выше доктрина встрѣтитъ сочувствіе многихъ? Я желаю бы отвѣтить утвердительно; но къ сожалѣнію различныя причины заставляютъ меня думать, что лишь немногія отдѣльныя лица въ состояніи будутъ измѣнить свой политическій символъ вѣры. Одна изъ этихъ причинъ порождаетъ всѣ другія.

Эта существенная причина заключается въ томъ, что ограниченіе правительственной власти въ означенныхъ предѣлахъ желательно только для общества промышленнаго типа, что оно совершенно не совмѣстимо съ военнымъ типомъ и лишь отчасти отвѣчаетъ стремленіямъ полу-военной, полу-промышленной формы, характерной для современныхъ прогрессивныхъ націй. Въ каждомъ фазисѣ соціальной эволюціи должна существовать полная гармонія между практической дѣятельностью и вѣрованіями, то есть конечно вѣрованіями дѣйствительными, а не номинальными.

Жизнь можетъ продолжатъ свое теченіе только благодаря согласованію мыслей и дѣйствій. Или образъ дѣйствій, вызванный необходимостью долженъ измѣнить вѣрованія такъ, чтобы они согласовались между собой, или же преобразование вѣрованій должно въ концѣ концовъ измѣнить образъ дѣйствій.

Изъ этого слѣдуетъ что если охраненіе социальной жизни при такой сложности условій, требуетъ безусловнаго подчиненія верховному главѣ и полнаго довѣрія къ нему, то установится та доктрина, что подчиненіе и довѣріе не только полезны, но и обязательны. И наоборотъ, если, при другихъ условіяхъ подчиненіе гражданъ правительству не необходимо для охраненія національной жизни, если, напротивъ, національная жизнь крѣпнѣе и удашнѣе по мѣрѣ того, какъ граждане получаютъ большую свободу дѣйствій въ ихъ политической доктринѣ совершается постепенное измѣненіе, результатомъ котораго является уменьшеніе вѣры въ правительственную власть, увеличеніе склонности относиться скептически къ ея авторитету и стремленіе въ различныхъ случаяхъ противодѣйствовать правительственнымъ вмѣшательствамъ. Это измѣненіе приводитъ наконецъ къ утвержденію доктрины ограниченія.

Поэтому, мы не можемъ надѣяться, чтобы въ настоящее время правительственное мнѣніе могло значительно измѣниться. Но разсмотримъ этотъ вопросъ поближе.

Воинствъ очевидно, что успѣхъ войны зависитъ отъ довѣрія солдатъ къ своему полководцу. Если они не вѣрятъ въ его знаніе, то этого почти достаточно, чтобы парализовать ихъ успія во время сраженія, тогда какъ абсолютное довѣріе къ нему заставитъ ихъ выполнить свою задачу съ энергіей и храбростью. Если, какъ это случается въ нормально развитыхъ по военному типу обществахъ, одно и то же лицо управляетъ въ мирное время и командуетъ во время войны, то довѣріе къ его превосходству на полѣ сраженія внушитъ довѣріе и къ его способностямъ государственнаго дѣятеля, а общество, въ большой мѣрѣ тождественное съ войскомъ, охотно подчинится ему, какъ законодателю. Даже тогда, когда гражданскій глава, переставъ быть военачальникомъ, исполняетъ свою военную должность черезъ своего представителя, то традиціонное довѣріе къ нему все еще сохраняетъ свою силу.

Точно то же и по отношенію къ повиновенію. При совершенно одинаковыхъ во всемъ остальномъ условіяхъ армія дисциплинированныхъ солдатъ ниже арміи дисциплинированныхъ. Тѣ, которые поспѣшно и всецѣло повинуются начальнику, имѣютъ болѣе шансовъ на успѣхъ въ битвѣ, нежели тѣ, которые не слушаются данныхъ имъ приказаній. А то, что вѣрно по отношенію къ войску, вѣрно также и по отношенію къ обществу въ его цѣломъ; успѣхъ на войнѣ неизбѣжно зависитъ главнымъ образомъ отъ воли управляющаго, который набираетъ людей, снабжаетъ, когда нужно, деньгами и устраиваетъ все согласно требованіямъ минуты.

Отсюда, такъ какъ лучшіе люди переживаютъ сраженія, характерной чертой военнаго типа общества является глубокая вѣра въ правительственную власть, соединенная съ привязанностью къ государю, которая вызываетъ абсолютное повиновеніе во всемъ. Поэтому, среди политическихъ теоретиковъ военнаго общества установится доктрина, дающая формулировку необходимымъ идеямъ и чувствамъ и въ то же время утверждающая, что законодатель, если онъ не божественнаго происхожденія, то по крайней мѣрѣ, дѣйствуетъ подъ внушеніемъ Бога, и что абсолютное повиновеніе ему повелѣвается самимъ Богомъ.

Измѣненіе въ идеяхъ и чувствахъ, которыя такимъ образомъ становятся характерными для военнаго типа организаціи, можетъ совершиться

лишь тамъ, гдѣ обстоятельства благопріятствуютъ развитію промышленнаго типа организациі. Основанная на добровольной, а не на принудительной коопераціи промышленная жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ ее теперь, приучаетъ людей дѣйствовать самостоятельно, заставляетъ ихъ уважать собствѣнные права, уважая въ то же время и права другихъ людей, укрѣпляетъ въ нихъ сознаніе личныхъ правъ и побуждаетъ ихъ сопротивляться злоупотребленіямъ правительственнаго контроля. Но такъ какъ обстоятельства, дѣлающія войны менѣе частыми, возникаютъ лишь медленно, и такъ какъ измѣненія темперамента, являющіяся слѣдствіемъ перехода отъ, преимущественно, военной жизни къ жизни, главнымъ образомъ, промышленной, могутъ совершаться лишь незамѣтнымъ образомъ, то идеи и чувства только мало-по-малу уступаютъ свое мѣсто другимъ идеямъ и другимъ чувствамъ. Существуютъ различныя причины, по которымъ этотъ переходъ долженъ совершаться постепенно. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ:

У первобытнаго и мало-цивилизованнаго человѣка не имѣется еще характера, необходимаго для обширной добровольной коопераціи. Усилия, добровольно соединяемыя съ усиліями другихъ въ виду общей выгоды, требуютъ, если предпріятіе обширно, такого упорства, которымъ еще никто не обладаетъ. Кроме того, тамъ, гдѣ ожидаемые результаты отдаленны и мало извѣстны, какъ это бываетъ во многихъ коопераціяхъ, ради которыхъ соединяются въ наше время, тамъ требуется сила воображенія, совершенно отсутствующая у мало цивилизованныхъ людей. Съ другой стороны, большія частныя ассоціациі, составляющіяся съ цѣлью производства въ большихъ размѣрахъ, обширныя предпріятія и другія цѣли требуютъ отъ соединившихся рабочихъ іерархическаго подчиненія, сходнаго съ подчиненіемъ, необходимымъ въ военной жизни. Иными словами — нельзя достигнуть развитаго промышленнаго типа, какимъ онъ является въ наше время, не пройдя черезъ военный типъ, который путемъ дисциплины воспитываетъ съ теченіемъ времени упорство въ усиліяхъ, готовность дѣйствовать подъ руководствомъ (уже не навязаннымъ, а принятымъ по договору) и привычку организовываться для достиженія большихъ результатовъ.

Слѣдовательно, въ теченіе догихъ періодовъ социальной эволюціи для управленія всѣми дѣлами, за исключеніемъ самыхъ простыхъ, необходима сильная и весьма мало ограниченная правительственная власть, пользующаяся всеобщимъ довѣріемъ и всеобщимъ послушаніемъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что, какъ это показываетъ прошлое древнихъ цивилизацій и нынѣшній Востокъ, великія предпріятія могутъ осуществляться только государствомъ и что добровольная кооперація можетъ замѣнить принудительную кооперацію лишь постепенно и вызвать по справедливости соответствующее уменьшеніе вѣры въ способность и авторитетъ правительства.

Вѣра эта поддерживается, главнымъ образомъ, необходимостью сохранить способность къ войнѣ. Необходимо, чтобы правительство могло, при помощи такого довѣрія и такого всеобщаго подчиненія, располагать по своему усмотрѣнію всѣми силами общества сообразно съ нуждами нападенія и защиты:—отсюда вытекаетъ теорія, обосновывающая вѣру и повиновеніе. Пока чувства и понятія людей таковы, что постоянно могутъ угрожать нарушеніемъ мира, люди должны довѣрять авторитету правительства настолько, чтобы давать ему право принужденія, котораго требуютъ военныя предпріятія и въ то же время это довѣріе къ его авторитету неизбежно даетъ правительству принудительную власть и для другихъ предпріятій.

Такимъ образомъ, какъ мы уже говорили, основная причина, не

позволяющая рассчитывать на многочисленныхъ приверженцевъ изложенной нами доктрины, состоитъ въ томъ, что мы въ настоящее время лишь частью отвергли военный режимъ и лишь частью ввели режимъ промышленный къ которому эта доктрина въ дѣйствительности приложима.

До тѣхъ поръ, пока религія ненависти будетъ преобладать надъ религіей любви, будетъ неизбежно сохраняться широко распространенное, политическое суевѣріе. Пока во всей Европѣ воспитаніе правящихъ классовъ будетъ состоять въ томъ, чтобы заставляя юношество шесть дней въ недѣлѣ восторгаться великими героями войны и только въ седьмой день напоминать имъ о заповѣди, повелѣвающей сложить оружіе, пока эти классы будутъ подчиняться моральному кодексу, въ которомъ лживые примѣры составляютъ шесть седьмыхъ, а правила христіанскаго ученія только одну седьмую,—до тѣхъ поръ нельзя рассчитывать на то, чтобы международныя отношенія могли приобрести иной характеръ, и стало возможнымъ уменьшеніе правительственной власти, а вмѣстѣ съ нимъ и соответствующее измѣненіе политической теории. До тѣхъ поръ, пока управленіе дѣлами колоній будетъ вестись въ томъ духѣ, что туземныя племена, за сопротивленіе, оказанное англичанамъ, нарушившимъ ихъ права, будутъ нести возмездіе, не согласно ихъ собственному варварскому принципу: жизнь за жизнь, но по нашему усовершенствованному способу массового избіенія за простое убійство. врядъ ли можно надѣяться, что политическая доктрина, основанная исключительно на уваженіи правъ ближняго, могла быть принята всеми. До тѣхъ поръ, пока неповѣдкая вѣра истолковывается въ томъ смыслѣ, что въ глазахъ общества будетъ заслуживать посмертнаго чествованія человекъ, который въ Англии произноситъ рѣчи въ собраніи миссіонеровъ, а очутившись въ чужой странѣ, старается затѣять войну съ соседнимъ народомъ, съ цѣлью покорить его.—до тѣхъ поръ трудно ожидать, что наши отношенія къ другимъ обществамъ не выльются въ другую форму. А ранѣе этого не можетъ приобрести сколько нибудь широкое распространеніе доктрина ограниченія правительственныхъ функций, подразумевающая то уменьшеніе правительственной власти, которое отвѣчаетъ нуждамъ мирнаго существованія. Нація, которая, занимаясь церковными спорами относительно обрядовъ культа, такъ мало заботится о сущности этого культа, что флибустьеровъ въ ея колоніяхъ скорѣе одобряютъ, чѣмъ порицаютъ, при чемъ даже проповѣдники ея религіи любви не обличаютъ ихъ,—такая нація должна страдать отъ нарушенія права вчутри ея, совершаемыхъ, какъ индивидами по отношенію другъ къ другу, такъ и правительствомъ по отношенію къ индивидамъ. Не можетъ нація осуществить блага справедливости въ своей странѣ, когда она въ чужихъ странахъ поступаетъ несправедливо.

Разумѣется, мнѣ предложить слѣдующій вопросъ: для чего излагать и поддерживать не примѣнимую въ наше время теорію?

Кромѣ общаго отвѣта, что великій, кто считаетъ какую либо теорію вѣрной и важной, обязанъ сдѣлать все, что можетъ, чтобы распространить ее, не заботясь о возможномъ результатѣ,—можно указать нѣсколько частныхъ мотивовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности было бы достаточно.

Во-первыхъ каждый идеалъ, какъ бы ни былъ онъ далекъ отъ своего осуществленія въ настоящее время, всегда необходимъ, какъ путеводная нить. Если есть на лицо масса компромиссовъ, которые обстоятельства времени дѣлаютъ или заставляютъ казаться необходимыми, но не существуетъ понятія о лучшемъ и худшемъ въ социальной организаціи; если люди ничего не видятъ, помимо требованій минуты и привыкаютъ ожеждать ближайшее улучшеніе съ окончательнымъ благомъ, то настоящаго прогресса

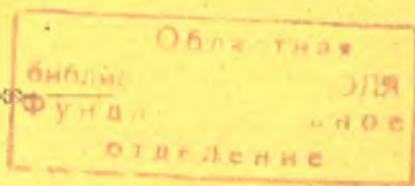
не может быть. Какъ бы ни была отдаленна цѣль, какъ бы ни были многочисленны препятствія, которыя могутъ принудить насъ свернуть съ ведущаго къ ней пути, очевидно, что необходимо знать, гдѣ она находится.

Далѣе, до тѣхъ поръ, пока настоящая степень подчиненія индивидуумовъ государству, такъ же какъ и соответствующая политическая теорія, могутъ оставаться необходимыми при существующихъ международныхъ отношеніяхъ, нѣтъ никакой надобности увеличивать это подчиненіе и укрѣплять приспособленную къ нему теорію. Въ нашъ вѣкъ напряженнаго человѣколюбія множество людей, съ нетерпѣніемъ стремящихся улучшить участь своихъ, менѣе счастливыхъ, ближнихъ путемъ самыхъ быстрыхъ методовъ, всѣми силами стараются развить административныя учрежденія свойственныя низшему типу общества — пятятся назадъ, желая идти впередъ. Нормальныя затрудненія на пути прогресса уже достаточно велики, и печально то, что они становятся все больше и больше. Слѣдовательно, весьма полезно показать человѣколюбцамъ, что во многихъ случаяхъ они несомнѣнно готовятъ будущее несчастье человѣчества, столь усердно преслѣдуя цѣль его благосостоянія въ настоящемъ.

Самое главное, однако, заключается въ томъ, чтобы внушить всѣмъ людямъ ту великую, еще многими непризнанную истину, что внутренняя и внѣшняя политика какого либо общества связаны между собой, и что не можетъ быть существеннаго улучшенія одной безъ существеннаго улучшенія другой. Если мы хотимъ, чтобы наше внутренняя организація соответствовала болѣе высокимъ принципамъ справедливости, необходимо, чтобы мы и въ нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ постоянно сообразовались съ болѣе высокими принципами справедливости. Если бы убѣжденіе въ томъ, что такое взаимодѣйствіе существуетъ, могло распространиться между цивилизованными народами, оно въ сильной степени уменьшило бы враждебныя столкновенія между народами и тѣмъ самымъ сократило бы начало принужденія въ ихъ правительственныхъ системахъ и произвело бы соответствующія измѣненія въ политическихъ теоріяхъ.

к о н е ц ъ .

№ 11774

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Новый торизмъ	3
II. Будущее рабство	15
III. Грѣхи законодателей	34
IV. Великое политическое суевѣріе	58
V. Послѣсловіе	79
